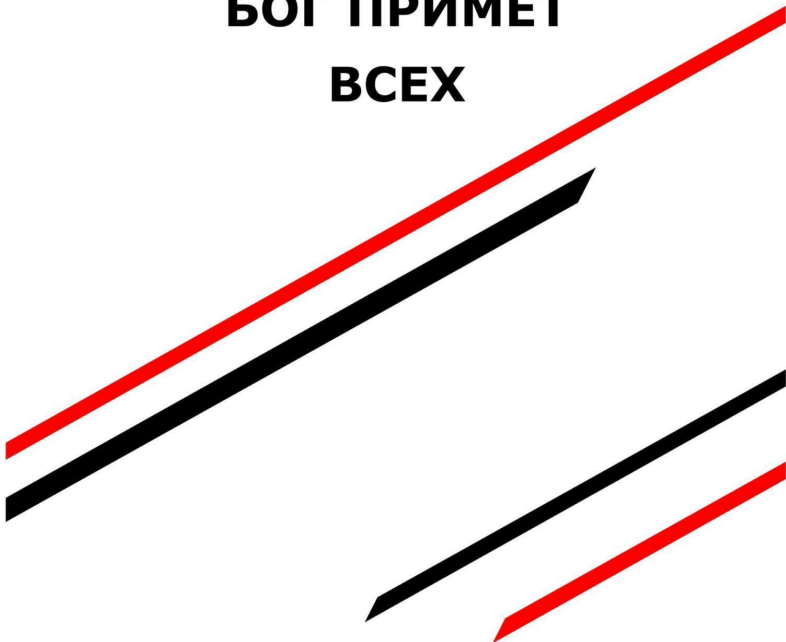

Александр Аввакумов

**БОГ ПРИМЕТ
ВСЕХ**

Александр Леонидович Аввакумов

Бог примет всех

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69580915

SelfPub; 2023

Аннотация

Произведение посвящено исходу белого воинства из Крыма. Красный террор в отношении офицерства и казаков – все это вписывалось в рамки классовой борьбы, которую проповедовал большевизм. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Александр Аввакумов

Бог примет всех

Казань, июль 1913 года. Центральная улица города Проломная была полна народу. Несмотря на раннее утро, в городе было жарко и душно. Где-то далеко грохотал гром и его раскаты, похожие на артиллерийскую канонаду, заставляли людей вздрагивать и вжимать головы в плечи. По улице Георгиевской быстрым шагом шла молодая симпатичная девушка. На вид ей было не более семнадцати – восемнадцати лет. Одета в дорогое красивое платье, она заметно выделялась из проходящих мимо нее женщин. Ее черные, словно смоль волосы, были аккуратно уложены в замысловатую прическу. На ее голове была небольшая шляпка, которая делала ее лицо по-детски наивным и привлекательным. Проходящие мимо нее мужчины останавливались и провожали ее восхищенными и завистливыми взглядами. Девушка иногда останавливалась около витрин дорогих магазинов, и со стороны можно было подумать, что ее интересуют товары, аккуратно разложенные на полках. Однако ее мало интересовали товары, так как она не заходила ни в один из магазинов. То, что она находится под наружным наблюдением жандармерии, девушка хорошо знала. Она почувствовала слежку через квартал от дома, в котором проживали ее знакомые.

Ее неотступно сопровождали двое молодых мужчин, которые постоянно менялись между собой местами. То один шел за ней, довольно близко за ее спиной, то другой.

«Сколько их: двое трое? – размышляла она, стараясь отыскать филеров среди шагающих по улице людей. – Если их только двое, то можно попытаться оторваться от сотрудников наблюдения. Если больше, то практически уйти от них не удастся....».

Девушка старалась не думать о том, что ее могут арестовать, однако, эта навязчивая мысль о возможном аресте, словно гвоздь застряла в ее голове, не давая ей возможности принять единственно верное решение. Она снова остановилась около магазина и, делая вид, что поправляет шляпку, посмотрела в витринное стекло магазина. Мимо нее проходили люди, не обращая никакого внимания на стоявшую у витрины девушку.

«Неужели отстали? – радостно подумала она. – Не может быть, эти люди, вцепившись в нее, едва ли способны вот так просто оставить ее без должного внимания. Просто я их не вижу или они подключили к наблюдению новых незнакомых ей сотрудников».

Она отошла от витрины и, приподняв подол своего платья, перешла на другую сторону улицы.

«Чему я обрадовалась? Вот один, что стоит напротив магазина, делая вид, что читает афишу. А вот и второй».

Сотрудник наружного наблюдения был небольшого ро-

ста и, судя по военной выправке, был, похоже, из отставных унтер-офицеров, из которых в основном и формировалась служба наружного наблюдения 3 – его охранного отделения жандармерии.

Он достал из портсигара папиросу и стал прикуривать. В этот момент, к нему подошел мужчина в котелке и стал прикуривать от его папиросы. Судя потому, что ему говорил тот, что «вел» ее от дома, она догадалась, что ее «передают» с рук на руки.

«Господи, помоги мне, – прошептала она, заметив в отражении витрины еще одного филера, молодого мужчину в соломенной шляпе. – Как они вышли на меня, ведь я всего лишь сутки в Казани. Неужели, провокатор?».

Она свернула на Георгиевскую и, заметив свободную пролетку, подняла руку. Девушка моментально заметила, как засуетились филеры. Вот один из них снял шляпу и, достав из кармана брюк носовой платок, вытер им лоб. Второй, что тащился за ней от самого дома, остановился в метрах сорока позади ее и, нагнувшись, стал поправлять шнурок на ботинке, изображая на своем лице полное безразличие ко всему, что творилось вокруг него.

«Нужно срочно оторваться от филеров. До встречи с Михаилом Соколовым осталось всего около часа», – подумала девушка, садясь в пролетку.

Извозчик стеганул по крупу лошади кнутом и та, словно проснувшись от сна, резво побежала по улице, громко цо-

кая своими подковами по булыжной мостовой. Незнакомка обернулась и заметила пролетку, которая держалась в метрах пятидесяти позади их. Опыт подсказывал ей, что оторваться от преследователей пока ей не удалось. По всей вероятности руководством 3-его охранный отделения принято решение о ее аресте. Готова ли она была сейчас к этому, скорей всего нет. Она расстегнула ридикюль и, достав из него небольшой листочек бумаги, на котором были записаны адреса явок, разорвала его на мелкие кусочки.

«Кажется все, – решила она, наблюдая, как эти мелкие кусочки бумаги разносит ветер, – больше ничего опасного для подполья у меня нет».

– Извозчик! Остановите экипаж, – попросила она мужчину, который управлял пролеткой.

Извозчик – мужчина лет пятидесяти, молча, остановил экипаж. Сунув в его потную ладонь деньги, она ловко спрыгнула со ступеньки пролетки и быстрым шагом направилась в магазин купца Стахеева.

Преследователи, словно разгадав маневр девушки, тоже ускорили свое движение. Катерина – именно так звали нашу юную героиню, оглянулась назад. Мужчина, тот, кто завывал шнурок, исчез, словно растаял в воздухе. Его место занял другой. Филер был в косоворотке, на голове его была одета черный картуз, какие обычно носят извозчики. Он то

и дело останавливался и делал вид, что его ничего не интересует, что он просто прогуливается по улице.

Заметив солидного и импозантного вида мужчину, Катерина, улыбаясь, направилась в его сторону. Сильный порыв ветра сорвал с ее головы шляпку, которая покатилась по мостовой и оказалась у ног мужчины.

– Мадмуазель! – произнес мужчина и протянул ей шляпку. – Что делает с женщинами ветер.

Девушка улыбнулась. Лицо у нее было немного растерянным и поэтому было столь привлекательным, что заставило еще раз улыбнуться мужчину.

– Благодарю. Вы очень любезны. Чтобы я делала, если бы не вы? Наверняка, осталась бы без шляпки, – произнесла она, заметив, как напряглись лица у филеров.

«Сейчас кто-то из них потащится за женщиной и их станет меньше», – подумала она.

– Всегда рад услужить такой красивой девушки. Вас не проводить до дома, а то знаете ветер....

– Еще раз благодарю, – произнесла Катерина и улыбнулась мужчине.

Он приподнял шляпу и направился дальше по улице. Один из филеров, тот, что был одет в студенческую тужурку, направился вслед за ним. Взмахом руки девушка остановила пролетку и, коснувшись плеча извозчика, назвала ему адрес. Извозчик стеганул кнутом по крупу лошади и та, сорвалась с места. Розалия оглянулась назад и увидела шпииков, кото-

рые метались по улице, стараясь остановить, проезжающие мимо них экипажи. Сунув в руки извозчика пятак, девушка выскочила на ходу из пролетки и моментально исчезла в одном из проходных дворов.

Михаил Соколов, мужчина в возрасте тридцати пяти лет, одетый в светлый костюм и шляпу стоял около афишной тумбы и нервно курил. Он явно волновался, и чем ближе подходило время встречи со связной, волнение его усиливалось с каждой минутой. Сотрудникам 3-его отделения жандармерии удалось выйти на участников подпольной группы большевиков, и аресты товарищей стали практически ежедневным явлением. В том, что среди них появился агент охраны уже ни у кого не вызывало никакого сомнения. Кто-то осторожно тронул мужчину за локоть и он, вздрогнув всем телом, резко обернулся.

– Катерина? Слава Богу! Я думал, что вы не придете, – произнес Соколов и, взяв ее за локоть, завел внутрь магазин.

Она покорно последовала за ним.

– Вы ничему не удивляйтесь. Приказчик в магазине наш хорошо проверенный товарищ и там есть небольшое помещение, где и поговорим.

Мягко звякнул колокольчик, подвешенный над входной дверью магазина, и они оказались в небольшом торговом зале. Посетителей в магазине было мало, и вряд ли кто-то из них обратил свое внимание на вошедшую в зал пару.

– Нам сюда, – наклонившись к ее уху, тихо произнес Соко-

лов, и галантно придерживая девушку за локоть, направился к двери, которую трудно было заметить среди торговых прилавков.

Михаил толкнул дверь рукой и, пропуская вперед себя Катерину, оглянулся назад. Покупатели были заняты своими делами, и никто из них не обратил никакого внимания, на исчезнувшую за массивной дубовой дверью молодую пару. Помещение было не очень большим, пять метров в ширину и три метра в длину. Посреди комнаты стоял стол, два кресла и небольшой диванчик. Мужчина посмотрел на Катерину и рукой указал ей на кресло.

– Присаживайтесь, Катенька, – предложил ей Соколов. – Насколько я знаю, вы сегодня по приказу центра, должны выехать в Петербург. Я хотел, чтобы вы передали нашим товарищам из Питера, что мы временно прекращаем свою активную деятельность. Нужно срочно помочь семьям наших арестованных товарищей, а, как вам известно, денег у нас нет и где их взять, мы не знаем. Это первое. Второе, в организации действует провокатор, и пока мы его не выявим, какую-либо активную работу осуществлять опасно.

Девушка пристально посмотрела на Михаила.

– Расписаться в беспомощности проще, чем провести экс. Получается, что его должны делать для вас другие люди, чтобы каким-то образом обеспечить вас необходимыми деньгами. Вам не кажется, товарищ Соколов, что это несправедливо рисковать чужими жизнями?

По лицу мужчины пробежала едва заметная тень гнева. Еще никто из его окружения не мог обвинить его в трусости. Михаил достал из портсигара папиросу и закурил. Выпустив струю голубоватого дыма в потолок, он посмотрел на девушку.

– Вы сами видите, товарищ, что творится в городе. Скоро от нашей ячейки никого не останется. Среди нас явно находится провокатор, но кто он, мы пока не знаем.

– И как долго вы собираетесь выявлять его?

Михаил промолчал. Было хорошо слышно, как кто-то из покупателей торговался с продавцом.

– Все понятно, товарищ Соколов, – тихо произнесла Катерина. – Я непременно передам членам ЦК вашу просьбу. Думаю, что сейчас для нас всех очень важно сохранить ядро казанской организации. Однако вам придется самостоятельно вычислить провокатора охраны, и чем быстрее вы это сделаете, тем больше товарищей вы сохраните. Когда я направлялась на эту встречу, то попала под плотное наружное наблюдение. Скажите, кто знал о моем приезде в ваш город. Я не верю в случайности, провокатор, похоже, среди ядра вашей организации.

Соколов усмехнулся. Он тоже не верил в случайности.

– Простите меня, Катерина, но я не знаю, что вам ответить. О вашем приезде знали только несколько человек, в том числе и я. Надеюсь, вы не подозреваете меня? Все они старые партийцы и я не могу поверить, что кто-то из них стал

на путь предательства.

Катерина открыла свою сумочку и достала из него платочек, которым она смахнула со лба бисеринки пота.

– Товарищ Соколов, несмотря на мой возраст, я не новичок в нашей подпольной работе. Не имеет смысла направлять деньги из Петербурга, если нет гарантии, что они попадут по назначению. А, сейчас, мне нужно идти. Здесь есть запасной выход?

– Да. Я провожу вас.

– Спасибо не нужно. Я достаточно хорошо знаю Казань, чтобы уйти от филеров.

– Бог с вами, Катенька. Передавайте привет нашим товарищам из Питера.

Соколов подвел ее к стеновой панели и, нажав на полку, открыл потайную дверь.

– Прощайте. Даст Бог, встретимся.

Она быстро вышла из помещения и оказалась в небольшом грязном дворе. Заметив покосившие от времени ворота, она направилась к выходу.

Порыв ветра мощно ударил Катерину в спину. Девушка, придерживая рукой шляпку, быстрым шагом направилась по узкому переулку. Заметив свободную пролетку, она махнула извозчику рукой.

– Куда поедим, барышня? – поинтересовался он у нее.

– Пока прямо, – неуверенно произнесла она, – а там я вам скажу.

– Прямо, так прямо, – ответил мужчина и, улыбаясь, дернул поводья. – Ну, пошла!

«Какой назвать адрес? Дома? Нет нельзя, там наверняка засада, – подумала она. – На явочную квартиру? А вдруг и там, жандармы? Тогда куда? Соколов прав, кто-то уверенно ведет охранку по цепочке, сдавая одного подпольщика за другим. Тогда, что делать, куда ехать? Наверное, нужно срочно покинуть город!».

– Дяденька! Отвезите меня на вокзал, – обратилась Катерина к извозчику. – Я хочу успеть на поезд в Петербург.

– Хорошо, барышня. На вокзал, так на вокзал. Вы не беспокойтесь, успеем...

Он хлестнул лошадь кнутом и та, заржав и вздрогнув крупом от боли, помчалась по улице, высекая искры из булыжной мостовой. Не доезжая до вокзала квартала два, Катерина остановила пролетку и, расплатившись с извозчиком, направилась к вокзалу пешком. Найдя глазами железнодорожную кассу, она быстрым шагом направилась к ней.

– Мне билет до Петербурга, – произнесла Катерина и протянула кассиру купюру.

– Барыня! Билеты остались лишь в жестком вагоне, – предупредил ее кассир. – Братъ, будете, барыня или нет?

Девушка оглянулась по сторонам и, не заметив опасности, облегченно вздохнула.

– Да, да. Будьте так добры....

Сунув билет в сумочку, Катерина посмотрела за привокзальные часы. До отправления поезда оставалось около двух часов. Она взглянула через окно вокзала на перрон и моментально признала в одном из мужчин филера, которого таскала за собой с самого утра.

«Боже, мой! Что делать? – лихорадочно подумала девушка. – Откуда им известно, что я на вокзале? Выходит извозчик оказался агентом охраны. Если я сейчас выйду на перрон, он сразу меня «срисует». Тогда оторваться от них вряд ли удастся».

Филер по-прежнему двигался по перрону туда и обратно. Он явно ждал, надеясь увидеть Катерину. Она посмотрела на часы, до отправления состава оставалось еще около часа. Наконец подали состав. Посмотрев на нумерацию вагонов, она вздохнула с облегчением. Ее вагон стоял как раз на выходе из здания железнодорожного вокзала.

«Хоть в этом повезло, – подумала она. – Сейчас, когда филер отойдет от дверей, я постараюсь незаметно проникнуть в вагон».

Сотрудник охраны прошел мимо окна, взглядываясь в лица пассажиров, которые устремились к вагонам. Выждав минуту, она вышла из здания. Ей удалось пройти в вагон, прежде чем филер двинулся в обратную сторону. Почувствовав на себе чей-то взгляд, девушка оглянулась назад. В дверях тамбура стоял мужчина средних лет в черном котелке.

Его аккуратно постриженная борода, не совсем новый костюм, выдавали в нем какого-то конторского клерка. Однако, Катерина, была достаточно опытной подпольщицей, чтобы поддаться внешнему впечатлению.

«Срисовал, гад! – первое, о чем подумала девушка, – видишь, ухмыляется, скалит свои зубы. Похоже, не уйти».

Теперь стало бесполезно пытаться укрыться от глаз филеров. Куда бы она ни направлялась, за ней шли люди из охранки. Она вышла из вагона и пошла вдоль состава.

«Как им стало известно, что, я уезжаю в Петербург? Кто об этом знал? Странно, но я никому об этом не говорила. Пойми! Как никому не говорила, а Соколову, извозчику? Только не паникуй, Катерина, не паникуй. Извозчик? Едва ли? Выходит, Соколов провокатор! Но о нем всегда хорошо отзывались товарищи из ЦК. А, может, быть я виновата сама, и попала под наблюдение при выходе из магазина? Но, я не заметила слежки или они сделали все, чтобы я не заметила? Что теперь делать? Судя по тому, как нагло они ведут себя, значит, они все же решили меня арестовать... », – решила она.

Катерина мило улыбнулась мужчине и направилась прямо к филеру. Сотрудник наружного наблюдения явно не ожидал подобного, он растерялся и не знал, что ему предпринять.

– Скажите, милейший человек! – громко обратилась она к мужчине. – И долго вы будете ходить за мной по пятам? Вы, что думаете, я вас не заметила?

Взоры провожавших людей невольно обернулись к ней.

– Чего вы молчите? Кто вы такие? Бандиты? Почему вы меня преследуете?! Господа! Может кто-то из вас их знает?

В какой-то момент, она заметила, как в ее сторону направился полицейский.

– В чем дело, мадмуазель? – спросил он ее. – Что здесь происходит, что за скандал?

– Не знаю, господин урядник. Просто вот эти двое с утра преследуют меня. Я не знаю, кто они и прошу вас разобраться с ними. Думаю, что это бандиты, господин полицейский!

Лицо мужчины с бородкой стало бледным, он явно был растерян. Полицейский громко засвистел в свисток. Два полицейских стоявших не так далеко от него, быстро направились в его сторону, расталкивая пассажиров локтями.

– Пройдемте со мной, господа! – обратился к филерам полицейский. – Не нужно упрямитесь. Не силой же мне вас....

Пока полицейский приглашал их в участок, Катерина оказалась одна на перроне. На первый путь подали состав на Москву. Не останавливаясь, она быстро направилась к вагону.

Шум вокзала разорвал на мелкие клочки трели полицейских свистков. Катерина посмотрела из окна вагона на перрон, по которому туда и сюда сновались шпики из охраны

в сопровождении дюжих полицейских. Они, то сбивались в какую-то непонятную отъезжавшим людям, толпу, то снова разбегались в разные стороны, надрывно свистя в свои свистки.

«Сейчас они начнут проверять вагоны и тогда шансов уйти от ареста, у меня просто нет», – подумала она.

Кровь ударила ей в голову. Боль прострелила ее тело, вызвав непонятную ей слабость, которая моментально сковала ее молодое и сильное тело. Катерина сразу представила себя в темной и сырой камере, с маленьким окном и поржавевшей от времени решеткой на нем. От этой мысли ей стало еще хуже. Она открыла сумочку и нащупала ребристую рукоятку женского «Браунинга». Холод металла на какую-то секунду вернул ей уверенность. Она снова взглянула в окно вагона, а затем, выйдя из купе, направилась вдоль вагона. Внезапно дверь одного из купе открылась, и в коридор вышел молодой красивый подпоручик. Его красивое с легким румянцем лицо, заставило девушку остановиться.

– Господи! Помогите мне, – обратилась она к офицеру. – Меня пытаются арестовать...

Подпоручик с удивлением посмотрел на Катерину. Ее взволнованное лицо, ее необычное обращение к нему было столь неожиданным, что он какой-то миг растерялся.

– Катя! Неужели это ты? – произнес офицер. – Проходи в мое купе. Залезайте на верхнюю полку и замрите на время.

В вагон неторопливым шагом вошел мужчина в черном

костюме и котелке, сзади него маячила фигура крупная городского. Мужчина стал бесцеремонно открывать одну дверь купе за другой. Он явно кого-то искал. Наконец, он остановился напротив купе, около которого стоял подпоручик и курил папиросу. Филер уже взялся за ручку купе, чтобы открыть дверь, но ладонь офицера неожиданно легла на его кисть.

– Вы, что вы себе позволяете, милейший? – произнес подпоручик. – Какое вы имеете право врываться в мое купе, не спросив у меня разрешения? Кто вы такой?

Суровый вид офицера остановил сотрудника охраны. Он словно налетел на невидимую стенку и растеряно смотрел на подпоручика. Это продолжалось какую-то секунду, другую...

– Господин подпоручик! Мы разыскиваем девушку. Она опасный государственный преступник, – стал, как бы оправдываться филер. – Поймите меня правильно, это очень опасный государственный преступник.

Офицер усмехнулся.

– Что вы говорите? Мне плевать на вас, господин филер. Я гвардейский офицер и верный слуга нашего государя и это позволяет мне выкинуть вас из вагона поезда. Смешно, господа. Вы устроили здесь целый тарарам из-за какой-то девчонки. Стыдно, господа...

Мужчина промолчал и прошел дальше, продолжая открывать и заглядывать в купе. Убедившись, что в вагоне разыс-

квиваемой девушки нет, они направились в соседний вагон. Офицер открыл дверь купе и улыбнулся девушке.

– Катя! Они ушли. Скажите мне, чем же вы так напугали нашего царя-батюшку, если за вами устроили такую охоту? – произнес подпоручик. – Вы, похоже, были в таком состоянии, что не узнали меня. Я же бывший ваш сосед. Наш дом был напротив вашего дома. Посмотрите на меня внимательно, неужели и теперь вы меня не узнаете?

Теперь пришлось удивиться девушки.

– Боже, мой! Неужели это вы? Как же я вас не узнала, Евгений? Боже мой, Евгений Варшавский.... Вы подпоручик....

– Да, Катерина, я уже подпоручик. Вот направляюсь в свою часть. Гостил в имении у родителей...

– А я вот так и не увидела своих родителей. Не знаю, как они, – произнесла девушка. – А вы их видели?

– Видел, Катя, видел. Даже бывал у вас дома, хотел поинтересоваться у них, где вы сейчас и вдруг такая встреча. Я вашего папеньку видел позавчера, выглядит неплохо: бодр, здоров.

Евгений Варшавский, пристально посмотрел на девушку, словно стараясь уловить в ней ту маленькую девочку, которую помнил. Когда-то она часто приходила к ним в дом, ведь она была очень дружна с его младшей сестрой Марией.

– Скажите мне, Катя, зачем вам все это нужно? Неужели вы думаете, что вам удастся сделать счастливыми всех лю-

дей? Согласитесь, ведь это настоящая утопия. Что вам не хватает в этой жизни? У вас и вашей семье все есть: большой дом, свое дело? Вы никогда ни в чем не нуждались. Отец ваш ярый сторонник самодержавия и православия, кто вас заразил этим нигилизмом-марксизмом.

По лицу девушки расплылся румянец. В ее больших синих глазах вспыхнули огоньки ярости и в этот момент, она была готова броситься на Варшавского с кулаками, доказывая правоту своих убеждений.

– Вам не понять меня, Евгений, – произнесла она, сдерживая себя. – Личного счастья мне ненужно, если не счастлив мой народ. Вы видели, как живут рабочие, которые приносят богатства маленькой кучке богатеев? Молчите, значит, не видели, а я вот видела! Вы никогда не задавали себе вопрос, а почему это так? А вы спросите себя и тогда найдете ответ, почему есть такие люди, как я, которые хотят принести этим людям счастье... и если для этого потребуется отдать свою жизнь, я ее отдам.

Варшавский улыбнулся. Слова Кати были столь пылки и убедительны, что он невольно подумал, не больна ли она. Он достал папиросу и закурил.

– Вот этим вы и пугаете просвещенное общество, – произнес Евгений. – Вот смотрю я на вас Катенька и невольно думаю, вы ведь ни перед чем не остановитесь и если вам будет нужно, вы зальете кровью весь белый свет. Вам не страшно? А мне, страшно. Но, давайте, вернемся в настоящее время.

Как я понял, вы направляетесь в Москву, а оттуда в Петербург. Как вы рассчитываете доехать до Москвы? Ведь вас, наверняка, продолжают разыскивать, и стоит вам лишь показаться на перроне в Москве, вас моментально схватят. Ведь это правда?

– Вы правы, Евгений, – немного подумав, произнесла Катерина, – и мне остается лишь рассчитывать только на вас. Вы же меня не сдадите в полицию или я ошибаюсь?

– Боже упаси меня, Катенька! Я офицер императорской армии, а не жандарм. Мое предназначение защищать родину от врага, а не ловить политических. Оставайтесь в моем купе, другого выхода у вас просто нет....

Она впервые за все это время, улыбнулась.

– Спасибо, Евгений. Может, придет время, и мы вновь встретимся с вами. Я никогда не забуду об этой услуги, которую вы оказали мне.

– Не стоит об этом говорить, Катенька. Я хочу, чтобы вы просто вспоминали хоть иногда подпоручика Варшавского, который когда-то любил вас, наслаждался этими глазами, вашим голосом. Кстати, вы не замужем?

Лицо девушки вспыхнуло. Это мимолетное признание в любви было столь неожиданным, что сердце Катерины готово было выскочить из груди. Она вспомнила, как смотрел на нее юнкер Варшавский, когда они вечерами собирались в их доме, пили чай и играли в лото.

– Надеюсь это шутка, Евгений? У вас, наверняка, есть да-

ма, которая завладела вашим сердцем.

– Нет, Катенька, это не шутка. Вот увидел вас, и снова что-то защемило в груди...

Поезд резко дернулся и, издав надрывный гудок, медленно тронулся с места. За окном поплыл перрон, станционные постройки, окрашенные в белый цвет, которые через определенный момент времени сменились зеленью леса. Поезд набирал скорость

Кабинет начальника охранного отделения жандармерии был довольно большим и светлым. Два больших окна были широко раскрыты. Легкий ветерок плавно покачивал шторы. За спиной полковника жандармерии висел большой портрет императора. На большом столе, застеленным зеленым сукном стоял серебряный подстаканник со стаканом из тонкого стекла, в котором был остывший от времени чай. Полковник иногда преподносил его ко рту и отпивал маленькими глотками терпкий вкусный чай.

– Что скажите, милейший? Как прошла ваша встреча с представителем центра? – произнес полковник своим низким бархатным голосом. – Напугали мы ее или нет?

Михаил Соколов улыбнулся.

– Думаю, вы правы, Пантелей Семенович, напугали. Она помчалась на вокзал без оглядки, забыв о задании, по выявлению агента, то есть меня.

Полковник громко засмеялся.

– Это хорошо. Там ее встретят наши люди...

Где там и кто эти люди, жандарм не стал уточнять. Полковник усмехнулся и отпил глоток остывшего чая. Сейчас он внимательно наблюдал за сидящим перед ним человеком. Перед ним сидел лучший его агент, которому удалось глубоко проникнуть в большевицкое подполье и сейчас, Пантелей Семенович, не только владел информацией о деятельности подполья, но временами и сам принимал непосредственное участие в планировании тех или иных акций городской подпольной организации.

– Скажите, Соколов, как она отреагировала на вашу просьбу о финансовой помощи семьям арестованных товарищей?

– Мне показалось вполне положительно, Пантелей Семенович. Жалко, что она сама не решает подобные вопросы.

– А это и хорошо, милейший человек. Пусть доложит в ЦК. Пусть они скинутся на это дело, а мы их курьеров здесь и переловим. Наша с вами задача милейший поссорить ЦК с городской подпольной организацией и вызвать у них недоверие. Любое недоверие, это наша с вами маленькая победа над большевиками.

В кабинете повисла пауза.

– Вот вы и должны зародить это недоверие, – продолжил развивать свою мысль Пантелей Семенович. – А для этого вам, милейший, думаю, придется съездить не только в Пе-

тербург, но и в Лондон или Цюрих.

– Я слишком маленькая фигура в этой большой игре. Наверное, для этого нужен другой человек с большим авторитетом.

– Напрасно вы так думаете, Соколов. Иногда и пешка проходит в ферзи. . . ., – полковник не договорил, давая понять собеседнику, что этот вопрос уже, наверняка, согласован с руководством службы. – У меня есть неплохая задумка в отношении вас. Мы вас арестуем за убийство. Не смотрите на меня так, я не сумасшедший. Вы убьете провокатора. Да, среди ваших друзей по партии есть наши люди. Я вам предоставлю всю информацию по этому человеку, и вы с группой товарищей совершите этот акт. А ваш побег из-под стражи не только повысит ваш авторитет среди партийцев, но и позволит вам занять определенную, более высокую ступеньку в иерархии партии. Это в будущем, а сейчас идите, отдыхайте, Соколов.

Михаил поднялся и, взяв в руки шляпу, направился к небольшой двери, которая находилась в углу кабинета. Он на какую-то долю секунды задержался около двери, словно не решаясь переступить порог, но затем резким движением руки открыл дверь и исчез за ней. Полковник нажал на кнопку звонка, которая была установлена на крышке стола и буквально через секунду – другую в дверях появился молоденький ротмистр. Он лихо щелкнул каблуками сапог и застыл в стойке «смирно». Пантелей Семенович посмотрел на румя-

ное лицо ротмистра и невольно улыбнулся. Впервые за долгие годы своей нелегкой службы, он позавидовал этому розовощекому ротмистру.

– Вот что, милейший. Возьмите под наблюдение Соколова, – приказал он ротмистру. – Я должен знать все: с кем он встречается, о чем говорит и даже думает. Смотрите не «проколитесь», я знаю вас, чертей! И, еще, принесите мне, наконец, горячего чая.

Ротмистр кивнул головой и, щелкнув каблуками, вышел из кабинета, плотно закрыв за собой массивную дверь.

Петербург, встретил Катерину непогодой. Ветер с финского залива рвал темные свинцовые облака на клочья и носил их над темными водами Невы. Девушка шла по улице, держа в одной руке зонт, а в другой круглую шляпную коробку. Она иногда останавливалась и бросала свой взгляд назад, стараясь рассмотреть сквозь серую пелену дождя сгорбленные фигуры филеров. То ли погода сыграла свою определенную роль, то ли еще какие-то непонятные ей обстоятельства, но шпикив она не видела.

«Неужели отстали? – подумала она. – Не может быть, что они решили снять наружное наблюдение».

Отсутствие наблюдения еще больше напугало Катю, чем активность людей из охранки. Вот и нужный ей адрес. Она посмотрела на окно, которое было зашторено плотной зеле-

ной занавесью. Прежде чем перейти улицу, она еще раз посмотрела на окно.

«Окно зашторено, значит все в порядке», – подумала она.

Она осторожно перешла улицу и остановилась около парадного подъезда дома. Однако, осторожность и, вжившаяся совсем недавно в нее осторожность, заставили ее пройти мимо дома. Сделав небольшой крюк, она снова вернулась к нужному ей дому. Расстегнув сумочку, она нащупала рифленую рукоятку «Браунинга». В последнее время она практически не расставалась с оружием. Этот маленький, вмещавшийся в ее ладони пистолет, придавал ей определенную уверенность, силу. Она передернула затвор и, открыв входную дверь дома, смело вошла в темную парадную. Остановившись, она сложила зонт, поправила шляпку и не торопясь, направилась к лестнице. Где-то наверху звучала фортепьянная музыка, и она невольно вспомнила родной дом, где ее мама по вечерам часто музицировала на рояле. Эти приглушенные и чарующие звуки Шопена, на какой-то миг сняли с нее напряженность. Она улыбнулась и, ускорив шаги, быстро поднялась на второй этаж. Бросив взгляд на медную досочку, что крепилась справа на двери, она нажала на кнопку звонка. Где-то еле слышно прозвучал звонок. Дверь открылась и в проеме двери показалась дородная фигура женщины.

– Вам кого? – спросила ее женщина.

Катерина невольно обратила внимание на напряженную

фигуру женщина, на сдавленный от волнения голос. Какой-то внутренний голос подсказывал ей, что там за дверью ее ожидает засада.

– Добрый вечер. Вам привет от Сашеньки, – тихо произнесла девушка. – Мне сказали, что вы сдаете комнату?

Женщина растеряно посмотрела на девушку, не зная, что ей ответить на ее вопрос.

– Вам привет от Сашеньки, – снова повторила она. – Именно она дала мне ваш адрес.

Женщина продолжала молчать, стоя в проеме открытой двери. Страшная мысль буквально прострелила сознание Катерины.

– Извините! Похоже, я перепутала дом.

Она резко повернулась и бросилась бежать вниз по лестнице. Кто-то схватил ее за руку, стараясь остановить ее, но она со всей силы ударила зонтом человека в лицо. Удар был таким сильным, что человек охнул и упал на лестницу. Она выскочила на улицу и, не разбирая дороги, бросилась бежать. Она слышала за своей спиной полицейские свистки, но они еще больше подстегивали ее. Забежав в подъезд соседнего дома, она устремилась вверх по лестнице. На втором этаже она заметила слегка приоткрывшуюся дверь. Распахнув ее, она оказалась в большой прихожей.

– Кто там? – слышала она глуховатый мужской голос. – Вам кого?

Девушка прижалась к стене и достала из сумочки «Брау-

нинг». Рифленая рукоятка пистолета легла в ее небольшую ладонь. В прихожую вышел мужчина и, увидев промокшую насквозь незнакомую ему девушку, державшую в руке пистолет, буквально обомлел от страха.

– Кто вы и что вам нужно? – с трудом выдавил он из себя. – Уходите, мне не нужны неприятности!

Голос мужчины надломился и последнее слово он произнес буквально фальцетом. Он сделал шаг в сторону и со страхом посмотрел на незнакомку, которая направила пистолет ему в голову. Отверстие в стволе, буквально парализовало его волю.

– Ради Бога, не бойтесь, я вас не трону! – произнесла Катерина, почувствовав металл, в своем голосе. – Черный выход есть? Ну! Не заставляйте меня стрелять! Что вы молчите? Черный выход есть или нет!?

– Да..., – прохрипел от волнения мужчина и рукой указал на дверь, ведущую в кухню. – Он там....

– Покажите! Ну, живо! – произнесла Катерина и повела стволом пистолета, заставляя хозяина квартиры показать ей этот выход.

Мужчина сделал несколько шагов и обернулся, еще не веря, что в его квартире по-прежнему находится это молодая женщина с пистолетом.

– Как ваша фамилия? – неожиданно для хозяина квартиры спросила девушка.

– Зачем вам моя фамилия? – ответил ей мужчина осип-

шим от волнения голосом.

– Если вы меня выдадите, мои товарищи убьют вас и всех ваших родных и близких вам людей.

Мужчина направился на кухню и рукой указал на дверь.

– Откройте! – приказала она ему.

Хозяин квартиры дрожащей рукой открыл щеколду, и девушка буквально прошмыгнула в образовавшуюся щель.

– Я вас предупредила, – произнесла она и быстро стала спускаться по лестнице вниз.

Выглянув из-за двери и убедившись, что двор пуст, она подобрала края своей длинной юбки и устремилась на улицу.

Вечером, Катерина, уже выступала в небольшом доме на окраине города, в котором собрались рабочие. Перед ее выступлением, активист – большевик Никифоров представил ее рабочим.

– Товарищи! Сейчас перед вами выступит товарищ Рысь, которая совсем недавно прибыла в наш город из Лондона. Он, а вернее она, расскажет нам, как прошел съезд нашей партии большевиков.

В комнате стало тихо. Все повернулись в сторону миловидной девушки, которая сидела у окна. Катерина встала с места и посмотрела на собравшихся рабочих. Два десятка глаз устремили свой взор на нее. Легким движением руки она поправила выбившийся из-под косынки локон во-

лос. Лицо Кати преобразилось, а в глазах заблестел какой-то неистовый огонь.

– Товарищи рабочие! Члены ЦК партии большевиков и товарищ Ленин передают вам свой пламенный боевой привет! – произнесла она. – Несмотря на то, что товарищ Ленин сейчас находится за границей, он хорошо знает, что происходит у нас на родине, он верит, что скоро наступит тот самый момент, когда в России рухнет прогнивший царский режим и власть перейдет в руки трудового народа, то есть в ваши руки, товарищи. Наша с вами задача, не только ждать этого момента, но и всячески способствовать этому. Для этого необходимо усилить наше влияние в рабочей среде, вести агитационную работу. Чем больше рабочих станет на нашей стороне, тем быстрее падет ненавистный трудовому народу царский трон. Пусть вас не пугают аресты и гонение власти. Вспомните апостолов Христа, которые подвергались не меньшему гонению и в результате они победили....

– Скажите, товарищ Рысь, а вы случайно не жидовка?

Это было сказано так неожиданно для ее, что лицо Катерины вспыхнуло. Казалось вот-вот и она бросится на оппонента с кулаками.

– Вы ошиблись, товарищ! Я не жидовка! Я дочь русского народа, которого, как и вас угнетает царское правительство. Почему вы меня об этом спросили, товарищ.

– Почему вы меня спрашиваете? А потому, что все кто здесь выступал до вас, были жидами. Вот я сижу и думаю,

может и партия, о которой вы говорите тоже жидовская, а не рабочая?

Катерина улыбнулась.

– Станный вопрос, товарищ? А вы сами не жид случайно?

Собравшиеся засмеялись. Она еще говорила около часа, рассказывая рабочим о программе партии большевиков. Закончив говорить, она посмотрела на руководителя ячейки.

– Товарищи, на этом я думаю, закончим на сегодня. Нужно проводить товарища Рысь. Вавилов! Проводи ее дворами. Не нужно, чтобы ее здесь видели.

– Хорошо, товарищ Никифоров.

Катерина накинула на плечи шерстяной платок и, попрощавшись, с рабочими вышла вслед за Вавиловым. На улице было темно. Где-то недалеко лаяли дворовые собаки.

– Осторожней, товарищ Рысь, – тихо произнес Вавилов, – под ногами большая лужа.

– Спасибо, товарищ, – поблагодарила она мужчину. – Темно у вас здесь...

Вскоре они вышли на улицу, мощеную булыжником.

– Спасибо, товарищ Вавилов. Теперь я сама доберусь, – произнесла девушка и, поправив сбившийся с головы платок, направилась по улице.

Подпольщик проводил ее взглядом, отметив про себя ее хрупкую фигуру и повернувшись, направился в обратную сторону. Катерина шла по улице, размышляя о своей встрече.

че с Никифоровым. Они знали друг друга около года. Он работал на Путиловском заводе и хорошо знал жизнь рабочих. Перед отъездом в Лондон на съезд партии, она встречалась с ним, и он передал ей письмо, адресованное Ленину. Заметив пустую пролетку, девушка направилась к ней.

– На Невский, – произнесла она и, подобрав подол юбки, села в пролетку.

Повозка тронулась. Она откинулась на спинку и закрыла глаза. Мерный цокот копыт по булыжной мостовой, скрип рессор, просто убаюкивал Катерину. Внезапно, повозка остановилась. Она открыла глаза, перед ней сидел офицер в форме жандармерии.

– Вот и приехали, Катерина Игнатьевна, – произнес офицер. – Сколько веревочки не виться, а кончик найдется.... Не ожидали? А я давно искал с вами встречу.

– Вы ошиблись, господин ротмистр. Вы явно меня с кем-то спутали, – словно оправдываясь, произнесла она. – Меня всегда с кем-то путают....

– Не нужно изображать из себя невинную овечку, как у вас говорят, товарищ Рысь. Вы же сами понимаете, что это бесполезно. Так, что поехали дорогая к нам в заведение, там и поговорим. Теплый прием и камеру с солнечной стороны, я вам обещаю.

Катерина хотела открыть свою сумочку, где лежал ее пистолет, но офицер предусмотрительно вырвал ее из ее рук.

– Не нужно, Катерина Игнатьевна, не нужно. Я не первый

год служу в охранном отделении. Береженого человека, Бог бережет, так, по-моему, говорится в народе.

Дорога до здания охраны заняла совсем немного времени. Катя шла в сопровождении двух офицеров. Поднявшись на второй этаж, они остановились напротив большой массивной двери. Один из офицеров приоткрыл ее и скрылся за ней. Видимо доложив о ее аресте, он вышел из кабинета и, взглянув на побледневшее лицо Катерины, предложил ей пройти в кабинет.

За большим массивным столом сидел мужчина средних лет с большими залысинами на лбу. Его тонкие редкие волосы были аккуратно зачесаны назад. Сквозь них поблескивала лысина.

– Присаживайтесь, Катерина Игнатьевна, а, может, для вас более привычно, товарищ Рысь? Простите меня, Христа ради, но, взглянув на вас, я невольно удивился, почему товарищи выбрали для вас такой неподходящий псевдоним – Рысь?

В кабинете повисла тишина. Кабинет был большим, обставленный дорогой инкрустированной мебелью. В углу отбивали секунды большие напольные часы. Тик-так, стучали часы....

– Вы знаете, мне жалко вас, Катерина. Вы такая молодая, красивая девушка.... Вы знаете, что вам грозит? Не хотите отвечать, ну и не надо, мы и так все знаем о вас и ваших друзьях. Мы даже знаем, где вы сегодня были, перед кем вы

выступали. Если желаете, могу вам доложить.

Мужчина сделал небольшую паузу. Он внимательно рассматривал сидевшую перед ним девушку.

– Я, просто, хочу понять вас, что вам не хватает в вашей жизни: острых ощущений или других каких-либо причуд? Ведь у вас все есть: дом, богатство... Вы знаете, я могу вас сейчас просто выставить за дверь учреждения и провести арест всех ваших друзей, и завтра вас просто убьют ваши же друзья и товарищи по борьбе, и вы умрете, как предатель. Все они будут считать, что именно вы предатель. Как вам подобная перспектива?

Катерина по-прежнему, молча, смотрела на хозяина кабинета

– Мои товарищи вам не поверят, так как хорошо знают меня. Они знают, что я лучше умру в ваших застенках, чем выдам вам своих друзей...

Мужчина громко засмеялся, в его глазах заиграли какие-то непонятные ей огоньки. Пододвинув к себе стакан с чаем, он сделал глоток и снова взглянул на сидящую перед ним девушку.

– Вам бы хорошего мужа, да маленьких детишек, а вы все в революцию играете, героя из себя строите. Но, вы не герой, вы просто глупая девчонка и не более.

Он снова засмеялся. Теперь этот смех был каким-то противным и насмешливым.

– Я не хочу с вами разговаривать! – громко произнесла

Розалия и поднялась со стула. – Отправьте меня в камеру!
– Сидеть и молчать! Фанатичка! Посмотрим, как вы запоете, оказавшись на каторге. Да, да, на каторге. Там не будет платьев из Парижа, там будет труд, от которого, как говорят, кони дохнут. Пройдет год и о вас забудут, словно вас никогда и не было.

Мужчина нажал на кнопку и в дверях появился городской.

– Отведите, ее милейший человечек в камеру. Там клопы давно не вкушали молодой крови. Устроим им пир!

За спиной Катерины с грохотом хлопнула металлическая дверь. Она обернулась назад и заметила, как открылся дверной глазок, и чей-то глаз с интересом посмотрел на ее одинокую фигуру, которая, словно статуя стаяла у двери, боясь сделать свой первый шаг в ожидавшую ее неизвестность.

Катерина подошла к нарам. Сумрак камеры, размеренные шаги надзирателей за дверью угнетали ее.

«Как я могла так легко угодить в расставленные охранкой сети? Кто знал о моем выступлении и явке? Наверняка, об этом знали с десятков товарищей... Кругом провокаторы. Кому верить? – крутилось у нее в голове. – Интересно, кто знает о моем аресте? Как сказал это жандарм, что сегодня они организуют аресты подпольщиков, а завтра они меня выпустят. Следовательно, подпольщики знают о проваленной

явке и моем аресте. Однако поверят ли мои товарищи, что я предала их? Кого я знаю в этом городе? От силы человек пять или шесть.... А вдруг именно их и схватит охранка? Хорошо стала работать охранка, надо отдать ей должное».

– Кто такая мешчанка? Проститутка? – раздалось из темного угла камеры. – У нас здесь принято здороваться!

– Нет, я не проститутка. Я политическая. Кто здесь старшая по камере? Мне нужно место.

Этот ответ вызвал в камере легкое замешательство. В камере сидели воровки, проститутки и бродяги.

– Здесь не вокзал и лишних мест нет. Падай, где хочешь.

Она прошла вдоль нар. Заметив свободное место, Катерина, присела. Сильный пинок буквально снес ее с места. Катя словно пушинка слетела с нар и упала на грязный пол.

– Пошла вон! – произнесла полная женщина с остатками макияжа на лице. – Вот что дорогуша, ломись из хаты. Нам такие соседи здесь не нужны

Она еще хотела что-то сказать, но в этот момент Катя впилась ей в волосы. Они обе повалились на пол и стали кататься по полу, пытаясь впиться ногтями в лицо. Неожиданно открылась дверь камеры и в проеме показалась массивная фигура надзирателя.

– Прекратить! – громко скомандовал он.

Женщины поднялись с пола и, пылая гневом, стали напротив друг друга.

– Все хватит «собачится». Ты политическая иди сюда,

здесь тебя никто не тронет.

Катя посмотрела на женщину и села рядом с ней.

– Можно я прилягу, у меня сильно болит голова.

– Ложись...

Она сидела на нарах, размышляя над тем, как она легко угодила в сети охранки. От этих мыслей у нее вдруг разболелась голова. Она легла на нары и закрыла глаза. Однако мысль о возможной провокации охранки не отпускала ее.

«Как-то все странно, провалы в Казани и Петербурге. Я почему-то грешила на Соколова, но он не знал о явках в Петербурге, следовательно, он не мог знать назвать их. А, если знал? А вдруг я ошибаюсь и Михаил Соколов честный большевик? Но кто меня мог предать здесь? Никифоров? Вавилов? Но, ни один из них не знал, куда я направлюсь. Следовательно – ни кто из них. Тогда кто?»

Шаги надзирателя стихли около двери ее камеры. Она взглянула на дверь и заметила, как за ней внимательно наблюдал чей-то внимательный глаз.

– Дайте мне воды! – крикнула Катерина.

– Не положено! – ответил глуховатый голос надзирателя. –

Ты новенькая?

– Да, – ответила Катя.

– Выходи!

Ее перевели в соседнюю камеру-одиночку. Девушка обернулась и увидела глазок, в который кто-то наблюдал за ней. Глазок закрылся, и снова стало тихо. Катерине не спалось.

Несмотря на физическую и эмоциональную усталость, сон не шел. Жандарм был прав, вскоре она почувствовала, что по ее руке кто-то ползет. Это был клоп. Она испугано вскочила на ноги и попыталась стряхнуть с себя насекомых, которые, как ей показалось, ползали по ее одежде. Всю ночь она не сомкнула глаз. Под утро, когда в камере стало светло, усталость сломила ее, и она заснула. Ее разбудил шум открываемой двери. В камеру вошел надзиратель и молча, поставил на пол металлическую тарелку с кашей, куском хлеба и кружку с водой.

– Извольте кушать. Это прислал вам начальник тюрьмы, – произнес он и, развернувшись, вышел из камеры.

Катерина поднялась с нар и взяла тарелку в руки. Только теперь она поняла, как она проголодалось. Она с жадностью съела кашу и с сожалением посмотрела на дно тарелки. По действующему предписанию, арестантов кормили гречневой кашей, которая была малокалорийной и через час-другой, арестант снова ощущал приступы голода. Весь день она ждала, когда ее выведут на допрос, но этого не произошло. Она терялась в догадках, с чем это было связано, то ли с угрозой жандармского чиновника, то ли с попыткой сломить волю, и склонить ее к сотрудничеству.

Неожиданно дверь открылась, и голос надзирателя вернул ее к действительности.

– Выходи! Что ты копаешься, словно курица!

Катерина быстро вскочила на ноги и чуть ли не бегом

устремилась к двери.

Она шла по длинному узкому коридору, придерживая подол своего платья. Иногда ей казалось, что этому коридору не будет конца. За ее спиной, тяжело дыша, шел надзиратель. Тюрьма жила своей жизнью: в одной из камер кто-то громко смеялся, в другой наоборот, кто-то громко причитал.

– Стоять! Лицом к стене! – раздалось за спиной Катерины.

Она, молча, выполнила команду надзирателя. Он с шумом распахнул дверь и слегка подтолкнул ее в спину.

– Свидание краткосрочное, тридцать минут.

Она не сразу разглядела человека, который стоял спиной к свету. Мужчина был одет в военную форму, которая как влитая сидела на его спортивной фигуре.

– Катя! Это я, Евгений Варшавский....

– Женя? Как ты сюда попал? Откуда ты узнал о моем аресте?

Варшавский улыбнулся.

– Ты же сама говорила, что тебе нужно в Петроград. Вот стал тебя разыскивать. Узнал, через знакомых, что ты в «Крестах». Как ты здесь?

Она улыбнулась. Однако улыбка у нее получилась какой-то вымученной.

– Что у тебя с лицом? Тебя били?

– Нет. Просто, как может быть свободному человеку в

этой каменной клетке. Ты не поверишь, но я не рассчитывала увидеть тебя здесь. Я думала, что меня ведут на допрос.... Как все неожиданно.

Разговор явно не клеился. Радость на лице Евгения Варшавского постепенно исчезла.

– Катя! Завтра я уезжаю на фронт. Я не знаю, что меня там ждет и поэтому я пришел к вам, чтобы предложить вам руку и сердце. Если вы согласны, то нас сегодня же обвенчают в тюремной церкви.... Что вы молчите?

– Не смешите меня, Евгений. Вы православный человек, а я атеистка, поэтому о винце не может быть и слова. Это первое. Во-вторых, вы дворянин, а я – мещанка. Мы разные во всем: в сословии и наконец, во взглядах. Вы за единую и неделимую Россию, за веру царя и отечество, а я за власть, рабочих и крестьян. Поэтому, мы как вода и огонь, каждый может существовать лишь отдельно друг от друга.

Катерина замолчала и посмотрела на посеревшее лицо Евгения.

– Вы не обижайтесь на меня, Евгений.... Да и проблем у вас со мной будет множество. Скоро меня осудят. Нужна ли вам такая жена, как я? Думаю, что вам гвардейскому офицеру наш брак вскоре станет в тяжесть, так что простите меня. Вы молоды, красивы....

Она не договорила. В какой-то миг ей стало жалко этого человека, стоявшего перед ней во всей красе гвардейской офицерской формы. Он что-то хотел ей сказать, но она за-

крыла его рот своей маленькой изящной ладонью.

– Катенька! Чем я могу помочь тебе? – спросил ее Евгений.

– Вы мне помочь? Да не смешите меня, Варшавский! Впрочем, запомните адрес: Невский, дом 2, второй этаж, квартира номер шесть. Передайте привет от меня Сергею Ивановичу.

– Привет? И все?

– Да, все.... Я вам буду благодарна за это. А сейчас, идите, не стоит здесь задерживаться.

Она повернулась и постучала в дверь, которая моментально открылась.

– Отведите меня в камеру, – обратилась она к надзирателю. – Простите меня, вот сейчас я посмотрела на вас и поняла, что упускаю свое счастье. Если честно, то мне кажется, что я вас любила, но это было в моей прошлой жизни. Прощайте, Евгений....

Дверь закрылась и ее вновь повели по длинному нескончаемому коридору.

–Стоять! Лицом к стене!

Тяжелая рука надзирателя легла ей на плечо. Она остановилась и повернулась лицом к стене. Противно заскрипели петли двери.

– Прошу барыня, – произнес надзиратель и слегка под-

толкнул девушку в плечо.

Она сделала шаг и остановилась у двери.

– Эй, ты! Чего стоишь, словно неживой человек? Давай, будем знакомиться! – выкрикнул кто-то из темноты. – Что молчишь? Первая ходка? Да, проходи... Вон ложись, теперь это будет твое место.

Катерина, молча, прошла и села на краешек нар.

– Да, первая. Раньше лишь читала о тюрьме, – тихо ответила девушка. – Я политическая...

Все повторялась. Кто-то громко засмеялся. Она попыталась рассмотреть этого человека, но сумрак в камере не позволил ей этого сделать.

– Это ты вчера устроила драку в камере?

– Да, – ответила она, невольно удивившись тюремному телеграфу.

– Все в порядке, мамзель. Давай, знакомиться, меня зовут Зинаида, а это Нинка. Она тоже, как и ты впервые, за убийство. Хахаля своего ножом пырнула, а он возьми, и помер...

Зинаида громко рассмеялась, чем вызвала у Нинки приступ ярости.

– Я бы и тебя курва порезала. Надоела ты мне.

– Трудно тебе придется, краля, – произнесла Зинаида. – Кость то у тебя тонкая, не рабочая. Боюсь, сломает тебя тюрьма.

Катерина сняла с себя платок и, постелив его на доски, осторожно легла на него.

– А ты за что здесь, Зинаида?

– Воровка я, – ответила женщина. – Вот «обнесла» одного господина и оказалась здесь. Мне не впервой, переживу.

– Выходит, ты тоже хотела стать богатой? – тихо спросила ее Катерина.

– А кто из нас не хочет быть богатой? – переспросила ее Зинаида и громко засмеялась. – Можно подумать, что ты не хочешь этого?

– Представь, себе нет. Богатой, не хочу. Я хочу быть счастливой и счастливой не одна, а вместе со всем рабочим народом.

– Ну, ты и загнула, барышня! Ничего себе, счастливой, вместе с народом. Народу-то много, счастья на всех не хватит. Странная ты какая-то. Ты случайно не заболела?

Где-то в темноте камеры, кто-то фыркнул от смеха.

– Темная ты, Зинаида! Ничего, пройдет время, и ты сама все увидишь.

– Я темная, говоришь, а ты глупая. Что ты знаешь о жизни? Жила, как сыр в масле каталась. Ты хоть знаешь, как дверь на завод открывается, как там люди работают. Вы только и умеете, что мутить народ. А чуть прижмут вас, вы сразу же за границу уезжаете, прячетесь там. Вот я и своего мужика обнесла, он мне тоже все о счастливой жизни рассказывал, как и ты, говорил, что все это будет скоро. А я не хочу ждать, я сейчас хочу своего счастья... Ты поняла меня или нет?

Катерина легла на нары и закрыла глаза. В камере стало

тихо и стало отчетливо слышно, как по коридору двигался охранник, тридцать шагов вперед, поворот и еще тридцать шагов. Ей почему-то стало жалко себя до слез. Ей просто не верилось, что она такая опытная подпольщица так просто оказалась в руках охраны.

«Где же я совершила ошибку? Кто меня выдал: Никифоров, Вавилов? – снова думала она. – Чего я сейчас гадаю, сейчас это уже не так важно, главное я попалась и похоже, вырваться мне отсюда не удастся».

За окном, с хитрым переплетением решетки и металлической сетки, стало темно.

«Ночь, – подумала Розалия. – Интересно, знают ли товарищи о моем провале? Выполнил ли ее просьбу Варшавский? Наверное, догадались и без него...».

Рядом с ней тихо засопела Зинаида, она, похоже, заснула. Нина во сне стала тихо стонать. Катя повернулась на бок.

Раз, два, три... раздавались шаги за металлической дверью камеры. Почему-то она в эту минуту вспомнила своего отца. Отец не скрывал свою любовь к ней, он часто говорил, что любит ее больше других детей. Она была самой способной, самой нетерпеливой, самой проницательной и, даже братья признавали это, что она самая умная среди них. Катерина была на редкость серьезной девушкой, запоем читала все, что попадалось ей в руки. Однако любовные бульварные романы ее не так интересовали, как серьезные книги. На запоем читала Толстого, Тургенева, Чехова. Анна Каренина

вызывала у нее лишь снисходительное сожаление, а Лизу Калитину она даже осуждала.

«Шла бы ты, голубушка не в монастырь, а в революцию, там тебе, с твоей принципиальностью, самое место...».

Ее больше увлекали произведения по истории, по социологии. Катя хорошо помнила, как ночами, закрывшись в своей спальне, запоем читала «Капитал» Карла Маркса.

В 1894 году она, окончив гимназию, поступила в Лионский университет на курс медицинских наук. Катерина хорошо помнила свои студенческие годы, как искала применением своим силам. Однажды, знакомый ей студент предложил ей почитать брошюру Владимира Ульянова «Что такое «друзья народа...», которая коренным образом изменила ее жизнь. В какой-то момент она поняла, что все, чем она занималась до этого, ничего не стоит. Она вдруг ощутила себя человеком, которая, не задумываясь, готова была пожертвовать своей жизнью ради революции. Бросив учебу, она вернулась в Россию и вскоре вступила в социал-демократическую организацию, став профессиональной революционеркой. Ее жизнь приобрела совершенно другие ритмы: Германия, Швейцария, адреса, явки, пароли... Ей иногда казалось, что все это не реально, все это какой-то сон и стоит лишь открыть глаза, как все это моментально исчезнет, и она снова станет прежней Катей. Она со страхом отбрасывала от себя эту мысль, потому что уже другой жизни для себя она не представляла.

Прошел год, и Катю впервые арестовали. Она хорошо помнит начальника казанского охранного отделения. Он смотрел тогда на нее и словно ребенок радовался этому успеху.

– Ну, что голубушка, попалась... Ты, наверное, думала, что ты такая умная, а мы дураки? Нет, царь-батюшка, просто так платить жалование не будет. Была бы моя воля, я бы вас всех смутьянов собрал бы в одном месте и утопил.... А, ты не смейся! Вы как клопы мешаєте жить полной грудью.... Вот ты мне скажи, что ты добиваешься? Чего ты хочешь? У тебя все есть и родители, и деньги. Чего тебе не хватает? Молчишь, нечего ответить?

Он громко засмеялся ей в лицо. Несколько капель слюны попали ей на лицо, и она сморщила его от отвращения.

– Не нравится? Привыкай.... Будет еще хуже...

Потом она узнала, что ее выдал провокатор, который внедрился в группу рабочих, которым она читала лекции о революционном движении. Именно он сообщил охранке, что именно она собственноручно вышивала красное знамя для первомайской демонстрации.

За дверью камеры стихли шаги. Стало так тихо, что она услышала, как где-то далеко-далеко стучат по рельсам колеса поездов. Она вздохнула и повернулась на другой бок.

Третьи сутки шел дождь. Окопы, которые накануне были

выкопаны солдатами, были наполовину заполнены водой. В землянках было сыро и не уютно. Немцы вели редкий артиллерийский обстрел, заставляя солдат каждый раз вздрагивать от близкого взрыва и падать лицом в грязь. Откинув в сторону полог, в землянку полковника Некрасова вошел Варшавский.

– Господин полковник! Разрешите обратиться?

Некрасов оторвал свой взгляд от разложенной на столе карты и посмотрел на подпоручика.

– Что у вас?

– Господин полковник, разрешите сделать вылазку к немцам. Они, как и мы, наверняка, попрятались по землянкам. Думаю, что мы легко проникнем в их расположение, и если удастся, захватим их орудия.

– Полковник положил на стол карандаш, который он держал в руке и снова, но уже с интересом посмотрел на подчиненного.

– И как вы хотите проникнуть к ним? – спросил его полковник.

Варшавский подошел к столу и, взяв в руки карандаш, ткнул им в большое зеленое пятно на карте.

– Вот в этом месте, господин полковник, балка. По ней мы и пройдем. С немецкой стороны там охранения нет. Сейчас она, наверняка, затоплена дождевой водой, и мы пройдем по ней и ударим немцев во фланг.

По лицу полковника пробежала тень сомнения. Он не ве-

рил в эту авантюрную затею, которую хотел осуществить, стоявший перед ним подпоручик. Однако она была столь дерзкой и заманчивой, что отказать в смелости этому человеку, он просто не мог.

– Хорошо, подпоручик. Сколько вам нужно для этого людей?

– Десятка три, господин полковник. Я уже отобрал надежных людей.

– Когда вы хотите провести эту операцию?

– Сегодня, как только стемнеет.

– Бог вам в помощь.

Варшавский, козырнул и вышел из землянки. Он посмотрел на небо покрытое темными и тяжелыми тучами и направился в расположение своей роты. Где-то рядом прогремел взрыв, окатив его мелкой водяной пылью. Он спустился в свою землянку. Из-под настеленных на полу досок сочилась вода. Он снял намокшую шинель и повесил ее на палку около небольшой печи, которую соорудили ему солдаты и металлической бочки. В землянку заглянул прапорщик, прибывший в полк из последнего пополнения.

– Разрешите, ваше благородие?

– Заходите, Гришин, – ответил Евгений. – Вы не передумали пойти со мной в рейд?

– Никак нет, ваше благородие. А, что разрешили?

Варшавский кивнул головой.

– Готовь людей. Выступаем, как только начнет темнеть.

Пусть солдаты возьмут гранаты, думаю, что лишними они не будут.

Прапорщик, развернулся и исчез за пологом. Евгений сел на койку и, достав лист бумаги, начал писать письмо родителям. Он вкратце изложил фронтовые новости и поинтересовался у них, что им известно о судьбе Кати. Закончив писать, он сложил письмо и сунул его в конверт. Он уже в который раз вспомнил свою последнюю встречу с Катериной.

«Наверное, я сам виноват в том, что она забыла меня, – подумал он. – Кого в этом винить, кроме меня самого, некого. Нужно было писать ей из юнкерского училища, а не ограничиваться одними открытками к праздникам».

Он закрыл глаза и предался воспоминаниями. Он вспомнил детство. Вот он катит по улице санки, в которых сидит маленькая, словно ангелочек девочка. Она звонко смеется.

– Быстрее, быстрее! Ты что плетешься словно кляча!

Он тоже смеется и ускоряет свой бег. На повороте санки опрокидываются, и Катя падает лицом в снег. Он помогает ей подняться на ноги, и осторожно касаясь ее лица, начинает гладить его.

– Катенька, прости меня, прости Христа ради...

Она смеется и целует Евгения в щеку.

– Ваше благородие. Люди готовы!

Он открывает глаза и видит перед собой прапорщика. Только сейчас он понимает, что он спал. Варшавский, молча, надел шинель и взглянув на Гришина, вышел вслед за ним

из землянки.

Шли тихо. Мир Варшавского сузился в ширину спины, идущего перед ним прапорщика Гришина. Воды было много, иногда она достигала уровня груди, и им приходилось поднимать оружие над головой. По-прежнему ухала немецкая пушка, только теперь эти выстрелы звучали где-то совсем рядом с ними. Воды стало меньше, это говорило о том, что они стали выходить из балки.

– Прапорщик, пусть разведчики проверят выход.

Спина Гришина растворилась в темноте. Евгений достал из деревянной кобуры «Маузер» и взвел курок. Время буквально замедлило свой бег.

«Сколько времени прошло, а разведки все нет. Что случилось?» – размышлял Варшавский, вглядываясь в темноту.

Где-то рядом снова грохнул артиллерийский выстрел.

– Ваше благородие! – прошептал голос прапорщика из темноты. – Можем двигаться, впереди чисто.

Отряд снова двинулся вперед и вскоре успешно вышел из балки.

– Привести себя в порядок! – скомандовал подпоручик.

Солдаты сели на землю и стали выливать из набухших от влаги сапок воду.

– Ну что, братцы! Покажем германцам русскую удаль. Группа прапорщика – овладеть батареей, остальные за мной!

Приготовить гранаты! Атака, по зеленой ракете!

Группы разошлись в разные стороны. До немецких траншей оставалось еще метров сорок, когда группа Варшавского приготовилась к атаке. В окопах никого не было. Из землянок слышался смех и звуки губных гармошек. Евгений достал из-за пояса ракетницу и выстрелил в темное небо, из которого по-прежнему лил мелкий противный холодный дождь.

Солдаты, сделав рывок, оказались в траншее врага. Увялая в грязи, они стали бросать гранаты в землянки немецких солдат. Все потонуло в грохоте, криках умирающих и раненых немцев. Живые, кто пытался выскочить из разрушенных взрывами землянок, падали сраженные огнем винтовок и ножей. Вскоре все закончилось.

– Ваше благородие! Что делать с этими, – произнес один из солдат, толкая прикладом пленных офицеров, которые в этот вечер справляли день рождения командира полка.

Евгений взглянул на растерянные лица немецких офицеров, которые еще не совсем понимали, как оказались в плену у этой жалкой кучки русских солдат.

– Господин офицер! – обратился к нему один из них. – Я полковник германской армии. Отведите меня к своему командиру. Я не хочу погибать в этой грязи.

Варшавский улыбнулся.

– Прапорщик! Выполните просьбу полковника.

Евгений вставил в ракетницу. В небо взлетела красная ра-

кета и, рассыпаясь в полете, полетела в сторону русских позиций.

Катерина закрыла глаза и поплыла по волне своих воспоминаний. Уйти от тюрьмы ей тогда не удалось. Суд, ссылка в Сибирь. Там в далекой и снежной Сибири она вышла замуж и приобрела еще одну фамилию – Берлин. Это не было любовью, это был приказ партии. Первые месяцы ее замужества полностью разочаровали ее. В какой-то момент она поняла, что рождена не для семейной жизни, что дело революции стало для нее главным в этой жизни. Семейная жизнь с каждым днем становилась все не выносимей, а муж все ненавистнее. Не было ни одного мирного дня, скандалы вспыхивали с регулярной последовательностью. Основным зачинщиком семейных споров и скандалов становилась она.

– Я больше не могу так жить, – однажды в сердцах произнесла Катя. – Давай, не будем дивить народ, ты сам по себе, а я как могу. Пойми меня, я не люблю тебя!

– Почему? Ты на что рассчитывала, когда выходила замуж? – со злостью спросил ее муж. – Разве ты не знала, что после свадьбы рождается сначала семья, а затем и дети. Ты же глупенькая какая-то, а вполне нормальная женщина.

Катерина замялась. Она хорошо понимала, что муж прав, но сдаваться она просто не умела.

– Не знаю. Просто я никогда не думала, что семейная

жизнь настолько обременительна, – призналась она ему. – Ты же знал, что я не люблю тебя и вышла за тебя по приказу ЦК. Я просто не знаю и не понимаю, кому там пришла в голову эта ненормальная идея. А, если сказать правду, то я еще раз поняла и убедилась в том, что мужчины в моей жизни это не самое главное. Наверное, я сумасшедшая, но мужчина мне не нужен. Ты как хочешь, но я решила бежать с каторги. Я больше не могу так жить, без города, без друзей. Ты мне поможешь? Что ты так на меня смотришь? Я скажу тебе больше, что ради революции я отказалась от любви одного человека, которого любила с детства. Мы жили рядом, и я дружила с его сестрой. Когда я сидела в тюрьме, он пришел ко мне и предложил мне руку и сердце. Ты знаешь, я выбрала революцию. . . . Теперь ты веришь, что я ненормальная?

Муж смотрел на нее, стараясь понять эту женщину, что стояла перед ним. Он явно колебался. Мужчина смотрел на нее, не зная, что ей ответить. Ее откровенность просто разоружила его.

– Может и ты со мной? – предложила она ему. – Вдвоем сподручнее будет.

– Нет, Катя, я не побегу. Мне осталось всего семь месяцев до окончания срока. . . . Так, что лучше я отсижу, чем бежать. Да и бежать мне, честно, некуда. А, если честнее, то я полностью разочаровался в большевиках. Как, можно, желать поражение своей стране, вот скажи мне? Мы же русские люди или вам большевикам все равно, что русские, что немцы?

Или вот. Лозунг Ленина – превратим империалистическую войну в гражданскую войну. Разве может нормальный человек говорить об этом! Вы все там ненормальные и от этого мне становится страшно. Ты можешь бежать, но я не побегу. Прости...

Лицо Катерины вспыхнуло.

– Я так и знала, что ты не способен на подобные поступки. Ты расчетлив и очень осторожен... Ты не революционер, тебе далеки чаяния русского народа, рабочих и крестьян. Разве я не права? Ты просто трус и мне очень обидно, что я связала свою личную жизнь с таким ничтожеством. Я готова умереть за революцию, а ты вот нет!

– Разве это плохо? Еще полгода назад тебе нравилась это моя черта, а сейчас.... Впрочем, я помогу тебе, ведь ты для меня не чужая.... Передай, своим товарищам, что их затея провалилась. Нельзя совместить огонь и лед, получится лишь вода.

Сейчас, как и тогда она, так и могла определить причину своего замужества: то ли это была симпатия к соратнику по борьбе, то ли просто хотелось поддержать более слабого товарища. Она по-прежнему, как ей казалось самой, она любила лишь одного человека и этим человеком бы ее сосед по улице Евгений Варшавский, тот самый, кто помог ей избежать ареста в Казани. Иногда она мысленно сравнивала своего мужа с Варшавским, и каждый раз в этом сравнении проигрывал муж. Но тогда она отказала ему, выбрав почему-то

не его, а революцию. Жалела ли она об этом – скорей всего нет.

Через месяц, Катерине удалось совершить побег. Дорога до Петербурга заняла у нее более месяца. Лишь только через полгода она узнала, что ее законный муж заболел скоротечной чахоткой и скончался, так и не дождавшись своего законного освобождения. За три года, которые ей пришлось провести в тюрьме и ссылке, революционное движение в России обрело новое качество: вдохновителем, организатором и руководителем стал Ленин.

Из Петербурга Катерина перебралась в Екатеринослав. Она сняла небольшую комнатку и стала пытаться наладить связь с подпольем Киева. Все это не могло не привести к тому, что ей вновь заинтересовалась местная полиция, а затем сотрудники охранного отделения. Она снова оказалась на грани провала. Вечером, собрав свои вещи и, воспользовавшись черным ходом, она вовремя покинула свою квартиру. Купив на вокзале билет, Катя выехала в Полтаву.

– Катерина? – встретив ее в дверях, произнес Кутепов. – Как вы рискнули приехать сюда? Вы же, наверняка, знаете, что мы под надзором полиции...

– В Екатеринославле меня ожидал арест. Охранка, фиксировала каждый мой шаг, вот я и решила уехать к вам, в Полтаву.

– Смелая вы женщина. . . . У вас есть, где переночевать?

– Да. . . .

– Тогда до завтра. Встретимся в полдень, в кафе «Перекресток». Знаете, где это?

– Нет. Думаю, что извозчик знает, довезет.

– Я тоже так думаю, тогда до завтра.

День выдался жарким. Катя остановила пролетку и, подбрав подол своего светлого платья, легко забралась внутрь.

– Простите великодушно. Вы знаете кафе «Перекресток»? Извозчик кивнул и рукой провел по окладистой бороде.

– Это заведение господина Игнатова? Кто его не знает, богатое заведение.

– Вот и довезите меня до него.

Катя откинулась на спинку сиденья и приподняла вуаль, которая скрывала ее лицо. Расплатившись с извозчиком, она направилась в кафе. Она сразу узнала связного. Мужчина в светлом костюме сидел за столиком в углу помещения и маленькими глотками пил сидро.

– Не желаете, барышня? – спросил он и пододвинул ближе к ней пустой бокал. – Жарко сегодня.

– Спасибо, но мне чашечку кофе, – произнесла она, подошедшему официанту.

Тот мило улыбнулся и быстро удалился исполнять заказ.

– Как добралась? – поинтересовался он у Катерины. – Организация считает, что вам нужно срочно уехать из города. Нам стало известно, что охранка планирует ваш арест.

Катерина мило улыбнулась и в упор посмотрела на связного. Она достала из сумочки носовой платок и коснулась им уголков рта.

– Откуда у вас подобные сведения? И куда я должна убыть?

– Для начала в Одессу. Там вас встретят люди из издательства «Искры».

Катя снова улыбнулась.

– Это приказ или просьба? – спросила она связного.

Мужчина промолчал и, взяв в руки шляпу, хотел встать из-за стола.

– Как мне с ними связаться?

– Вот адрес, – произнес связной и молча, пододвинул ей небольшой листочек бумаги. – Здесь адрес. Пароль – я по объявлению. Вы сдаете комнату? Отзыв – Вы опоздали, комната уже сдана.

Мужчина встал и, улыбнувшись ей, вышел из помещения.

Евгений Варшавский бросил недокуренную папиросу в урну и, взявшись за поручни вагона, быстро поднялся по ступеням внутрь вагона. Он открыл дверь купе и невольно отшатнулся в сторону. Из купе, словно живой человек, вывалился густой табачный дым, перемешанный с запахом спиртного.

– Заходите, Евгений, – произнес штабс-капитан. – Приса-

живайтесь. Пить будете? Мы здесь в узком кругу решили отметить наши награды.

Варшавский отрицательно замотал головой.

– Без меня, господа, без меня. Мне сегодня не до вина...

– Бог с вами, поручик. Некто вас неволить не собирается.

Здесь нет детей, едим не на прогулку, а на фронт. И никто из нас не знает, кроме Бога, что будет завтра.... Однако, своего Георгия и звание нельзя не обмыть в бокале вина. Вы же боевой офицер, а не гимназист.

– Ваше благородие! – услышал Варшавский у себя за спиной.

Он оглянулся. Перед ним стоял солдат и, приложив руку к козырьку фуражки, начал докладывать.

– В третьем вагоне сходка, ваше благородие. Какой-то рабочий проводит беседу с солдатами, призывая их бросить оружие и разойтись по домам. Что делать?

– И что же наши солдатики? Слушают этого агитатора или нет?

– Так точно, слушают. Хотят создать какой-то комитет, не хотят воевать с германцами. Говорят устали от войны и хотят вернуться домой.

– Извините, господа, дела, – произнес он.

Евгений развернулся и направился вслед за солдатом. Около третьего вагона он оглянулся, но идущего за ним солдата он не увидел, похоже, тот специально отстал от него, боясь гнева своих товарищей. В вагоне было сильно накуре-

но. Пахло потом, едой и грязным телом. Посреди вагона стол мужчина средних лет в черном пиджаке. Его седые волосы были зачесаны назад. Появление в вагоне офицера осталось без всякого внимания со стороны нижних чинов.

– Зачем нам воевать с немцами, ведь они такие же, как и мы – рабочие и крестьяне. Их тоже, как и вас погнали на эту братоубийственную войну. Поэтому, я призываю вас не подчиняться офицерам, создавать Советы солдатских депутатов, которые будут решать все ваши вопросы.

Мужчина закончил говорить и надел на голову кепку, которую он держал в своей руке. Заметив офицера, он на какой-то миг смутился, а затем попытался раствориться среди солдатской массы, которая набилась в вагон.

– Солдаты! – обратился к военнослужащим Евгений. – Не слушайте провокаторов, которые призывают вас расходиться по домам. Если мы это сделаем, то кто будет защищать нашу родину от немцев. Вы думаете, что мы с вами направимся домой, а немцы вернуться обратно в Германию. Нет, братцы, германец просто так не уйдет. Для чего он к нам пришел? Он хочет отобрать у вас ваши земли, а вас самих сделать их рабами. Вы хотите стать рабами германских бюргеров? Если хотите, то бросайте ваши винтовки и подставляйте свои шеи под немецкий хомут.

В вагоне стало тихо, и в какой-то момент Варшавский почему-то подумал, что ему удалось убедить солдат.

– Если вам нужна эта война, вы и воюйте! Что вы за нас

все решаете. Небось, вашему благородию, есть что защищать, а вот нам нечего, – выкрикнул кто-то из толпы.

Евгений обернулся на голос, стараясь рассмотреть лицо говорившего человека, но тот юркнул в толпу и скрылся среди солдат.

– Кто это сказал? Я спрашиваю, кто?

Лицо Варшавского сначала побелело, а затем налилось кровью.

– Кто не хочет защищать родину? Выйди из толпы, я хочу посмотреть на тебя и задать тебе пару вопросов!

Толпа заколыхалась, однако, того кто выкрикнул все это из дальнего угла вагона, он не увидел.

– Что испугался? Вот так всегда, братцы. Это трусы, они всегда прячутся за чужими спинами. Это предатели! Раз, выступающих больше нет, всем разойтись!

Все стали медленно расходиться по своим местам.

Паровоз пронзительно засвистел и, лязгнув стальными буферами, медленно тронулся. Катерина стояла у открытого окна и смотрела на убегающий назад перрон. Мимо нее прошел проводник в черном форменном обмундировании. Когда город остался вдали, она вошла в купе. Сосед, мужчина лет сорока, с нескрываемым интересом посмотрел на миловидное девичье лицо.

– Давайте знакомиться, – неожиданно для нее, предложил

мужчина. – Меня звать Петр Петрович. Я направляюсь по делам в Германию. А вы куда следуете, если это не секрет?

– Меня зовут Катерина или просто Катя, – ответила она, и легкий румянец окрасил ее лицо. – Я еду в Мюнхен, по моему, это тоже Германия.

В купе заглянул проводник.

– Милейший, принеси нам два стакана чая с лимоном, – обратился к нему Петр Петрович. – Надеюсь, показаться вам назойливым, но думаю, что вы от чая не откажитесь?

– Благодарю, вас, – ответила Катя, подарив мужчине обворожительную улыбку.

Через минуту проводник снова вошел в купе, держа в руках два стакана чая. Он осторожно поставил их на стол и остановился в дверях, ожидая очередного заказа.

– Принеси что-нибудь сладкое для госпожи... Что желаете?

Когда проводник вышел, Петр Петрович обратился к Катерине.

– Вот смотрю на вас и пытаюсь догадаться, чем вы занимаетесь? Идет война, а вы словно, роза в грязи.

– И как, получается? – ответила она и засмеялась.

– Боюсь ошибиться, но по манере говорить и общаться, мне кажется, что вы учительница.

– Где-то рядом, Петр Петрович, – ответила Катя. – Я действительно учу, но не детей, а взрослых людей. Учю их жить и всему доброму и светлому...

– Вот видите, Катенька, я почти угадал. Наверняка, вы едите за границу по каким-то очень важным для вашей воскресной школы делам?

– И здесь вы угадали. Дела действительно очень важные...

Она взяла в руки стакан и сделала маленький глоток. Чай был горячий, терпкий и вкусный. Неожиданно для себя она почувствовала, как мужская рука легла на ее кисть. По телу женщины пробежала горячая волна желания. Она отчетливо почувствовала тяжесть в низу живота. Тело ее задрожало, она подняла глаза и посмотрела на Петра Петровича, который словно змей искуситель, не отрываясь, смотрел на нее.

– Что вы делаете? Не нужно, Петр Петрович, – тихо произнесла Катерина. – Зачем вам этот дорожный роман? Ведь вы человек женатый, верующий. Не нужно грешить и тешить свою плоть...

Она резко отдернула свою руку и, встав с места, вышла из купе. Дрожь по-прежнему волнами накрывало ее тело. Впервые за все время, ей захотелось мужчину.

«Успокойся! – приказывала она себе. – Ты же поклялась, забыть все женское. Главное – революция. У тебя не должно быть ничего личного в жизни, кроме борьбы с царизмом».

Резко развернувшись, она вошла обратно в купе и села на свое место. Словно ничего не произошло, она взяла в руки стакан и стала маленькими глотками пить чай.

– Что-то произошло? – спросил ее Петр Петрович.

– Ничего существенного, – холодно произнесла Катя. –

Все хорошо.

– Я приглашаю вас в ресторан, Катерина, – предложил ей сосед.

– Извините, но у меня разболелась голова...

Мужчина встал и вышел из купе.

Поручик Варшавский прочитал письмо и отложил его в сторону. Письмо было из дома. Мать жаловалась на состояние здоровья отца, который страдал ревматизмом, интересовалась его службой. В заключение письма, она написала о том, что дочка соседей – Катерина была арестована, но бежала из ссылки. Где она сейчас может скрываться, никто не знает. Полиция каждый день посещает ее дом...

«Надо же, Катерина, вот бы не подумал. Была такой обаятельной девочкой, девушкой, – откинувшись на спинку кресла, подумал Евгений. – Да, политика многих ломает, превращая людей в послушных рабов идеи».

Он невольно вспомнил свою последнюю встречу с Катей, когда он посещал ее в тюрьме. Тогда, в годы его юности, он и подумать не мог, что эта проблема приобретет такой размах. Ему нравилась эта девушка с большими глазами, с копной русых непослушных волос. Его родители не раз намекали ему на дочку соседей, похоже, она нравилась не только ему одному, но и его родителям.

«Надо будет поинтересоваться у родителей, где она сей-

час, – решил он про себя. – Может еще не поздно вернуть ее на путь истинный».

От размышлений его отвлек шум. Он поднял глаза. В блиндаж вошел штабс-капитан Козин. Не снимая шинели, офицер повалился на койку.

– Что случилось? Почему у вас кровь на щеке?

– Меня сейчас чуть не убили, – тихо ответил Козин. – Нет ни немцы, а наши доблестные солдатики. Надо же! Воевать сволочи, не хотят! Всех бы повесил...

Капитан, молча, подошел к столику и, налив себе полстакана вина, выпил.

– Скоты! Хамло! – не унимался Козин. – Это люди, люди... Да, какие это люди, быдло одно, а не люди?

Варшавский промолчал. Если честно, то и ему надоела вся эта война. Пока они здесь сидят в окопах, там, в Петербурге происходят главные события века, решается вопрос о власти.

– Кстати, Евгений! Тебя, срочно, просил прибыть полковник Меньшиков.

– Зачем я ему понадобился? Он ничего не говорил?

– Это ты у него спросишь. Мне приказали передать, я и передал...

Козин снова налил полстакана вина и залпом выпил. Евгений поднялся из-за стола и стал одевать шинель. Застегнув ремни портупей, он вышел из блиндажа. Варшавский невольно зажмурился от лучей октябрьского солнца и, по-

правив козырек фуражки, двинулся вдоль траншеи. Он проходил мимо солдат, которые сидели кучками и о чем-то говорили. Отдельные из них поднимались на ноги и принимали стойку «смирно», другие же не обращали на него никакого внимания. Варшавский выбрался из траншеи и короткими перебежками побежал в сторону небольшого лесочка, в котором находился штаб полка. За спиной раздалось несколько винтовочных выстрела. Одна из пуль угодила в сосну, выбив из нее крупную щепку. Трудно было определить, кто именно стрелял в него свои солдаты или немцы.

На небольшой полянке, окруженной соснами, около автомобиля стоял полковник Меньшиков. Заметив Евгения, он махнул ему рукой. Варшавский козырнул и посмотрел на полковника.

– Вот что, голубчик! – произнес полковник. – Берите мою машину и направляйтесь в штаб генерала Корнилова. Передайте ему пакет. Донесение секретное, поэтому будьте осторожны и внимательны. На дорогах много дезертиров и всякого сброда. Пакет не должен попасть в чужие руки. В крайнем случае, вы должны его уничтожить.

Меньшиков прикрыл ладонью рот и стал кашлять. По его утробному кашлю, Евгений сразу понял, что полковник серьезно болен.

– Приказ ясен, голубчик? Если приказ ясен, то больше не смею вас задерживать.

– Так точно, ваше высокое благородие.

– Кстати, возьми с собой двух верных присяге солдатиков и отправляйся.

Варшавский отдал честь и, сунув пакет в полевую сумку, направился к ожидавшему его автомобилю.

Автомобиль, словно толстая и неуклюжая корова, перевалился с одного бока на другой, катил по лесной дороге. На коленях Евгения лежал ручной пулемет, и это автоматическое оружие вселяло в него определенную уверенность и спокойствие. Рядом с водителем, одетым в черную кожаную куртку, сидел солдат. Похоже, он впервые в жизни ехал на автомобиле и каждый раз, когда колесо машины проваливалось в яму, он тяжело вздыхал и крестился.

– Ваше благородие, – обратился к нему солдат, сидящий слева от Варшавского. – Далеко еще?

– Не знаю, – тихо ответил Евгений, заметив среди придорожных кустов верховых, которые скрывались среди них. – Прибавь газу! Что-то мне не нравятся эти верховые.

Пуля сбила с головы Варшавского фуражку и по касательной зацепила его голову. Из кустов выскочило около десятка всадников, и устремились вслед за автомобилем. Евгений толкнул солдата в плечо, но у того как неестественно дернулась его голова. Он моментально понял, что тот мертв. Несмотря на кровь, которая заливала его лицо, Варшавский прижал приклад пулемета к плечу и нажал на курок.

Первая очередь прошла над головами всадников, сбыв с них атакующую спесь. Второй очередью он срезал двух седоков, которые вылетев из седел и словно куклы повалились на дорогу.

– Гони! – снова закричал Евгений, стараясь поймать всадников в прорезь прицела пулемета.

В этот раз всадники рассыпались по дороге. Рядом хлопнул выстрел, это стрелял второй солдат, сидевший рядом с водителем. Рука Варшавского, плавно нажала на курок пулемета. Один из преследователей, словно, переломился пополам. Из его рук выпала шашка, и он медленно сполз с коня на дорогу. Похоже, в пулеметном диске закончились патроны. Пулемет щелкнул и замолчал. Евгений достал из кобуры «Маузер» и, прицелившись, выстрелил в ближайшего всадника. Пуля сбила с седока папаху, и он испугано вжал голову в плечи. Что-то снова обожгло Евгению руку. Он почувствовал, как по руке горячей струйкой устремилась кровь. Варшавский выстрелил снова, но промахнулся. Резкая боль, словно стрела, пронзила тело. Перед глазами поплыли радужные круги, которые быстро становились черными.

Евгений пришел в себя от резкого запаха нашатыря. Он дернулся от этого запаха и открыл глаза. Перед ним, наклонившись, стояла молоденькая девушка в белом переднике и такой же косынке с красным крестом на ней.

– Господин штабс-капитан! Поручик пришел в себя! – произнесла сестра милосердия, освобождая ему место.

– У меня пакет для генерала Корнилова, – тихо произнес Варшавский. – Он в моей сумке.

Офицер достал из сумки скрепленный печатями конверт.

– Да, это он. Вручите его Корнилову.

Евгения стало мутить, медсестра и офицер медленно растворялись в каком-то непонятном ему мареве. Он снова потерял сознание. Через сутки, Варшавский узнал, что их выручил казачий разъезд, который двигался по дороге им навстречу. Если бы не казаки, то трудно было бы представить, что с ними было.

После выписки из госпиталя, поручик Варшавский был направлен в Петроград. Именно там он узнал от отречения от власти царя. Это известие угнетающе подействовало на него. Ему было трудно представить Россию без государя, в руках временного правительства. Поздним декабрьским вечером он находился в казарме Преображенского полка. Евгений долго стоял у окна, наблюдая, как мимо зданий складов с оружием, двигаются часовые. За окном было ясно. На небе виднелся серпик луны. Звёзды алмазным крошевом рассыпались по чёрному бархату неба. Было безветренно, но ночная прохлада вызывала у него лёгкий озноб, но от этого у него был еще больший восторг, чем желание одеться теплее

– Варшавский! Вы случайно в монахи не записались? – пожимая ему руку, произнес вошедший офицер. – Давай, Ев-

гений, собирайся, поехали в номера там нас ждет Машенька с подругами. Думаю, будет очень весело...

– Ты как всегда, князь, за свое, – улыбаясь ему, ответил Варшавский. – Когда ты, наконец, успокоишься?

– Эх, Евгений, Евгений, не сидеть же безвылазно в казарме. И кто из нас знает, когда наступит этот конец – сегодня, завтра или через год...

Он снял с плеч шинель и, повесив ее на вешалку.

– Иван! – громко позвал он ординарца. – Принеси нам с поручиком наливочки.

Они сели напротив пылающей буржуйки. Огонь нежно ласкал им колени, а злое завывание ветра за окном придавало им особый комфорт. Заметив конверт на столе, князь улыбнулся.

– О чем пишет? – поинтересовался он у товарища.

Варшавский улыбнулся.

– Маменька с сестрой жалуются, пишут, что отец серьезно болеет. Хочу обратиться к полковнику, может, даст мне недели две отпуска, хочу проведать.

– Я считаю, что Ярослав Иванович правильно поймет тебя. Ты же хорошо знаешь его великодушие. Кстати, ты мне как-то рассказывал о своей знакомой-революционерке, интересно, что с ней.... Наверное, сейчас, празднует победу, ведь им удалось главное – нет царя, нет православия и отчизны. Есть лишь революция и временное правительство.

Евгений улыбнулся вопросу своего товарища. Тот, заме-

тив это, одобрительно произнес:

– Ну не томите же меня, Евгений, расскажите. Мне кажется, что вы влюблены в эту девушку?

– Трудно сказать, Николай, влюблен я в нее или нет. Иногда, мне кажется, что я влюблен в нее, потому, что думаю постоянно о ней. А иногда, начитаю ловить себя на том, что мы с ней абсолютно разные люди. Она разрушитель, а я созидатель, так как считаю, что России не нужны потрясения. Что касается Катерины, то мама пишет, что ее ей не известно ее нахождение. Может, она в Париже или Лондоне, а может, арестована и сейчас находится где-то в ссылке на севере.

В помещении стало тихо, лишь только треск дубовых чурок в буржуйке, нарушал эту тишину. Варшавский взял в руки гитару и стал медленно перебирать струны.

Не говори мне о любви, не говори.

Я всё равно словам твоим не верю.

И взглядом ты со мной не говори.

Твоим я взглядам всё равно не верю.

И не вздыхай ты, глядя на меня.

Твоим я вздохам, тоже не поверю...

Звучит романс старинный о любви.

Словам поэта не могу не верить.

Голос у поручика был красивым, а прозвучавшие слова были настолько искренними, что не вызвали у его товарища никаких вопросов.

– Варшавский! Спасибо, растрогал, – тихо произнес князь. – Однако я все равно настаиваю на том, чтобы мы с вами направились в номера. Брось хандрить, Евгений...

Поручик отложил гитару в сторону и, взглянув на товарища, поднялся с кресла. Через пять минут они вышли из дома и, остановив пролетку, поехали в номера, где их ожидали офицеры полка.

Германия. За окном было темно. Дождь монотонно стучал в стекло и мутными струйками стекал куда-то вниз. Было сыро и прохладно. Катерина сидела в кресле, укутавшись в шерстяной плед. Она снова и снова анализировала свою встречу с Ульяновым-Лениным. Катя часто передавала в рабочих кружках привет от Ленина, но до этого дня ей не при-

ходилось встречаться с этим человеком. Владимир Ильич был небольшого роста, лысоват, двигался он резко, заставляя собеседника невольно вращать голову, чтобы удержать его в поле своей видимости.

– Здравствуйте, товарищ, – немного картавя, поздоровался с ней Ленин. – Вот знакомьтесь, это – моя супруга Надежда Константиновна Крупская, а это товарищ Леонид Наумов, как говорят наши друзья, твердый «искровец».

Катя была немного удивлена внешности Крупской. Она выглядела намного старше своих лет.

– Расскажите, товарищ Рысь, как там в России? Скажите, готовы ли рабочие к выступлению против временного правительства?

Они сели друг против друга, и она стала подробно рассказывать Владимир Ильичу о положении подпольных групп большевиков в России. Ленин слушал ее очень внимательно. Иногда он ее останавливал и задавал интересующие его вопросы, получив исчерпывающий ответ, он широко улыбался. Вокруг его глаз образовывались маленькие лучики морщин, отчего лицо его изменялось и делалось каким-то простым и добродушным. Однако она хорошо знала, что это лишь внешняя маска вождя, за которой срывался определенный расчет и острая аналитика мозга.

– Думаю, товарищ, вам нужно срочно вернуться в Россию. Страна на пороге великих событий, я имею, в виду, революции. Мы большевики должны возглавить это революционное

движение. Кто как не мы должны повести отряды передового пролетариата на баррикады. Именно там мы должны проверить, чего мы стоим.

Катерина с жадностью ловила каждое слово вождя пролетариата.

– Я готова отдать жизнь за дело рабочего класса, – горячо произнесла она, вызвав у присутствующих улыбку. – Если для революции понадобится моя личная жизнь, я ее отдам, не задумываясь. Передо мной нет ничего такого, чтобы меня могло остановить!

– А как с чужой жизнью? Сможете ли вы распорядиться другой жизнью? – спросил ее Ленин. – Ведь убить человека, не легкое дело, здесь одной фанатичной веры в дело революции недостаточно?

– Будьте уверены, Владимир Ильич. Если будет нужно убить тысячу человек ради победы революции, моя рука не дрогнет. Вы не смотрите, что я женщина.... Вы поверьте мне, это мне по силам.

Это было сказано таким тоном, что в комнате повисла тягучая тишина.

– Скажите, у вас есть семья? – спросила ее Крупская. – Как она относится к вашим взглядам? Разделяет их или нет?

– Да, конечно. У меня родители, сестры и братья, но это к делу не относится. Я думаю, что они не смогут остановить меня.

– Я имела в виду, замужем вы или нет?

Лицо Катерины залилось румянцем.

– Была. Муж умер на каторге. Почему-то не хотел бежать со мной. Я теперь замужем лишь за революцией....

Ленин с интересом посмотрел на нее. Он явно хотел ее о чем-то спросить, но в присутствии жены и товарища по партии, явно не решался. Чтобы как-то разрядить ситуацию, он предложил всем пройти в зал, где мать Крупской уже суежилась вокруг обеденного стола. Роза слышала, что жена Ленина не умела готовить и ее мать, была вынуждена готовить им еду.

– Присаживайтесь, – предложил ей Владимир Ильич и подвинул стул

– Спасибо, – тихо поблагодарила она вождя.

Крупская посмотрела на нее испепеляющим взглядом. Она явно приревновала ее к мужу. За обедом все молчали, только Владимир Ильич по-прежнему бросал свой взгляд на Катерину, заставляя ее то и дело краснеть. Когда они прощались в прихожей, он помог ей накинуть на плечи пальто и подал зонтик.

– Удачной поездки, товарищ Рысь, – произнес он и пожал ей руку. – Думаю, что мы еще увидимся.

– Я тоже на это рассчитываю, товарищ Ленин, – ответила она и вышла в коридор.

Еще раз, взглянув на Ленина, она стала спускаться по лестнице.

Море, играя белогривыми волнами, медленно накатывалось на песчаный берег. Словно задумавшись на какой-то миг, с шумом откатывало назад. В метрах ста от берегового прибоя стоял небольшой белый домик с черепичной крышей и зелеными ставнями. В этом доме, уже второй год проживала семья Варшавских, перебравшись в морю из охваченной революцией центральной части России. Иван Ильич Варшавский, известный в прошлом врач, в светлом пиджаке, с седыми волосами, вышел на крыльцо и, бросив взгляд на море, почему-то покачал головой и снова вернулся в дом. Во время империалистической войны он пробовал вести своеобразную статистику умерших в госпитале солдат, но затем забросил это дело, так как понял, что она ему ничего не даст, да и местным властям она была неинтересна.

В конце 1918 года, когда в городе установилась Советская власть, он однажды выступил в газете против большевистских расстрелов, которые гремели почти каждый день. Вечером Иван Ильич был арестован сотрудниками ВЧК. Там ему быстро напомнили, кто его сын и на чьей стороне он воюет.

– Мой сын герой войны, полный кавалер Георгиевского креста, – пытаюсь выгородить сына, ответил он следователю ВЧК, мужчине средних лет, одетого в старый засаленный на локтях пиджак. – Да, да, он полный георгиевский кавалер с именным оружием, которое вручил ему за храбрость император.

– Мне наплевать на вашего сына, как на его кресты и оружие, – ответил следователь. – Для меня намного важнее, на чьей стороне он сейчас воюет. Как сказал товарищ в газете «Красный меч», что мы не ведем войну против отдельных лиц. Мы хотим истребить буржуазию, как класс. Первый вопрос, который мы должны уяснить, к какому сословию принадлежите вы, какое у вас образование и воспитание, профессия... Вам понятен мой вопрос?

– Это же просто ужасно, убивать людей за то, что они образованы и хорошо воспитаны, – тихо возразил ему Иван Ильич. – Разве вам врачи не нужны? Химики, физики...

Чекист улыбнулся. Он загасил самокрутку о каблук сапога и посмотрел на Варшавского. В глазах чекиста сверкала злость и ярость.

– Вы не врач, милейший, вы просто контра! А контру нужно давить, как вшей... – закричал он в лицо Варшавскому. – Ты хоть это понял, «козел» бородатый, кто ты?... Ты враг народа! А с врагами разговор у нас короткий – стенка!

Иван Ильич, был просто ошарашен словами представителя власти. В его голове никак не укладывалась модель советской власти, убивающих людей из-за их социального положения. Неизвестно по какой причине, но его с двумя крупными спекулянтами и черносотенцем-генералом почему-то отправили в Москву. По дороге, на одной из станций, воспользовавшись неразберихой, Иван Ильичу удалось бежать. Вернувшись обратно в город, он через друзей добыл себе фаль-

шивый паспорт и, уговорив семью, он с большими приключениями перебрался жить в Крым.

Нарубив дров, Иван Ильич вышел из сарая. Он улыбнулся, увидев супругу, стоявшую на крыльце дома.

– Нарубил? – поинтересовалась у него супруга. – Иди домой, отдыхай, а я пойду в потребительский кооператив. Говорят, что сегодня должны завести муку. Может, повезет....

Она беспокойно заглянула в истомленное лицо мужа, тяжело вздохнула и поспешила к калитке. Иван Ильич, присел на лавочку и, достав из кармана серебряный с монограммой портсигар, закурил папиросу.

«Да, жизнь делает удивительные зигзаги, – почему-то подумал он. – Кто бы мог подумать еще года три назад, что я буду колоть дрова, дочь стирать белье, а жена торопиться в какой-то кооператив за мукой».

Он снова взглянул на море, которое шумело за забором дома. Думы снова вернули его в прошлое. Из дома вышла его дочь Нина и стала развешивать на веревке выстиранное ей белье.

– Папа! Ты только посмотри, какое белое белье у меня получилось! Скажи, как снег под солнцем! Вот видишь, я и научилась стирать...

– Молодец, Нина, – то ли в шутку, то ли в серьез ответил Иван Ильич. – Да, настало время собирать камни. Кто бы, мог подумать, кто бы мог подумать...

В дверь дома кто-то настойчиво постучал. Стук был таким сильным и настойчивым, что Иван Ильич вздрогнул и вопросительно посмотрел на супругу. Нина встала из-за стола и молча, направилась к двери.

– Кто там? – спросила она.

– Соседка ваша, Агаша. Что испугались?

– Проходи, – тихо произнесла Катерина, впуская ее в дом. – Садитесь, попейте чайку. Я сейчас запалю самовар.

Агрофена Смирнова – женщина лет тридцати пяти, в теплом платке и нежном румянцем на лице, тихо вошла в дом. У нее были большие чудесные глаза и большой хищный рот. Она, молча, прошла в зал и поставила две бутылки молока на стол. Иван Ильич посмотрел на ее покрасневшее лицо.

– Как ваше здоровье, соседка? Ну, что хорошего слышала про большевиков, Агрофена? Где они сейчас? Наступают или нет?

– Вы, наверное, знаете об этом лучше меня, Иван Ильич.

– Откуда же мне знать об этом?

Она хотела что-то ответить, но, немного подумав, произнесла:

– Встретился мне сегодня один знакомый, так вот он говорит, что красные на днях взяли Джанкое. Всех, говорит, офицеров и богатеев постреляли и перевесили. . . . Говорят не щадили никого, ни старого, ни малого. Вот я думаю, для чего они все это делают?

Она пристально посмотрела на хозяина дома, ожидая от него ответа.

– Джанкое, говоришь, взяли? Быстро она наступают, – словно подводя итог, ответил Иван Ильич. – Звереют. Кроваушки много невинной льют.... Не щадят никого, говоришь?

– Быстро, – согласилась с ним гостя. – Большевиков и у нас здесь много. Так и ждут, когда власть сменится. У меня папаша и тот тоже подался к большевикам. Вы сами знаете его, он просто так ничего не делает. Чует он, чья власть будет. Он умный....

Иван Ильич усмехнулся и посмотрел на соседку.

– Скажи, Агаша, а вот ты знаешь, что такое большевизм?

– А, что вы сами не знаете, вы, что меня пытаете? – с нескрываемой злостью произнесла женщина. – Просто представляетесь, смеетесь надо мной неграмотной женщиной.... Отец говорит, что если придут красные, всех буржуев повесят на фонарях.... Может и перейдет ваш дом к нему, к моему папаше. Уж больно он ему нравится.

– Знаю, знаю, – словно шутя, ответил ей Иван Ильич. – Вот придут, начнут дачи и дома грабить. Это они хорошо умеют. А твой папаша давно на наш дом глаз свой положил.

– А почему именно дачников и богатых грабить? – переспросила она хозяина.

– Потому, Граня, что все дачники люди богатые, поняла или нет? Вы ведь вроде тоже не бедные? Дом есть, корова.

– Поняла. А мужики у нас в поселке тоже не из бедных

будут. Вот, Сивко той осенью одного вина продал на сто двадцать тысяч рублей. У многих есть живность: коровы, овцы, свиньи. Вот вам до них еще далеко, живете старыми запасами...

– Нет, соседка, твои мужики не считаются богатыми. Скорей всего они середняки по меркам большевиков.

– Да это почему же? Вот у моего отца – две лошади, две коровы, гуси, три хряка, десятка два барашков. А что есть у вас? Ничего! Да и питаемся мы с вашим столом не сравнить. Теперь только мужики и богаты.... Вот вы врач, а что у вас есть?

– Ты неправа, Агрофена, – вступаясь за отца, произнесла Нина. – Мой папа доктор, он людей лечит, в том числе и твоего отца. А большевизм и заключается в том – грабь, хватай, что плохо лежит, не упускай своей выгоды. Для них нет людей, а только классовая борьба.

– Это ты что так разошлась, Нина? – опять со злостью произнесла соседка. – Вот придут большевики и сразу разберутся, кто для них враг, а кто друг. Платите за молоко, мне идти нужно.

Иван Ильич, достал из кармана портмоне и отсчитал ей деньги.

– Папаша велел сказать, что с завтрашнего дня молоко станет дороже.

Жена хозяина дома, всплеснула руками.

– Как так? И сколько же будет стоить ваше молоко, Агро-

фена?

– Вдвое дороже...

– Нет, мы столько платить не можем, – тихо произнес Варшавский. – Пейте свое молоко сами...

– Дело ваше, – произнесла Агрофена и направилась к выходу. – Вам не нужно, думаю, что большевики от молока не откажутся.

Она вышла из дома, с силой захлопнув за собой дверь.

– Мама! Ты не заметила, как опустел наш поселок? – произнесла Нина, входя в дом. – Похоже, вся молодежь подалась в горы. Говорят, что белые объявили мобилизацию в добровольческую армию, вот они и разбежались.

Иван Ильич громко засмеялся.

– Вы видели этих чеченцев из «Дикой дивизии»? Их для этого и прислали, чтобы они выловили всех этих дезертиров. Да, положение с каждым днем осложняется. Говорят, что большевистские агитаторы появились и у нас в поселке. Кипит все, скоро каждый будет рвать на себе рубашку, доказывая, что он не сторонник белой гвардии. Осталось совсем немного. Красная Армия уже около перекопа. В Севастополе тоже не спокойно, я слышал, матросы бунтуют...

– А как же союзники? Они же обещали высадить свой десант в Феодосии...

– Какой десант, милая. Высадили они его не у нас в Фео-

досии, а в Константинополе.

– Господи, что творится в этом мире! Неужели наши союзники бросят нас на произвол! Мне сегодня сказали, что французы уже оставили Одессу.... Вот придут большевики в Крым, что будет с Евгением? Где он сейчас?

– Надо думать, было раньше. А он, за царя, за родину, за веру.... Где сейчас эта родина, вера? Молчите? Вот и я не знаю.... Всех предали и бога, и царя, и веру.... А ведь крест когда-то целовали. Вы знаете, а я горжусь своим сыном, он верен присяге, которую принимают только один раз в жизни.

– Ты же знаешь, Иван Ильич, что Евгений человек совершенно аполитичный. И зачем он пошел в это военное училище, сейчас бы сидел дома, пил чай с вареньем. Нет, не мог он сидеть дома, ему на войне лучше, там и люди чище. Что сейчас с ним? Где он?

Сильный стук в дверь заставил всех вздрогнуть. Блеснули золотые погоны, молодой, до боли знакомый голос произнес:

– Мир вам! Здравствуйте, мама, папа и Нина! Что не узнали своего сына, брата?

– Женя!! Откуда ты? Мы только что о тебе говорили и вдруг....

Все вскочили и бросились ему на встречу. Чисто выбритый, с тонким обветренным лицом, он стоял в дверях, улыбаясь своей обворожительной улыбкой.

– Вот я и дома, – произнес он, снимая с плеч башлык. – Вижу, что не ждали. Наш полк отвели на отдых в Джанкой,

вот я решил навестить вас. Скажу сразу, я ненадолго, утром уеду обратно.

– Пойдем за стол, наверное, есть хочешь Женя? – потащила его к столу сестра. – Как ты добрался?

Евгений улыбнулся.

– Все хорошо, сестренка, все обошлось. Ты знаешь, оказывается у вас тут, работают «товарищи». Сейчас, когда я ехал к вам, была погоня. Контрразведка накрыла шайку в одной из дач. Съезд какой-то проводили, подпольный. Кого-то взяли, кто-то бросился бежать. Еду я, вдруг двое из кустов с наганами ко мне. Один выстрелил, но не попал. Ну, я его двумя пулями и зацепил.

– И что с ним?

– Не знаю, Нина. Пусть контрразведка разбирается с ними.

Она внимательно посмотрела на брата. Что-то в нем появилось новое: он явно загрубел, движения его стали какими-то резкими, а поведение – развязанное. Он так не принужденно и свободно говорил о том, что подстрелил человека, словно рассказывал о своей охоте на зайцев.

– Ого, какой вояка! Лучше расскажи нам, как дела у вас в армии? Какое политическое настроение? Скажи, за что сражаются твои товарищи и друзья?

Евгений взглянул на мать, которая накрывала стол, и нехотя ответил:

– Как тебе ответить, папа, разное настроение. Есть ча-

сти черносотенные, которые видят на троне царя, однако, офицерская молодежь, особенно не кадровая, в основном за учредительное собрание.

Иван Ильич громко рассмеялся.

– Глупо, Евгений, глупо. Сражаться и умирать за подобные идеи. Скажи, ты ничего не слышал о нашей бывшей соседке? Говорят, что она в большом почете у красных командиров?

Лицо Евгения потемнело.

– Многие говорят, папа. Слышал, что она возглавляла сначала политотдел 8-ой армии, а сейчас якобы возглавила ЧК в 13 – ой армии, с которой мы сейчас воюем.

– Значит она тоже сейчас в Крыму? Интересная завязка....

– Выходит, что так.

Иван Ильич посмотрел на сына и усмехнулся.

– Ты ее по-прежнему любишь? – спросил он сына. – Разве можно любить врага?

– Не знаю, – тихо ответил Евгений. – Страшные вещи о ней рассказывают. Зверствует.... Кто бы мог подумать, что из этой милой девочки вырастет такая волчица. Когда наш полк уходил из Ростова, мы не смогли эвакуировать госпиталь, в котором лечилось около сотни наших солдат и офицеров. Красные сожгли его вместе с ранеными, врачами и сестрами милосердия, которые ухаживали за ранеными. Говорят, что поджечь им приказала наша Катенька. Мне рас-

сказывали очевидцы, что она долго смотрела как горит здание и лично стреляла в тех, которые пытались выбраться из пылающего госпиталя.

– Вот и я об этом, сынок. А какая кроткая была... Похоже, не напилась еще человеческой кровью.

Из комнаты раздался голос матери, которая звала их за стол.

Иван Ильич разлил наливку по рюмкам.

– Давайте, выпьем за встречу, – предложил он. – Придется ли свидеться еще разок, один лишь Бог знает.

Они чокнулись. Хрусталь, сверкнул всеми цветами радуги, который слился в характерный лишь для него перезвон.

– Женя! Расскажи, как там на фронте. Ужасно люблю слушать подобные рассказы, – обратилась к нему Нина. – Интересно все это, борьба классов, Скажи, много ты убивал?

– Интересно, говоришь. Я такого насмотрелся, куда там немцам с их зверством, против русского.

– Ну, расскажи, Женя... – заканючила, словно ребенок Нина. – Я прямо сгораю от интереса.

Евгений достал из портсигара папиросу и закурил. Он прикрыл глаза, словно пытался восстановить картину былых дней.

– Вот ты папа меня спрашивал меня, за что я воюю? Хорошо, я скажу. Я готов с кем угодно заключить мир, что-

бы уничтожить этих мерзавцев. Ох, Катя, страшно рассказывать. Если бы ты увидела все это своими глазами, то прокляла бы все на свете. Вы помните моего товарища по полку штабс-капитана Николая Козина? Убит, он. Но как... Бой был у нас под Татаркой. Нас атаквали матросы. Идут в черных булатах по германскому образцу, плечо к плечу. Нужно отдать им должное – как львы, шли под пулеметным огнем. К вечеру мы стали отходить. Николай Козин упал с простреленной ногою. Когда я подбежал к нему, он велел мне отходить, вводить с собой солдат. Я сразу понял, что он решил умереть под музыку.

– Что это такое? Как это умереть под музыку? – спросила притихшая Нина.

По лицу Евгения пробежала какая-то тень. Он за миг замолчал, и по его лицу было понятно, как тяжело даются ему эти воспоминания.

– Это когда ручную гранату под голову и трах! Это у нас называется смерть под музыку. Рассеялись мы во все стороны. Вижу, по дороге едет тачанка, а в ней мужчина мещанского вида.

– Стой! – командую ему и «Маузер» в лицо. – Снимай одежду!

Быстро переоделся и дальше побежал по балке. Там и столкнулся с товарищем, он ранен в руку. Пуля раздробила ему локоть, короче несет он свою руку в руке. Ну, я и повел его. Ночью, темно и вдруг:

– Стой! Кто идет?

Взяли нас, повели. Какой-то железнодорожный полустанок, весь забит пьяными матросами. Все пьяные, гармошка. Подходит ко мне один.

– Кто такой? Откуда? – откуда спрашивает и сует мне под нос револьвер.

– Мещанин. Я из Мелитополя, – отвечаю ему.

– А это кто с тобой? Можешь не отвечать, сам вижу. Что скажешь барин? – обращается он к товарищу. – Это вы утром постреляли наших братишек-матросиков?

Тот не успел ответить, как матрос кулаком ему в лицо.

– Зачем бить-то раненого?

Евгений словно не услышал вопрос Нины.

– Перебитая рука мотается, вопль, понимаете, животный вопль зверя, которого забивают ногами насмерть...

– Не надо, Женя!

Евгений, словно не слыша возгласа сестры, продолжал:

– Скоро он умолк, а тело все летало и летало из угла в угол. Вдруг один из матросов, наган мне в лицо, вытаскивай все из карманов. Лезет мне за пазуху, а там – документы – поручик Варшавский и раз мне в лицо кулаком. Очнулся я в маленьком чуланчике. Рядом тело товарища, лицо черное, глаза стеклянные, уже не дышит...

– И что дальше?

– Ощупываю себя. Тело ноет, но кости, похоже, целы. Слышу выстрелы, все ближе и ближе. Кто-то открывает чу-

лан и пытается схватить меня на рукав, но падает прямо у моих ног. Недалеко взорвалась граната, слышу крики и стоны раненых. В чулан кто-то входит

– А вот и еще один, товарищ! Давай, выходи! Чего молчишь?

Вижу на рукаве череп с перекрещенными мечами... Марковцы! Хочу закричать им, что я свой, но не могу, горло перехватило... Спасибо графу Вольскому, узнал он меня...

Евгений замолчал и посмотрел на Нину, которая вздрагивала короткими толчками всего тела. В зале стало тихо, лишь слегка потрескивал фитиль керосиновой лампы.

– Жестокие времена, – тихо произнес Иван Ильич. – Страшно за людей, звереют...

– Ты прав, папа, сейчас пришло время, кто кого или они нас, или мы их, середины здесь нет. Те матросы, что били нас, хорошо знали, что и их будут тоже бить и расстреливать. У них злоба, какая нужна для такой войны. Они убеждены, что мы – «наемники буржуазии» и сражаемся с ними за то, чтобы остались генералы и господа...

– А ты, Евгений, из-за чего ты идешь на все эти ужасы и жестокости? Неужели только потому, что они такие дикие?

– Сложно ответить однозначно, папа. Наверно, я воюю за вас. Боюсь я за вас, что будет с вами, когда они придут сюда? Они убивают за то, что вы не такие как они, что вы папа – врач, а Нина умеет считать и писать. Уезжайте отсюда, хотя куда ехать-то?

Евгений достал папиросу и снова закурил.

Евгений никак не мог вспомнить, когда он последний раз спал на кровати, на белой простыне и пуховых подушках. Он лежал с открытыми глазами. Где-то совсем рядом за окном плескалось море. Воздух был наполнен шумом прибоя, запахом цветущих трав и трудно было представить, что где-то совсем рядом сошлись в смертельной схватке белые и красные, люди, чей разум помутился от политических лозунгов и правом на уничтожение. Перед глазами Варшавского встал Новороссийск, прижатые к морю остатки добровольческой армии. Десятки тысяч солдат, офицеров и мирных жителей третьи сутки ночевали на пирсе морского вокзала, в надежде каким-то образом попасть на отходящие в море пароходы, баржи и военные корабли союзников. Все отлично понимали, что мест уже нет и надежд на спасения тоже.

Походными колоннами прибыл третий Дроздовский полк. Солдаты по команде своих командиров, примкнув к винтовкам штыки, стали теснить всю эту толпу к выходу из порта. Кругом стоял такой шум, что трудно было разобрать, что кричат и требуют собравшиеся на пирсе люди. Из-за мыса показались две большие баржи, которые с трудом тащил небольшой буксир. Все снова бросились к пирсу, но выстрелы солдат, остановили эту людскую массу. Вдруг раздался раздирающий воздух крик.

– Спасайтесь, красные!

Толпа замерла, а затем, бросая чемоданы, корзины, баулы бросилась бежать в разные стороны. Однако это были не красные, это был Калмыкский кавалерийский полк. Они быстро спешили и заняли позиции для обороны. Погрузка «дроздовцев» прошла организовано и быстро. Баржи отошли от причалов и медленно направились в сторону Крыма.

Красные вошли в город без боя. Новороссийск словно вымер.... Ветер с моря гнал по пустым улицам обрывки газет, каких-то теперь уже не нужных никому документов. Из окон домов за ними неотрывно наблюдали десятки тысяч любопытных глаз. Люди ждали, что предпримут красные....

Калмыки сдались все сразу. Они поняли, что все выходы из города полностью блокированы красногвардейцами. Они, молча, сложили оружие и сейчас, со связанными назад руками, стояли на коленях. Каждый из них в тайне рассчитывал на пощаду, но ее не последовало. После короткого выступления комиссара, началась истребление. Их рубили шашками, кололи штыками, разбивали головы кувалдами. По улице потекли ручьи из крови порубанных калмыков.... Вскоре все закончилось. Свыше двух тысяч человек было убито. Распаленные кровью, красноармейцы бросились по домам, вытаскивая из них тех, кто пытался укрыться. Всю ночь шла кровавая резня. К утру уставшие от убийств красноармейцы, отправились отдыхать.

Утром Евгений проснулся из-за солнца, луч которого был ему прямо в глаза. Он поднялся с кровати и стал быстро одеваться. Накинув на плечи мундир, он вышел в зал. Варшавский впервые за последние годы ощутил уют родного дома. На белой скатерти ароматно дымился сверкающий кофейник, стояло сливочное масло, сыр, сардины, коньяк. Он не знал, что все это было приобретено поздно вечером у соседей на последние семейные деньги, что были накоплены семьей.

– С добрым утром, – громко произнес Евгений.

– Давай, сынок, присаживайся. Угощайся, чем Бог послал...

– Щедрый у вас, Бог, мама.

В зал вошел Иван Ильич с газетой в руке и сел в свое любимое кресло.

– Как спалось, сынок?

– Чудесно, давно так не спал.

Взглянув на газету, что лежала на столе, он поинтересовался у отца:

– Что пишут местные писаки, папа? Опять, наверное, грызутся между собой?

Иван Ильич усмехнулся.

– Пишут, что все скоро изменится, – произнес Иван Ильич. – Пишут, что Ленин уже два месяца ведет тайные переговоры с великим князем Борисом Владимировичем. Что

в ближайшее время будет инсценирован государственный переворот. Идейные вожаки большевизма заблаговременно исчезнут, а всех комиссаров помладше, скомпрометировавших себя массовыми убийствами оставят на расправу. Это будет сделано для того, чтобы окружить большевизм мученическим ореолом.... Не знаю, верить или нет? Что Ленин и Троцкий, а также другие: Дзержинский и им подобные получают от государства пожизненную пенсию по пятьдесят тысяч рублей золотом и должны будут уехать из России в Америку.

Евгений громко засмеялся.

– Бред, полный бред, – произнес он. – Бред больного человека. Не для того они брали власть, чтобы вернуть ее за пенсию.

– Вот и я, такого же мнения...

Выпив рюмку коньяка, Евгений встал из-за стола и сел за рояль. Подняв крышку, его пальцы нежно коснулись клавиатуры.

– Боже мой! Неужели это не сон, – произнес Евгений. – Море, солнце, рояль....

За окном сверкало яркое солнце. Мягко набегали на песчаный берег малахитово-зеленые морские волны. Легкий ветерок играя, запутался в шторах.

Утро туманное, утро седое,

Нивы увядшие снегом покрытые.....

Неожиданно для всех пропел Евгений. Голос у него был красивым. Он словно баюкал всех в мелодии стихов. Нина,

словно впервые услышала голос брата. Музыка словно дышала морским ветром, красочными и далекими просторами.

– Странно, как-то все это – война, море и музыка. Скажи мне, Женя, почему эта жизнь словно гниль. Почему, гниль может быть такой красивой. Заходишь в магазин, а там все пузырьки с духами разбиты, запах, кружится голова, а уходить не хочется и вдруг ты – ветер, простор, солнце...

Евгений посмотрел на сестру. Глаза Нины как-то не естественно блестящие. Вдруг он увидел ее совершенно по-другому – бесконечно усталое лицо, умный и пронзительный взгляд, прекрасные густые волосы...

«Как выросла, сестренка. Ты стала настоящей красавицей», – первое, о чем подумал он, продолжая рассматривать красивое девичье личико.

Он встал из-за рояля и стал застегивать ворот кителя.

– Мне пора, мама, – произнес он. – Простите если что не так. Вот играл и думал, вернусь или нет? Обойдет ли меня смерть или нет?

Мать заплакала. Он обнял ее за плечи и прижал к своей груди.

– Женя! Ты хоть награды сними, мало чего, – тихо попросил его отец.

– Нет, папа. Я их заслужил на войне и мне не стоит их стесняться.

Они вышли из дома и направились к центру поселка, где Евгения должен был ждать экипаж.

Катерина вошла в штабной вагон и, сняв с головы кожаную фуражку, со злостью швырнула ее на стол.

«Как он мог гарантировать белым жизнь, раздраженно думала она. – Мы должны их уничтожить и уничтожить, всех до последнего буржуя. Да и сам Ленин не доволен этим решением Фрунзе. Слюнтяй, не мужик, а баба! Куда им деваться из Крыма? Кругом море и мы».

В купе заглянул вестовой, молодой парнишка лет восемнадцати, одетый в английский военный френч, галифе и коричневые кожаные сапоги.

– Товарищ председатель, ваше приказание выполнено. Арестованные враги доставлены, – произнес красноармеец.

Она не сразу поняла о ком идет речь. Она наморщила свой лоб, размышляя над словами вестового.

– Раз доставлены, говоришь, тогда заводи! – приказала она ему и села в кресло.

Конвоир толчком руки завел двух матросов в купе. Судя по лицам, они были изрядно напуганы. О женщине, что сидела за столом напротив их, ходили настоящие легенды. Ее жестокость была известна всем бойцам 13-ой армии.

– Что скажите, орлы? Погуляли? – обратилась она к ним. – Хотели все выпить, однако, не получилось...

– Пьяные мы были, гражданин председатель, не помним, – произнес один из матросов. – Как сказать, отчета себе не от-

давали...

Катерина улыбнулась. Ей нравилось чувствовать в себе и обвинителя, и защитника, и просто Бога, который легко может подарить или отобрать чужую жизнь. Она встала из-за стола и подошла к стоявшим перед ней матросам. Она пристально посмотрела в глаза матроса, отметив про себя красоту его больших глаз, сильного и мощного торса. В какой-то момент она поняла, что в ней начинает закипать женская страсть, которая могла выплеснуться из нее в каждую секунду. Она провела рукой по его груди и, отвернувшись, направилась к столу.

– Отчета, говоришь? – переспросила она их и взяла в руки донесение, написанное командиром сводного полка матросов.

Она снова, молча, посмотрела на матросов, с лиц которых не сходила маска страха.

– Докладываю, матросы Семенов и Черненко, будучи в состоянии опьянения распяли на церковных дверях настоятеля монастыря, а восьми инокам, обнаруженных в кельях, отрубили правые руки, а затем, устроили пьянку с девками, прямо в алтаре храма, – зачитала она рапорт командира полка.

Катерина отложила бумагу в сторону.

– Зачем же вы им отрубили руки? – спросила она их. – Что молчите? Может мне тоже приказать отрубить вам руки?

Один из матросов упал на колени. Второй, по-прежнему стоял и с вызовом смотрел прямо в глаза председателя ЧК.

– А чтобы не могли креститься, – произнес матрос. – Вы же сами говорили нам, что религия – опиум для народа.

Катерина усмехнулась. Ей явно понравился ответ матроса. Она еще раз взглянула на него. По ее лицу пробежала едва заметная усмешка.

– Вот тут ваш командир просит расстрелять вас, – как бы, между прочим, произнесла она, – наверное, он прав. Вот он пишет, что священник был очень уважаемым человеком и ваш поступок может настроить народ против Красной Армии.

– Простите нас, – ответил все тот же матрос, сверля ее своим взглядом. – Попы, буржуи всякие – враги трудового народа и мы это сделали не потому, что это был священник, а потому, что он был врагом Красной Армии, врагом нашего пролетарского государства.

– Смело, однако, – произнесла Катерина и крикнула конвоира.

Тот вошел в купе и застыл у двери. Катя, взглянув на него, велела ему позвать к ней командира полка. Минут через пять в купе вошел мужчина. Он был широк в плечах. Черные форменные брюки были расклешены. Под черным бушлатом виднелась тельняшка.

– Вызывали, товарищ председатель? – спросил он ее, а затем перевел свой взгляд на своих бывших подчиненных, которые, молча, ожидали приговора.

– Проходи, Алексей Фомич, проходи, – на распев произ-

несла Катя. – Вот разбираюсь с твоими бойцами. Скажи мне, Алексей Фомич, ты случайно не из семьи священников или буржуев?

Командир полка вздрогнул и с удивлением посмотрел на председателя ЧК, словно впервые видел его. Краска залила его заросшие щетиной щеки. Ее вопрос, похоже, застал командира полка врасплох. Он с шумом проглотил слюну.

– Нет. Вы же хорошо знаете, товарищ председатель, что я из рабочих, – как-то не совсем уверенно произнес командир полка, стараясь угадать, куда клонит женщина. – Я на флоте с 1916 года...

– Вот тогда скажи мне, Алексей Фомич, являются ли врагами для «красной России» священники, буржуи другие царские недобитки? Что молчишь? Отвечай!

– Да, – не совсем уверенно ответил командир.

– Тогда, что это? – произнесла Катерина и рукой указала ему на рапорт. – Что это? Кого ты обвиняешь в убийстве? Красных матросов? Которые готовы отдать свою жизнь за идеи революции. Нехорошо. Идет война, а вы распустили слюни, как гимназистка. Вы должны понять и усвоить одно, или мы их, или они нас.

Лицо командира полка побледнело.

– Бойцы революционной армии – не бандиты. Мы не можем убивать ни в чем не повинных людей, – произнес командир полка. – Вы же сами сегодня были на совещании у товарища Фрунзе. Разве вы не слышали, о чем он говорил?

Разве вы не согласны с ним?

Катерина усмехнулась. Она поняла, куда клонит Алексей Фомич.

– Слышала, – ответила Катя. – А вы слышали, что говорил по этому вопросу товарищ Ленин? Не слышали, а я – слышала. Поэтому, развяжите руки этим матросам.... Чем меньше врагов мы оставим за своей спиной, тем меньше будет у нас потерь.

Командир, молча, взглянул на председателя ЧК армии и, развернувшись, вышел из купе.

Сотня кавалеристов под командованием поручика Варшавского спешила в небольшом лесочке, что тянулся вдоль железнодорожного пути. Было темно, накрапывал небольшой дождичек, тихо ржали кони. Евгений, молча, передал удила своего коня ординарцу и знаком руки подозвал к себе подъясула казачьей сотни.

– Петр! Успех в ваших руках. Пусть ваши пластуны снимут часовых у красных. Смотри у меня, чтобы было тихо, без шума.

Есаул улыбнулся. Ему было лет около сорока, и он был хорошим рубакой.

– Все понял, ваше благородие. – Козырнул казак и буквально растворился в темноте.

Варшавский достал из кобуры «Маузер» и проверил обой-

му. Убедившись, что тот полон патронов, сунул его обратно в деревянную кобуру. Сегодня утром разведка донесла, что на станции Лозовая стоят несколько штабных вагонов красных, принадлежащих тринадцатой армии. Было принято решение осуществить налет на станцию.

– Господин полковник, – обратился к командиру полка Варшавский. – Позвольте мне возглавить этот рейд.

Полковник с интересом посмотрел на Евгения.

– Что с вами, поручик? Что за просьба?

– Разрешите мне возглавить этот рейд. Я вас очень прошу, – снова обратился к нему поручик.

– Хорошо, Варшавский. Бог с вами.... Я смотрю, вас так и тянет в бой. Не смею вас держать.

Евгений щелкнул каблуками и вышел из кабинета. Сейчас, присев на пенек, он почему-то подумал о Катерине.

«Как он поступит с ней? Сможет ли убить или нет? – размышлял он, прислушиваясь к звукам, доносившимся со станции. – Убить? Сколько крови на ее руках, а она бы смогла, убить его или нет? Наверное, да, а вот он до сих пор колеблется в своем решении. Так не обманывай себя Варшавский, ведь ты только из-за нее напросился в этот рейд, а сейчас вот сидишь и гадаешь, как тебе поступить в случае ее пленения».

От размышлений его оторвал голос подъесаула:

– Господин поручик, дозоры красных уничтожены, путь на станцию свободен.

– По коням!

Через пять минут тишину ночи разорвали взрывы гранат, пулеметные и винтовочные выстрелы. Из вагонов выскакивали полусонные красноармейцы, которые моментально падали наземь под шашками казаков. Несколько вагонов загорелись. В красном мареве пожара на небольшом станционном пятачке метались обезумевшие от страха люди. Из горевшего вагона, в белом исподнем выскочил мужчина с «Маузером» в руке. Он сделал два выстрела и двое казаков повалились на землю. Евгений сначала сбил его с ног конем, а когда тот захотел подняться, ударил его шашкой. Мужчина схватился руками за голову и повалился на землю. Вскоре все закончилось....

Казачьи сожгли в кучу пленных красноармейцев. Одного из них, одетого во флотскую форму подвели к Варшавскому.

– Кто ты? – спросил его Евгений. – Скажи, много ты людей положил?

– Я командир сводного полка балтийских матросов.

– Большевик?

– Да, – коротко ответил матрос. – Что вас еще интересует? Убивал ли я офицеров и казаков? Убивал... Я бы и тебя не пощадил, рука бы не дрогнула...

Варшавский усмехнулся.

– Для чего эта бравада, матрос? Если скажешь, что не боишься смерти, я все равно тебе не поверю. Смерти бояться все – ты, они. Человек живет лишь один раз и второго раза

не бывает.

Матрос улыбнулся. Улыбка получилась какой-то не естественной, натянутой.

– Для чего вы меня спрашиваете о смерти? Я не думаю, что вы хотите мне подарить жизнь? Так давайте, кончайте меня, не тяните время, а то, что жизнь человеку дается лишь однажды, я знаю. Меня еще вспомнят товарищи, а вспомнят ли вас?

– У меня один вопрос. Скажи, где ваш главный чекист? Она должна была быть здесь, на станции.

– Ее здесь нет, господин офицер. Она еще днем еще выехала в штаб фронта к товарищу Фрунзе. Так, что напрасны все ваши хлопоты. Не угостите папиросой, господин офицер. Хочу перед смертью покурить.

Евгений достал из портсигара папиросу и протянул ее матросу.

– Скажи, а штаб фронта далеко?

– Отсюда не видать, – ответил пленный.

– Господин поручик! – обратился к нему подьесаул. – Что будем делать с пленными?

– А что они делают с нами? Может, ты забыл Петр, что они сделали с нашими сторонниками в Ростове?

– Все понял, господин поручик! – произнес подьесаул и, развернувшись, побежал к казакам.

– Всех повесить! – выкрикнул он громко.

Варшавский дернул поводья коня. Он хорошо слышал,

как закричали пленные красноармейцы, когда им на шею накинули веревки. Вскоре все стихло. Запалив здание станции и пустые вагоны, отряд направился в обратную сторону.

Вечером, вся семья Варшавских направилась в гости к княгине Меньшиковой, которая проживала в конце улицы. Приглашенных гостей было не так много, многие из них, просто, не пришли. Катя толкнула дверь, и они вошли в большой зал. От горящих свечей воздух в помещении был каким-то неестественным, наполненный запахом цветов и воска. Княгиня сидела за роялем. Она играла Бетховена, Шопена. Ее большие глаза изнутри светились каким-то не земным зеленым светом, отчего казались необычайно прекрасными. Княгиня прекратила играть, встала и, придерживая подол роскошного зеленого платья, направилась навстречу Варшавским.

– Добрый вечер, княгиня, – поздоровался с ней Иван Ильич и поцеловал протянутую руку.

Рука графини была очень красивой, а длинные музыкальные пальцы, подчеркивали ее изящность.

– Проходите, господа, располагайтесь. Я рада, что вы не отказались посетить мой дом.

Они сели за стол. Молодая женщина в белом переднике разлила по бокалам темное красное вино. В свете горящих свечей, вино заиграло в хрустале разноцветными искрами.

Княгиня подняла бокал и, улыбнувшись гостям, произнесла тост за победу добровольческой армии. Все выпили. Нина посмотрела на княгиню. Женщина сидела, словно на царском троне. Ее красивое лицо с тонкими изящными чертами, носило на себе отпечаток многовековой культуры. Судя по всему, ее еще не коснулось лихолетья: бриллианты в ушах, белые руки, изящное платье.

– Ниночка! Сыграйте нам что-нибудь, – неожиданно для девушки к ней обратилась княгиня. – Не откажите, будьте так добры...

Нина села за рояль и коснулась клавиш, которые мягко и легко ответили ей на ее прикосновение. Она заиграла Чайковского. Затасканная мелодия под ее пальцами стала новой, хватающей за душу. Княгиня низко опустила голову, плечи ее стали тихонько вздрагивать. Нина бросила играть и присела рядом с ней.

– Ну, Мария Александровна, не надо, – тихо произнесла девушка. – Еще ничего не кончилось, наши войска еще погонят красных назад. Нужно стать выше судьбы! Нужно бодро нести все, что бы ни послала жизнь...

Нина взяла в руки ее руку и стала нежно гладить.

– Дорогая девочка, они убили моего Бориса, – тихо произнесла княгиня дрожащим от слез голосом. – Они сожгли его в топке паровоза. Ужасная смерть, сколько мучений... Я не хочу больше жить в этой страшной стране, где нас так ненавидят. Что же им сделали такого, что они вот так жесто-

ки к нам. Что творится на белом свете? Боже! Почему ты отвернулся от нас, разве ты не видишь, как мучится твой православный народ?

Нина поднялась со стула и подошла к Ивану Ильичу. Она опустила руки ему на плечи.

– Может, домой пойдем папенька? Митя обещал навесить нас сегодня.

Отец посмотрел на дочь.

– Ты иди, а мы еще немного побудем здесь. У княгини всегда мило, много хороших людей.

Кто-то из гостей ударил кулаком по столу. Все обернулись в его сторону.

– Я все-таки верю в русский народ! Верю! Вынес он самодержавие – вынесет и большевизм!

Это было произнесено так не естественно, что вызвало у гостей саркастические улыбки.

– Да бросьте вы, батенька. Какой русский народ! Где вы его видели? Нет народа, есть палачи русского народа! – произнес Конев, сосед Варшавских. – Вы знаете, что творит этот русский народ? Я бы воздержался об этом говорить.

– Врете вы, я верю в русский народ! – снова завелся мужчина. – Нам трудно понять, почему он так жесток к нам. Ленин назвал это классовый борьбой. Они уничтожают лишь тех, кто с ними борется, а я не борюсь! За что они меня должны уничтожить? Вот и я так думаю, не за что!

В комнате стало тихо. Неожиданно налетел ветер, кото-

рый поднял штору. Все вздрогнули от этого порыва. Горевшие на столе свечи погасли, и в комнате стало темно.

– Вы плохо их знаете, уважаемый. Они убивают не зато, что с оружием в руках борешься с ними, они уничтожают нас как класс, который они называли – буржуазией.

Возразил кто-то из присутствующих. Нина вышла из дома. Красный полумесяц уходил куда-то за море. С севера дул холодный ветер.

Катерина, молча, обходила остовы сгоревших вагонов. Только сейчас она стала реально понимать, что ей невероятно повезло в тот весенний день. Если бы не приказ Фрунзе о прибытии на совещание в штаб фронта, ее бы ожидала незавидная доля. Сзади нее шел ее ординарец, молодой человек с «Маузером».

– Сколько их было? – обратилась она к ординарцу.

– Говорят, чуть больше сотни, – ответил тот. – Говорят, что белые появились так неожиданно, что матросы даже не успели организовать оборону.

– Говорят, говорят, – передразнила она ординарца. – Пьянствовали, сволочи, небось, вот и прозевали.

Она развернулась и направилась к станционному зданию, около которого на земле лежали около тридцати трупов, снятых с растущих рядом деревьев.

– Организуйте проверку домов в поселке. Подозритель-

ных, всех сюда!

Вскоре до слуха Катерины донеслись крики, выстрелы. Она поднялась с сиденья автомобиля и посмотрела в сторону железнодорожного поселка. Из него двигалась большая толпа, окруженная вооруженными красногвардейцами. К ней подбежал ординарец и, тяжело дыша, сообщил, что в поселке было обнаружено сорок дезертиров, несколько раненных белогвардейцев.

– Кто укрывал белогвардейцев?

– Здесь все они, мы их тоже повязали. Что прикажите делать с ними?

Катерина вышла из автомобиля и поднялась на крыльцо, еще дымившегося здания станции.

– Товарищи красногвардейцы! Перед вами стоят враги нашей революции. Они еще пытаются огрызаться, словно собаки, загнанные в угол истории. Сегодня ночью белоказаки напали на станцию и порубали наших товарищей – моряков. Это тех, кто доказал свою верность революции своей кровью. У всех их остались дома жены, дети, которые ждали их домой, а теперь их нет. Я ставлю вопрос ребром, как нам с ними поступить? Многие упрекают нас в излишней жестокости, но есть поговорка, что клин жестокости можно выбить только аналогичным клином.

Чекистка замолчала. Она окинула взглядом людей и, поправив кожаную куртку, продолжила:

– Товарищи! Так ответим своим красным террором на

террор наших врагов! Смерть врагам революции!

Площадь огласилась криками женщин, так как среди приговоренных к смерти жителей поселка оказалось много женщин. Красноармейцы развернули пулеметы, установленные на тачанках, и открыли огонь. Пули, словно косы, сметали с площади людей. Кто-то попытался бежать, но и их доставали свинцовый ливень.

– Добейте раненых, – выкрикнула Катерина и, взобравшись в салон автомобиля, коснулась рукой плеча водителя.

Тот мотнул головой. Мотор машины взревел, и автомобиль покати со станции.

Следующий день принес новые новости. Жители из поселка стали передавать друг другу, что красные послали к ним своих лазутчиков, которые должны организовать несколько боевых групп и обеспечить захват населенного пункта малой кровью. Сколько этих лазутчиков и где они скрываются, никто из сельчан не знал. Однако эти слухи вселили в жителей страх, люди попрятались по домам, поселок притих, словно вымер. Поздно вечером в окно дома Варшавских постучал незнакомец, одетый в офицерскую шинель. Хозяин дома, набросив на плечи пиджак, подошел к двери.

– Кто там? – громко крикнул Иван Ильич и, взяв в руки керосиновую лампу, подошел к окну.

Он отодвинул занавеску и ахнул от удивления.

– Леонид? Ты откуда? – спросил он его.

Это был младший сын его родного брата. Молодой человек снял с себя шинель и, потирая озябшие руки, прошел в дом. Он с интересом осмотрел комнаты и сел в кресло.

– Ты откуда, Леня? – снова спросил он племянника. – Почему ты здесь, а не на фронте?

– Оттуда, – тихо ответил Леонид. – Что, напугались, дядя? Славная у вас дачка, славная. Давно снимаете?

В углах губ племянника задрожала дразнящая улыбка.

– Когда мы будем здесь, мы ее непременно реквизируем под клуб коммунистической молодежи.

– Как это так, реквизируем? На каком основании, а нас куда? Погоди, погоди, ты красный?

Словно не слыша вопросов Ивана Ильича, Леонид продолжил:

– Думаю, что недельки через две наша армия займет ваше село.

– Вон ты о чем, Леня? Выходит, ты из красных теперь будешь? А я то, не сразу понял, о чем ты говоришь.

– Да, – коротко ответил племянник и засмеялся, глядя на побелевшее лицо родственника. – Не всем же воевать в добровольческой армии. А Евгений, выходит, воюет за белых, я правильно вас понял, дядя. Это его головорезы порубали матросов на станции Лозовой? Ну что, Иван Ильич, бегите в контрразведку сообщайте им, что к вам пришел красный агитатор....

– Не паясничай, Леня. Ты же знаешь, что я никуда не пойду...

Услышав разговор, из спальни вышла супруга и дочь Нина, которые были удивлены, увидев в зале Леонида. Иван Ильич, по-прежнему недоброжелательно поглядывал на племянника. Он посмотрел на женщин и улыбнулся.

– Что смотрите? Давайте, арестовывайте меня, расстреливайте.... А мне плевать, что вы обо мне думаете, просто плевать и все. В этой жизни побеждает лишь тот, кто сильнее, а сильнейшие это мы – красные. Да не пугайтесь, я не сошел с ума, я просто научился по-другому смотреть на жизнь.

– погоди, Леня, – остановила его Нина, присаживаясь на диван. – Зачем мы тебя будем арестовывать? Это же бред какой-то. Неужели ты бы нас арестовал, если бы мы пришли к тебе в дом?

– Не знаю, – ответил он. – Все зависит от обстоятельств. Кого нужно, того и арестовываю, а прикажут, то и расстреливаю....

– И много ты расстрелял? Одного, десять, сотню...

– Многих, Нина, многих, не считал. Контры много еще у нас в России. Мы как ассенизаторы, чистим наше общество от буржуев и царских прихвостней. Чистим и не можем очистить.

– Что с тобой, Леня? В кого ты такой? Отец у тебя всю жизнь преподавал в университете, людей учил, а ты....

Леонид громко рассмеялся. Он словно наслаждался стра-

ХОМ ЭТИХ ЛЮДЕЙ.

– Прекратите, дядя. Трудового народа мы не трогаем, его мы убеждаем, и знаем, что он постепенно весь перейдет к нам. А буржуазия, – да, с нею церемониться мы не станем, она с нами никогда не пойдет, и разговаривать мы с нею не будем, а будем поголовно уничтожать! Всех! Детей, стариков и женщин, чтобы больше не рожали врагов революции. Это называется классовой борьбой, про которую говорит Ленин.

– Погоди, Леня, погоди. Уничтожать? Я что-то тебя не пойму. Как же – физически уничтожать? Ты же сам, из какого сословия будешь? Думаю, явно не из пролетарского....

Леонид встал и стал шагать по комнате. Он явно пришел к Варшавским не затем, что бы спорить здесь о белых и красных. Несколько часов назад разъезд конных казаков порубал шашками всю их группу. Ему единственному удалось бежать, воспользовавшись темнотой. Он пришел к своим родственникам, чтобы укрыться на время облавы, однако, страх и злость заставили его вступить в этот никому не нужный спор.

– Леонид, насколько я знаю марксизм, для него важно уничтожение условий, при которых возможна буржуазия, а не физическое ее уничтожение. Как ты можешь вот так спокойно говорить об этом? Что и нас Варшавских всех под топор? Что молчишь? Меня, твоего отца и мать?

Леонид пренебрежительно взглянул на нее.

– Э, милая Нина! Кто вам сказал, что революцию можно

делать чистыми руками! Марксизм это, прежде всего – диалектика, для каждого момента он вырабатывает свои методы действия.

– Как же так, Леня? – произнес молчавший до этого Иван Ильич. – Ведь вы сами при Керенском боролись против смертной казни. Я хорошо помню, читал речь Ленина, в которой он говорил, что совесть пролетариата никогда не примирится со смертной казнью. И что же теперь? Как быть народу, который поверил вам, большевикам?

Племянник насмешливо блеснул глазами. Он достал из кармана галифе папиросы и закурил.

– Да неужели вы, дядя, не понимаете, что революция – не миндальный пряник, что она всегда делается так. Неужели вы никогда не читали про Великую французскую революцию, не слышали, про великих ее вождей – Марата и других? Они тоже мало ли что говорили, главное – они не предали революцию, – произнес Леонид. – Вы считаете, что мы предали революцию? А вы, верные ее знаменосцы до сих пор несете это знамя? Но нас много, за нами стихия, а сколько вас? Что, возразить не чем? Да нас миллионы, мы море, перед которым рушатся стены.

– Да, я соглашусь с тобой Леонид. Вас действительно много, потому что хамов всегда было больше, чем хороших и грамотных людей. Вы хорошо используете низменные чувства народа. А ваш лозунг – грабь, награбленное имущество, стал не только лозунгом, но и программой вашей партии. Вы

не партия народа, а партия бандитов....

Леонид выпустил струю дыма в потолок и с насмешкой посмотрел на Варшавских.

– По-вашему, «хамы» делают революцию, льют потоками чужую кровь – да!

Иван Ильич встал с кресла и посмотрел на дочь и жену, а затем вдруг круто остановился перед племянником.

– Скажи, Леня, пожалуйста, для чего ты сюда пришел? Что ты хотел здесь найти – кров, сочувствие, спасение?

Родственник застыл на месте. Он удивленно посмотрел сначала на дядю, а затем на его жену и племянницу.

– Зачем же тебе нужно было пробираться через фронт, подвергать себя опасности? Ведь для таких как ты, отдых создается просто – выгони буржуя из его особняка и отдыхай себе вволю от расстрелов и пыток. Набрался сил и снова, стреляй.... Вот что, голубчик! Я не доносчик и на тебя не донесу. Но ...уйди, милый мой, от нас сейчас же. Мы разные люди, а ты чекист.... Мне стыдно, что ты стал палачом!

– Погоди, папа, не гони его. Пусть Леня останется до утра. Куда он сейчас в ночь то пойдет.

– Нет! – с бешенством в глазах закричал Иван Ильич. – Сейчас и на всегда – вон! Доносчик, палач! Я не позволю поганить наш дом. Вы что, самого Иуду готовы в постельку уложить и укрыть теплым одеялом. Нет! От него за версту пахнет мертвечиной!

Леонид, молча, направился в прихожую, где стал одевать

шинель. Он достал из кармана шинели «Наган» и крутанул рукой барабан.

– Погоди, Леня!

Нина быстро отрезала половину большого хлеба и подала ему.

– Вот возьми...

Он взял хлеб и, хлопнув дверью, вышел.

За окном было темно, лишь иногда где-то в бархатной темноте, мелькал одинокий огонек. Высоко в небе висел золотисто-желтый блин луны. Паровоз протяжно загудел, извещая о том, что впереди находится большая узловая станция. Катерина отошла от окна вагона и села на диван. Из-за вагонной перегородки до нее доносились мужские голоса, прерываемые громким смехом. Это свободные от наряда красноармейцы играли в карты. Бронепоезд, к которому были прицеплено несколько пассажирских вагонов, стал мягко тормозить, лязгая чугунными буферами. Она взглянула на часы, которые лежали перед ней на столе. Они показывали начало двенадцатого ночи.

«Наверное, можно немного отдохнуть, – подумала она. – День был тяжелым...».

Она сняла с ног хромовые сапоги, пошитые по заказу и кожаную куртку. Положив рядом с собой «Маузер», Катерина прилегла на диван и закрыла глаза. Сон не шел. За пере-

городкой по-прежнему громко говорили бойцы. Она поднялась с дивана и несколько раз стукнула рукояткой пистолета в стенку. Голоса на какой-то миг затихли, но это продолжалось не долго.

– Что разорались, черти! – произнесла она, открыв дверь в соседнее купе. – А ну, прекратить!

Красноармейцы притихли, они хорошо понимали, кто к ним обращается. Слухи об ее жестокости шла впереди Катерины. Она прилегла на диван и попыталась заснуть, но у нее ничего не получалось. Память, словно какой-то поржавевший механизм стал с трудом откручивать события в обратную сторону.

«Как все началось, что ее заставило стать непримиримым борцом за мировую революцию», – в который раз подумала она.

Она неоднократно пыталась найти ответ на этот вопрос, но его не было. Катя хорошо помнила зиму 1905 года. Она, хрупкая девушка, одетая в черный шерстяной жакет, со здоровым румянцем на щеках, пытается поднять боевой дух небольшой группы рабочих, оборонявших последнюю баррикаду в городе. Силы были явно на стороне правительственных войск и, по сути, эта баррикада уже ничего не решала. Против небольшой горстки рабочих, губернатор бросил регулярные силы армии, однако расходиться по домам никто из них не собирался.

– Друзья! Кто считает, что мы проиграли войну с цариз-

мом, пусть уходит. Я никого из вас не держу. Мы проиграли только бой, но не войну! Сейчас они снова пойдут в атаку, чтобы опрокинуть нас, но пока жив кто-то из нас, они здесь не пройдут! Да здравствует пролетарская революция! Смерть царизму!

Из-за поворота улицы показались группы солдат, которые, прижимаясь к стенам домов, короткими перебежками, стали продвигаются к баррикаде, над которой, развевался на ветру красный флаг. Несколько рабочих, бросив винтовки, скрылись в ближайших подворотнях. Когда до ближайших солдат осталось метров пятьдесят, Катерина громко выкрикнула «Огонь» и нажала на гашетку пулемета. Молоденький офицер схватился за прострелянную грудь и упал на покрытую снегом мостовую. Воздух разорвал треск выстрелов. Пулемет замолчал, закончились патроны. Солдаты, словно догадавшись об этом, устремились в атаку.

– Ура! Ура! – несется вдоль улицы.

Солдаты все ближе и ближе. Один из них взбирается на баррикаду и срывает красный флаг. Он не успевает бросить его вниз, пуля из револьвера Катерины сбивает его с баррикады. Озверевшие от крови солдаты не щадят никого – раненных рабочих добивают штыками. Ей тогда повезло. Она и еще двое рабочих скрылись в подворотне дома, и ушли дворами. Именно после этих событий за ней закрепляют новый псевдоним – Рысь.

Шум в соседнем купе, снова отвлек Катерину от воспоминаний.

– Свиридов! – громко крикнула она. – Свиридов! Зайди ко мне!

Дверь открылась, и в дверях показалось заспанное лицо ординарца. Он расправил китель и посмотрел на сотрудника ЧК.

– Пусть прекратят этот шум. У меня уже голова раскалывается от их хохота. Если не прекратят, то я найду, чем заткнуть их глотки.

– Есть, товарищ... – ответил ординарец и исчез за дверью.

Что он им сказал, Катя не знала, но шум моментально прекратился. Она снова закрыла глаза и стала вспоминать те далекие годы. Она перебиралась с одной квартиры на другую, но оторваться от преследования охранки ей не удавалось. Каждый прожитый день – ожидание ареста. Однажды ей передали письмо Владимира Ильича Ленина. Он обращался к ней с просьбой материально помочь газете «Искра». Это была первая подобная просьба вождя.

– Поймите, сейчас, когда мы вынуждены на время отойти от активной деятельности, нам как воздух нужна газета для рабочих. Однако, в настоящий момент, партия не располагает средствами для поддержания «Искры». Если у вас есть хоть малейшая возможность помочь газете, помогите ей.

Используя связи отца, Катя нашла средства, которые пере-

дала Ленину, для издания газеты «Искра». Владимир Ильич высоко оценил этот жест.

– Катерина! Вы просто не представляете, как выручили партию, – произнес он при встрече с Катериной. – Чтобы мы делали без этих денег?

Но это произошло чуть позже, а сейчас она много выступала перед рабочими от имени Ленина, который для нее стал просто кумиром. Однажды ей передали письмо от Ленина, в котором он критиковал ее высказывания. Письмо обожгло ее, обида, засевшая в сердце, стала потихоньку разъедать ее изнутри. Она ни как не могла понять, что она сделала такого, что вызвало гнев вождя.

«Вам хорошо критиковать меня, – размышляла она. – Сидите там, в Швейцарии, пьете пиво, а я здесь. Попробовали бы пожить хоть немного здесь, находясь на нелегальном положении».

Несмотря на прошедшее время, эта обида до сих пор жила в ее сердце и иногда, словно застрявшая заноза, напоминала о себе душевной болью. Чувствуя, что не сможет уснуть, Катерина встала с дивана и подошла к окну. В свете мощного прожектора установленного на крыше станции, она увидела массу народа с мешками и чемоданами, которые пытались прорваться к стоявшему на путях составу. Постояв с минуту, она задернула занавески и снова села на диван.

Катя невольно улыбнулась, вспомнив, как тогда написала скандальное письмо Ленину, в котором потребовала, что

бы он считался с ее мнением, потому что ей виднее здесь, в России, что и как, говорить. Она тогда не особенно рассчитывала, что Ильич ей ответит, но он ей написал. Владимир Ильич принес ей свои извинения и признал свои ошибки. В конце своего письма Ленин отметил ее преданность делу революции и пожелал ей успехов. Однако ее письмо сыграло с ней плохую шутку. По просьбе Ильича ее не выбрали в Центральный Комитет партии, невзирая на признанный партией героизм, проявленный на баррикадах.

После победы большевиков в октябре 1917 года Ленин в очередной раз оставил ее на задворках политической власти. В новое советское правительство она почему-то не вошла. Обида вновь захлестнула Катерину, она просто не знала, что ей делать дальше. Товарищи по партии, которые все это время отсиживались в Европе, теперь заняли все руководящие посты в правительстве. О ней вспомнили лишь, когда началась гражданская война. По решению ЦК, ее отправили на дальние рубежи представителем ЧК. Она должна была следить за комсоставом 8-й южной армии.

«И ради этого я все эти годы лезла под пули, вела пропагандистскую работу, рисковала здоровьем и свободой? – часто думала она. – Где она элементарная справедливость?»

Именно, на Южном фронте, она встретила Сталина, в лице которого и приобрела надежную поддержку. Катерина полностью разделяла мнение Сталина, которое шло в разрез мнению Ленина и Троцкого об использовании белых

офицеров в Красной Армии. Это не осталось незамеченным со стороны этих людей. Вскоре ее сняли с должности представителя ЧК при 8-ой армии. Тогда она почувствовала, что жизнь ее находится в реальной опасности, она ждала ареста со стороны Троцкого и расстрела. Как-то вечером, она позвонила Ленину домой. Как не странно, ей ответили. Трубку сняла Надежда Константиновна Крупская.

– Надежда Константиновна, помогите мне, пожалуйста. Я прошу вас, организуйте мне встречу с Владимиром Ильичом. Мне эта встреча, просто, необходима.

Ей удалось встретиться с Лениным через три дня. Они долго разговаривали: его интересовало положение на фронте, ее встречи со Сталиным и Львом Троцким, ее мнение об этих лицах. Похоже, Ленин простил ее. Вскоре Катерину вновь назначили представителем ВЧК 13-ой армии. Почему Ленин снова направил ее в армию, можно было лишь догадываться. Выступая 6 декабря 1920 года на совещании московского партийного актива, Ленин заявил:

– Сейчас в Крыму 300 000 белогвардейцев разных мастей – офицеров, казаков и другой буржуазии. Все вы отлично понимаете, что это источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их, не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним и переварим. Как все это будет происходить, покажет время.

Катерина без лишних слов поняла поставленную перед ней задачу. На следующий день, она направилась в Крым до-

бивать остатки Белой Армии.

Ночь была тихой, как перед грозой. Листья замерли и даже пыль, словно уставшая за день, прижалась к земле. На северо-востоке все время слышались глухие буханья. Гул канонады то затихал, то усиливался. Все было ясно, что это была артиллерия. Часа через три, из города потянулись первые подводы с ранеными солдатами. С каждой минутой поток все нарастал и нарастал. К дому Варшавских медленно шагая, направились три офицера. Высокий молодой офицер с лентою патронов через плечо, подошел к двери.

– Хозяйка, откройте! – произнес он. – Откройте!

Иван Ильич, шлепая по полу ночными тапочками, направился к двери.

– Кто там? – по привычке спросил он.

– Вам привет от Евгения, – прозвучало из-за двери.

Он быстро открыл дверь. Перед ним стоял офицер с винтовкой в руках, из-за пояса торчали две ручки ручных гранат. Чуть в стороне чернела казенная двуколка и еще две фигуры с винтовками.

– Скажите, здесь живет доктор Варшавский? – спросил офицер. – Мы от Евгения.

– Да. Это я, – ответил Иван Ильич. – Кто вы?

Офицер сунул руку во внутренний карман кителя и достал оттуда конверт.

– Вот, пожалуйста, возьмите. Вам письмо от сына.

– Спасибо, штабс-капитан. Зайдете, выпейте хоть стакан чаю?

– Благодарю вас, но меня ждут товарищи.

– Так ведите и их.

Двуколка, нагруженная большим бочонком, спустилась с горы. Штабс-капитан поднялся на террасу с еще двумя офицерами. В зал вошла Нина с наброшенным на плечи шерстяным платком.

– Присаживайтесь, господа, я уже поставила самовар. Отдыхайте.

Иван Ильич вскрыл конверт и стал жадно читать письмо. Письмо было написано наскоро, взволнованным подчерком. Евгений писал, что их полк экстренно направляется в Керчь, где красные хотят прорвать их оборону. Он быстро прочитал и протянул конверт Нине.

Хозяин дома посмотрел на офицеров.

– Скажите, господа, а почему вы не с полком?

Штабс-капитан улыбнулся вопросу и посмотрел на своих товарищей.

– У нас другая задача, господин Варшавский, – ответил он.

– Скажите, почему наши войска отходят или я ошибаюсь?

– Нет, Иван Ильич. Просто гонят нас большевики. Да и гнать-то, в сущности, некого. Армии, если сказать вам честно, больше не существует, расплзлась по швам и без швов.

Надеяться больше не на кого. Союзники нас предали, французы отдали большевикам Одессу, – ответил ему подпоручик и посмотрел на своего старшего товарища.

– Вы не профессиональный военный, – заметил штабс-капитан, – поэтому все вам и кажется, так страшно. Во всякой войне бывают разные колебания в ту или иную сторону. Вы не беспокойтесь, вот соберемся с силами, подойдут резервы, и погоним красных, как стадо овец. Их только раз разбить, а дальше работа будет лишь кавалерии.

– С таким командным составом никого не разобьем, это точно, – произнес третий офицер, смуглый артиллерист, с родинкой на шее и шрамом на щеке от сабельного удара. – Наше горе – командиры уже сидят на чемоданах и готовы бежать за границу. Им глубоко наплевать на наш народ.

Штабс-капитан вскочил со стула и нервно зашагал по комнате.

– Вы правы! Ох, уж этот командный состав! Совсем как при царе-батюшке: бездарность на бездарности, штабы кишат франтами-бездельниками, которые и носа не кажут на фронт. Грандиозное воровство опутало войска: наши солдаты сидят в окопах в рваных шинелях, а в тылу идет распродажа обмундирования, все мужики в деревнях ходят в английских френчах и армейских ботинках.

Он остановился, глубоко вздохнул и продолжил:

– Фронт трещит. Бросили наш полк недавно, нас три тысячи штыков против пятнадцати тысяч красных! Смешно!

Порубили они нас в капусту! Рубили десятками и сотнями. Рубили без разбора – больных и раненных шашками в захваченных лазаретах. А в ночь с 16 на 17 на железнодорожном вокзале города по приказу комиссара 9-й дивизии Моисея Лисовского было расстреляно около сотни раненых офицеров Виленского полка, не успевших эвакуироваться. А почему? Да о них просто-напросто забыли? А я хорошо помню все это! Сволочи! Пока буду жить, буду стрелять, и вешать это хамье!

Он сел за стол и достав из кармана папиросы, попробовал прикурить. Было видно, как дрожат его руки.

– Знаете, господа, с немцами и австрийцами мы были рыцари. А против большевиков мне совесть моя разрешает все! Меня пьяные матросы били по щекам, плевали в лицо, сорвали с меня погоны, Владимира с мечами. На моих глазах расстреливали моих товарищей. В нашей родовой усадьбе хозяевами расхаживают мужики, рвут фамильные портреты, плюют на паркет... Не могу, господа, увольте... Жена, моя нищенствует! Расстреливать буду, жечь, пытаться... Развалили армию, отдали Россию жидам. Без рук, без ног останусь, – поползу, зубами буду грызть и стрелять!

Нина разлила чай по чашкам, поставила на стол вазочку с кизилловым вареньем и села на диван.

– А у меня такой ненависти к большевикам нет, – тихо произнес подпоручик. – Но я человек деятельный, сидеть в такое время, сложа руки, не мог. А выбора у нас действи-

тельно нет: либо большевики, либо мы. Когда в Питере, за покушение на Ленина, большевики расстреляли пятьсот ни в чем не повинных заложников, я почувствовал, что с этими людьми жить не смогу. Кровь залила Россию... Нужно уходить за кордон.....

– Бежать? Куда? – громко произнес штабс-капитан. – Мы недавно расстреляли двух таких, которые тоже решили уйти за кордон.

– Вот передайте моему сыну небольшую записку, произнес Иван Ильич и протянул ее штабс-капитану. – Скажите, что все у нас хорошо.

– Если встречу, то непременно. Спасибо за чай. Он сейчас громит тылы красных, бьет их и в хвост, и в гриву. Мы все удивляемся его мужеством.

– Насколько я слышал, он все пытается встретиться с какой-то женщиной, что представляет ВЧК в 13-ой армии. Кто она для него, никто из офицеров не знает, – произнес подпоручик, вставая из-за стола.

Офицеры вышли и направились к двуколке. Колеса загремели по каменистой дороге, по которой двигались на юг, отходящие войска добровольческой армии.

Небо сначала посерело, а затем приобрело цвет топленого молока. По земле пополз густой туман. Видимость упала до ста метров. Варшавский оторвал от глаз бинокль и посмот-

рел на казаков, которые буквально срослись с винтовками. Все ждали атаки красноармейцев.

– Никак идут, ваше благородие, – произнес стоявший рядом с ним пулеметчик.

Евгений снова приложил к глазам бинокль. Сквозь рваные клочья тумана показались плотные цепи красноармейцев.

«Сколько же их», – успел подумать Варшавский, заметив идущих за первой цепью, вторую.

– Огонь по моей команде. Подпусти их ближе!

Тишина, висевшая над полем, похоже, пугала красных. Цепь постепенно стала ломаться и вскоре превратилась в десятки небольших групп, которые осторожно двигались вперед. Судя по их сгорбленным фигуркам, страх все больше и больше вселялся в их души. Отдельные красноармейцы останавливались и оглядывались назад, словно старались определить расстояние до своих позиций.

«Боятся, – подумал Евгений. – Все мы смертны и красные и белые».

– Огонь! – громко выкрикнул Евгений.

Шквал свинца буквально снес первую цепь атакующих бойцов. Красные попятились назад, сначала медленно, а затем уже бросились бежать, бросая на бегу оружие.

– В атаку! Вперед! – выкрикнул Варшавский и, выхватив из ножен шашку, ударил кВ бока коня шпорами.

Вслед за ним из кустов выскочили казаки. Все бросились

догонять бегущих красногвардейцев. Началось простое истребление врага. Обезумевшие от страха красные метались по полю стараясь спрятаться от атакующих их казаков. На этом порыве, сотня ворвалась в небольшой поселок, улицы которого были забиты обозом. Пленных не брали по одной причине, что просто не знали, что с ними делать дальше. По поселку носились напуганные грохотом лошади, то тут, то там шла ожесточенная стрельба, которая перерастала в рукопашные бои. Вскоре все стихло. По улицам бродили казаки, полупьяные от крови и боя.

Раздался протяжный вой, а затем раздался сильный взрыв, который разметал избу. Это по населенному пункту ударила артиллерия красных. Поселок заволокло дымом горящих хат.

– Отходим! – громко прокричал Варшавский.

Казаки стали быстро покидать поселок, гоня впереди себя, захваченный красный обоз.

– Господин поручик! Смотрите, что мы нашли в одной из подвод, – произнес один из казаков.

Евгений подошел к подводе и откинул в сторону укрытый шторой мешок. Он был набит носильными вещами: шубами, меховыми шапками, между ними были аккуратно уложен немецкий фарфор.

– Вот сволочи, награбили! – возмущенно произнес Варшавский. – Вот она, пролетарская правда – грабь, убивай...

Развернувшись, Евгений направился к лошади, которая

мирно щепала траву. Она иногда вздрагивала своим крупом от грохота рвущихся в поселке снарядов. Он ловко вскочил в седле и, ударив коня плетью, помчался в голову колонны, которая медленно втягивалась в глубокую балку. Впереди слышалась стрельба. Варшавский придержал коня, ожидая донесения.

– Господин поручик! Впереди красные!

– Много их?

– Человек сорок – пятьдесят, – произнес казак. – Какие будут указания?

– Атакуем! Шашки наголо. Рысью марш!

Отряд Варшавского вылетел из балки и со свистом, и криками устремилась на красноармейцев. Раздалось несколько выстрелов, которые не могли остановить конную лаву, которая буквально смяла, а затем поглотила в себе красноармейцев. Вскоре все стихло, все красные были порублены.

Всю ночь по дороге двигались отходящие части белой армии. Под утро стало тихо, ни голосов, ни стука копыт. Из-за моря встало яркое солнце. Теперь по дороге, непрерывной вереницей катились линейки и тачанки, на них плечо к плечу сидели мужские фигуры в красных повязках, с винтовками. Молодежь, из ближайших деревень, выкопав из земли, запрятанные еще при немцах винтовки, отовсюду шла и ехала записываться в красную армию. Неожиданно, вся эта ко-

лонна войск замерла на месте. По дороге, с развивающимся красным флагом мчался автомобиль. На повороте дороги машина неожиданно запыхтела и остановилась, окутавшись, синим бензиновым дымком. С сиденья автомобиля поднялся человек в черной кожаной куртке и стал громко говорить. В воздухе замелькали белые листки воззваний, раздавались крики, переходящие в громкое и продолжительное ура!

Нина стояла у калитки и с интересом смотрела на дорогу. Мимо нее медленно катилась ликующая человеческая река, кипящая общим подъемом. Она невольно вспомнила Киев. Как тогда билось у нее сердце в один такт с огромным все-народным сердцем, как сладок был свист пуль. Все, о чем так тогда грезилось – все рухнуло, развалилось, все утонуло в трясине кровавой грязи....

Через день столбы и заборы пестрели приказами военного коменданта Наливайко. Жителям запрещалось выходить после девяти часов вечера. За нарушение приказа – смерть. Поселок замер. Улицы опустели, нигде не видно было огней. Из деревни, что находилась не так далеко от поселка, часто слышались пьяные крики, прерываемые хаотичной стрельбой.

– Нина! – обратилась к ней мама. – Утром заходила княгиня, попросила тебя переночевать у нее.

– Зачем, мама?

– Бойтся она одна. Вчера к ней ломились какие-то люди, то ли красноармейцы, то ли бандиты.

– Неужели вы мама думаете, что я смогу ее каким-то образом защитить?

– Не знаю, Катя, но ты уж сходи, соседи вроде.

Была глухая ночь. На даче княгини все спали тревожным сном. Около часа ночи в дверь террасы кто-то тихо постучал. Нина накинула халат на ночную рубашку и направилась к двери.

– Кто там?

– Барыня откройте, это ваш садовник – Тихон.

Узнав по голосу садовника, Нина открыла дверь. Отстранив ее в сторону, в дверь быстро вошли три солдата с винтовками. Один из мужчин, видимо командир, властно спросил:

– Вы княгиня?

– Нет, княгиня, думаю спит. Что случилось?

– Разбуди ее, а то мне придется самому ее будить, а этому она будет не рада.

Три винтовочных ствола уставились в грудь Нины. Свеча в ее руке мелко задрожала, от чего тени на стене стали неимоверно кривляться, из стороны в сторону, приобретая какой-то страшный и непонятный вид.

– Хорошо, господа-товарищи, я ее сейчас разбужу. Скажите, что вам от нее нужно?

– Контрибуция на нее наложена в сумме пять тысяч рублей! Понятно? Что вы так на меня смотрите, словно впервые слышите это слово.

Солдат громко засмеялся. У него были большие крупные зубы, желтые от табака. На лице, заросшей рыжий щетиной, блуждала похотливая улыбка. Нина торопливо вошла в дверь спальни княгине. За спиной раздался чей-то ехидный смех. Солдаты смотрели на блестящий в лучах луны паркет, на черный стоявший в углу рояль. Один из них подошел к белой двери и открыл ее. За ним последовали и его друзья.

– Кто ты? – спросил солдат, заметив девушку, сидящую на кровати.

– Ася. А вы кто?

Солдаты, не отвечая, стояли посреди спальни и с жадным любопытством рассматривали бледные шелка, кружева подушек. В свете луны все это казалось им каким-то непонятным и сказочным. Услышав голос княгини, они вышли в зал.

– Товарищи! – выговаривая каждую букву, произнесла женщина. – Вот вам деньги, а теперь уходите.

Один из солдат тихо кашлянул.

– Извините, княгиня. Обыск нужно делать.

– Какой такой обыск? – возмущенно произнесла княгиня. – Что вы собираетесь искать в моем доме? Я никого не прячу....

Лицо княгини пылало от негодования. Один из солдат, словно испугавшись ее, начал пятиться назад, пока не уперся в рояль.

– Оружие графиня, прокламации там разные там против революции. Вы же враг, а у врага может быть все что угодно.

Он подошел к туалету и стал выдвигать ящики столика. Затем переместился к большому серванту. Он быстро нашел два футляра с колечками и опустил их в карман своей потертой и грязной шинели. Теперь княгиня хорошо рассмотрела его. Это был Арсений, сын местного кузнеца. Второй был прыщеватый, с опухшим лицом: известный деревенский пьяница – Левченко. Петр взял со столика, около кровати, золотые часики.

– Левченко, вот еще.... Смотри, какие красивые, наверное, очень дорогие.

Петр протянул ему небольшой футляр, в котором лежало ожерелье из жемчуга. К Нине подошел третий солдат – высокий, в рваной, прожженной шинели. Его редкие светлые волосы грязными сосульками спадали на его узкое лицо. Он оскалил свой беззубый рот, из которого пахло чесноком и каким-то спиртным.

– Что у тебя на руке? Покажи! – произнес он и схватил девушку за руку.

Нина робко протянула руку с небольшим золотым колечком. Глаза мужчины заблестели.

– Чего смотришь? Снимай! Хочешь, чтобы я тебе его снял вместе с твоим пальцем?

Он выхватил из ножен нож и посмотрел на испуганную девушку. Она сняла и молча, протянула кольцо солдату. В это время Петр и Левченко рылись в комод, вываливая из него на пол чистое постельное белье.

– Где ценности!?! – закричал высокий солдат на княгиню. – Тварь буржуйская! Отдай добровольно, пока мы тебя не расстреляли.

– У меня нет ценностей. Я их променяла на муку и мясо, – тихо произнесла графиня. – Можете не искать, вы ничего не найдете.

Солдат, молча, подошел к ней и сорвал с ее шеи золотую цепочку с крестиком.

– До утра никому из дома не выходить! Если тьякните о нас – уьем.

Развернувшись, они покинули дом.

Катерина подняла свой взгляд к бескрайнему звездному небу. Что-то непонятное екнуло в ее груди. Она почему-то вспомнила детство, когда она и Женька Варшавский вот также смотрели на небо, загадывая желание, каждый раз заметив падающую звезду. Тогда они даже предположить не могли, что жизнь их разметает в разные стороны. Она снова посмотрела на небо.

«Миллиарды людей до меня были рождены под этим небосводом, под взглядом вечных светлячков, – подумала она. – Сейчас я почему-то чувствую необъяснимую печаль и очередная победа Красной Армии, почему-то уже не так и радует. Жалко, что этот небесный свод больше не волнует меня и не радует, так, как раньше. Как раньше уже ничего

не будет».

– О чем задумалась? – спросил ее заместитель командующего армии.

– Да так, Василий Семенович, о жизни. Вот думала, жизнь проходит, молодость уходит, а счастья нет. Все бои, бои...

– Сколько вам лет, Катерина Игнатьевна?

– Я, с 1886 года рождения, вот сами считайте сколько мне. Сколько воды утекло... Я хотела с вами посоветоваться Василий Семенович. Жалуются мне на ваших красноармейцев, разбойничают, тащат все, что плохо лежит. Вчера вот изнасиловали пятнадцатилетнюю девочку, кобели. Если не пресечь все это, то можем настроить против себя массы народа.

Заместитель командующего встал из-за стола. Он сделал несколько шагов в сторону Катерины и встал рядом с ней. Он мельком взглянул на звездное небо и, не обнаружив ничего того, что могло бы привлечь на небе, посмотрел на женщину. Он был из бывших офицеров царской армии и хорошо знал, к чему может привести анархия, которая процветала в полках и дивизиях армии.

– Я с вами согласен, Катерина Игнатьевна. Нам, партизанщина не нужна. Она просто разлагает полки и дивизии. Для искоренения подобного явления нужно принимать исключительные меры. Красная Армия это не сборище бандитов, мародеров и насильников.

– Я рада, что мы нашли понимание в этом вопросе, – произнесла она.

– Катерина Игнатьевна! Меня очень беспокоит летучий отряд белых, что действует у нас в тылу. Говорят, что им командует какой-то поручик по фамилии Варшавский, что его отряд буквально следует по попятам нашего штаба. Я уже распорядился усилить охрану.

Она улыбнулась, так как хорошо знала, чего хочет Варшавский. Его отряд численностью выше триста сабель, словно, заноза засел в теле штаба армии и каждый его удачный налет на тылы армии, приводил к пополнению его сил.

– Ничего, Василий Семенович, я думаю, что у нас достаточно сил, чтобы уничтожить этот отряд. Я уже направила несколько своих людей в его отряд. Скоро нам станет известна его берлога.

Катерина, пожав руку, Василий Семеновичу, покинула кабинет.

Она шла по коридору, размышляя о своем разговоре с заместителем командующего армией.

«Выходит правду говорят о нем командиры полков и дивизий. Одно дело – слюнтяй. Похоже, он до сих пор еще не определился к какому берегу прибиться. Наверняка, в случае чего, переметнется к белым. Единственно в чем он прав, это в том, что в армии отсутствует дисциплина, а армия без нее, уже не армия. Что делать с ним? – подумала Катерина. – С кем советоваться с Лениным, Сталиным или Фрунзе. Наверное, со Сталиным. Его позиция в отношении военспецов, мне больше импонирует».

Она вышла из здания и направилась к ожидавшему ее автомобилю.

Под утро в дверь террасы дома княгини вновь постучали. На этот раз стук был сильный и властный. Хозяйка дома со страхом посмотрела на дверь и подняла руки к небу:

– Господи, когда же все это прекратится!? Уже забрали все, что могли унести, что еще нужно этим людям!

В дом вошли солдаты с винтовками. Впереди солдат вышагивал командир, одетый в кожаную куртку с револьвером у пояса. Он остановился посреди зала и сурово посмотрел на хозяйку дома.

– Хозяйка! Оружие, бинокли, велосипеды есть? Как в отношении военного обмундирования?

Графиня с удивлением посмотрела на этого молодого мужчину. Лицо со впалыми щеками, нездоровый взгляд холодных серых глаз, не сулили ей ничего хорошего.

– Извините, товарищ, я не знаю, как вас называть, но у меня ничего нет. Золото, деньги и ценности сегодня ночью забрали ваши солдаты. Все это они почему-то назвали контрибуцией.

Командир удивленно посмотрел на княгиню. Он был явно удивлен словами женщины.

– Наши? Какую контрибуцию? Что вы мне голову, морочите.... Какие солдаты? Я никого к вам не направлял!

– Не знаю, товарищ. Все забрали и ушли. Еще обещали расстрелять, если я кому-то пожалуюсь.

Командир закусил губу и посмотрел на княгиню. Только сегодня утром он получил указание командования армии о пресечении фактов мародерства, грабежей и насилия и вдруг, этот не совсем приятный факт. Можно было бы махнуть рукой на все это, ведь эта старая княгиня все равно никуда не пойдет, и не будет жаловаться на этот факт, но какое-то внутреннее чувство подсказывало ему, чтобы он правильно отреагировал на услышанную от нее информацию. Он сел за стол и посмотрел на красноармейцев.

– Я сейчас велю построить перед вами весь свой отряд, всех до одного. Укажите, кто это сделал. Не бойтесь, они не посмеют вас тронуть.

Графиня растеряно посмотрела на мужчину.

– Я не могу сказать, являются ли эти бандиты бойцами вашего отряда. Они здешние, деревенские.

Как показалось графине, командир облегченно вздохнул и снова окинул взглядом своих красноармейцев.

– Кто такие, их фамилии? Да не бойтесь, бойцам Красной армии запрещено заниматься грабежами. За эти преступления предусмотрен суд и расстрел.

– Вы знаете, товарищ командир, я боюсь назвать их фамилии, они грозились убить нас, если мы назовем их. У них здесь живут родственники, которые могут отомстить мне за это.

Командир усмехнулся и посмотрел на своих солдат.

– Тогда, я вас просто арестую, за то, что вы хотите очернить бойцов Красной Армии. Мы не можем позволить, чтобы буржуи чернили Советскую власть.

– Боже мой, и здесь угрожают. Один Левченко, второй Петр, а третьего я не знаю.

Графиня обессилено опустилась на стул и снова посмотрела на командира.

– Хорошо. Сейчас сделаем у них обыск. К двенадцати часам приходите в ревком.

Командир развернулся и направился к двери. Вслед за ним поплелись и солдаты, обсуждая сложившуюся ситуацию.

На площади, перед поселковым правлением, выстроился отряд красноармейцев с винтовками. Их было довольно много, человек сто, если не больше. Напротив них темной массой стояли местные жители. Солнце жгло, ветер с моря трепал красный флаг над крыльцом, гнал по площади обрывки каких-то никому ненужных бумаг. Из ревкома вывели под конвоем Петра и Николу Левченко, с оторопелыми и недоумевающими глазами. Лица их были в крови, а под глазом Петра темнел большой кровоподтек. Следом решительным шагом вышла женщина, в блестящих, лакированных сапогах и кожаной куртке, перетянутой ремнем, сбоку, у бедра в де-

ревянной кобуре весел «Маузер».

«Неужели это Катерина, наша бывшая соседка, – подумала Нина, внимательно рассматривая стоявшую на крыльце женщину. – Не может быть... А почему не может быть? Ведь Евгений рассказывал, что она связала свою жизнь с большевиками».

Женщина стала громко говорить, жестикулируя руками. Сомнения пропали, это действительно была их бывшая соседка – Катерина.

– Товарищи красноармейцы! Героическим усилием рабочих и крестьян в Крыму свергнута власть белогвардейских бандитов. Золотопогонные сынки помещиков и фабрикантов соединились в так называемую добровольческую армию, чтобы удушить нас с вами, отобрать у нас обратно свои земли, дома, фабрики и заводы. Красная рабоче-крестьянская армия раздавила гнездо этих кровососов. От нас не будет пощады никому, кто жил за счет нас с вами. Мы выгоним их всех из роскошных дворцов, обложим беспощадной контрибуцией, отберем съестные припасы и одежду, заставим возратить все то, что они награбили у нас за долгие и долгие годы...

Слова были до того затасканные и выдохшиеся, но от грозного блеска ее глаз, от бурных интонаций голоса они оживали и становились значительными. Катя продолжала:

– Однако, товарищи бойцы, это не значит, что власть разрешает любому желающему грабить, убивать и насило-

вать всякого встречного человека и набивать себе карманы и мешки его добром.

На лицах солдат читалась растерянность, ведь еще несколько дней назад подобное считалось вполне обыденным явлением и не пресекалось их командирами, а теперь буквально все менялось у них на глазах. Многие из них не хотели верить тому, что слышали.

Катерина сделала паузу и посмотрела на строй, который словно загипнотизированный смотрел на нее.

– Я, как представитель ВЧК, ответственно заявляю, что все имущество буржуазии принадлежит не одному человеку, а республике трудящихся в целом, помните это! Только она будет отбирать у буржуазии имущество, чтоб по справедливости разделить между всеми нуждающимися. Я это к чему? Сегодня ночью три человека, – два из них – вот они, – записавшись вчера вечером в Красную Армию, ночью сделали налет на поселок, взыскали в свою пользу контрибуцию с местной княгини, награбили у нее золотых вещей, белья, даже женских ночных рубашек. При обыске их нашли у этих людей. . . . Теперь скажите мне, что с ними нам делать. Всего один день в Красной Армии, а какой позор на вас всех.

– У, у, у, у, – загудела и заволновалась толпа местных жителей.

– Что молчите? Как поступить с этими людьми!

Красноармейцы крепче сжали винтовки.

– К стенке их! – закричал кто-то из местных жителей. –

Бандиты! Чего их жалеть!

Строй солдат заволновался. И было это опять не от слов комиссара, а от грозного возмущения жителей поселка, каким горели эти слова.

– Мы, что рабочего обобрали? – неожиданно для всех, громко выкрикнул Петр. – Буржуйку! У нее сын у белых. Сколько он нашего брата пострелял, а вы меня судите за то, что я отобрал у нее какие-то тряпки!!

На какую-то секунду вдруг стало тихо.

– Ты не оправдывайся, бандит ты! – громко выкрикнула Катерина и рукой коснулась кобуры «Маузера». – Что молчите, товарищи? Нас сюда направила партия не для того, чтобы мы грабили население, а для того, чтобы уничтожить всю буржуазную мразь! Смерть, это лучшее, что они заслужили! Бандиты они и им не место в Красной армии.

– Пьяные мы были, товарищи. Плохо соображали, что делали... Мы, думали с Левченко, что Борька действовал по приказу командира. Это он нас позвал провести контрибуцию!

– Товарищи! Наша армия это не сборище бандитов! Мы боремся для всемирной революции, а не для того, чтоб набивать себе карманы ворованным золотом. Эти люди вчера только вступили в ряды Красной Армии, и первым же их шагом стал грабеж. Больше опозорить Красную армию они не могли.

И как будто стальная молния пронзила напоенный солн-

цем воздух:

– Я предлагаю им наказание: расстрел!

Это было так неожиданно, что толпа поселковых граждан просто ахнула. Петр побледнел, а Левченко затрясся и упал на колени.

– За что расстрел? – громко выкрикнул Петр. – За эту буржуйку, товарищи? Я что убил кого-то или насильничал? Вы же забрали у меня все ее вещи, золото, все в целости. Побойтесь Бога!

– Приговор уже произнесен! – громко произнесла Катерина. – Есть желающие привести его в исполнение?

Красноармейцы молчали. Этот неожиданный для всех приговор, был нелеп по своей сути, ведь многие из них не только сами грабили, насиловали, но убивали, и это все сходило им с рук.

– ЧК своих бойцов не казнит! За что? – снова закричал Петр, чувствуя поддержку красноармейцев. – С кем вы будете воевать, если за подобные провинности будете убивать своих же бойцов. Вспомните, что сказал Христос – пусть меня убьет тот, кто сам безгрешен.

Катерина расстегнула кобуру и достала из него «Маузер». Привычным движением руки она взвела курок и направилась к осужденным.

– Раз добровольцев нет, то я сама приведу приговор в исполнение!

– Братья! За что?

Он не договорил до конца. Пуля ударила ему в грудь. Петр упал на земли. Ноги его еще несколько раз дернулись, словно он куда-то бежал, а затем затих. Катерина направила пистолет на второго осужденного. Пуля вошла ему прямо в лоб. Вложив «Маузер» в кобуру, она поднялась на крыльцо.

– Что молчите? – обратилась она к красноармейцам. – Запомните одно, если кто будет замечен из вас в грабежах и кражах, расстреляю без всякого суда и следствия! А теперь можете разойтись.

Она взглянула на жителей поселка и вошла в дом.

Варшавский сидел на пенке и рассматривал карту, которая была расстелена перед ним на земле. Судя по донесению разведки, красные потеснили полки добровольческой армии и заняли поселок, в котором проживали его родные.

«Как они там? – подумал он. – Все ли живы?»

Он посмотрел на карту и, достав из портсигара папиросу, закурил.

«Может попытаться захватить поселок и вывести из него отца с матерью, но куда? Кругом красные, пробиться в Крым, едва ли возможно. Таскать за собой стариков, дело не благородное».

От раздумий его отвлек подъесаул.

– Господин поручик! Мои казачки поймали дезертиров. Что с ними делать?

– Что за люди?

– Сброд всякий, однако, в обозе у них много награбленного барахла. Говорят, что все это они отобрали у жителей рабочего поселка, что рядом с железной дорогой.

Евгений посмотрел на карту и, найдя на ней поселок, ткнул в него карандашом. От него до поселка, где находились его родные, было всего два перехода.

– Давай, Петр, тащи их ко мне!

Он свернул карту и сунул ее в полевую сумку. Он поднялся с пенька и направился на полянку, на которой, сбившись в кучу, стояло человек тридцать мужчин. Варшавский медленно обошел их, а затем произнес:

– Ну, кто хочет послужить отечеству?

Толпа молчала, еще плотнее сбившись в кучу. Похоже, многие из них не верили, что этот симпатичный офицер может спасти их от смерти.

– Выходит, желающих среди вас нет. Защищать родину никто не хочет. Однако наловить рыбку в этой мутной воде вы оказались не прочь. И что вы прикажете мне делать с вами? Отпустить, чтобы вы продолжали грабить народ?

Из толпы вышел мужчина в солдатской шинели.

– Я хочу служить, – произнес он громко. – Василь! Выходи! Господин подпоручик ранеными мы были, отстали от полка. Вот к ним и прибились...

– Хорошо. Как твоя фамилия?

– Рядовой Куренков.

– Выходи. Кто еще хочет послужить родине?

Из строя вышли еще три человека. Остальные, словно, затравленные волки, исподлобья смотрели на окруживших их казаков.

– Петр! Остальных отведите в овраг, – скомандовал Варшавский.

Минут через пять раздался залп, и стало тихо. Вновь запели птицы, в листве зашумел запутавшийся легкий летний ветерок.

– Нина! Открой дверь! – громко произнес Иван Ильич. – Ты что, не слышишь, что кто-то стучится в дверь?

Девушка открыла дверь. На пороге стояла Катерина с улыбкой на лице.

– Надеюсь, подруга, ты меня узнала? – спросила она Нину. – Представляться надеюсь не надо?

Нина провела по волосам, стараясь пригладить вьющиеся волосы.

– Проходите, Катя, – тихо произнесла она, пропуская вперед себя гостью. – Папа! Мама! Вы только посмотрите, кто у нас в гостях!

Катерина прошла в зал и, оглядевшись по сторонам, села на диван. Она с интересом посмотрела на Нину, отмечая про себя, как та похорошела. Из соседней комнаты вышел Иван Ильич. Взглянув на гостью, он не сразу признал в ней быв-

шую соседку.

– В чем дело? – спросил он дочь. – Что-то случилось, Нина?

– Папа! Ты что не узнал Катю? Да это же дочка нашего бывшего соседа?

Только сейчас, в этой одетой в кожаную одежду, он признал в ней ту Катерину, которая так нравилась ее сыну Евгению. Женщина сняла с головы кубанку и положила рядом с собой. В ее густых, русых волосах, словно серебряные нити, просматривалась седина. Она с интересом посмотрела на хозяина дома.

– Давно вы здесь, Иван Ильич? – спросила она хозяина дома. – Неплохо вы здесь устроились.

Иван Ильич сглотнул слюну.

– Второй год. Ушли вместе с армией.... Вот такие дела.

В комнате повисла тишина. Хорошо было слышно, как в соседней комнате тикали напольные часы.

– А как ваши родители, Катя? Надеюсь, все живы и здоровы?

– Спасибо, Иван Ильич, – ответила она, – все живы и здоровы. Правда, папа стал чаще болеть.... Что сделаешь – возраст, да и время сейчас такое.

– У него и тогда было не очень хорошее здоровье.

– Вы знаете, я зашла узнать, что с Евгением. Он жив?

Иван Ильич испуганно посмотрел на Нину, не зная, что ответить Катерине.

– Не знаю. Он две недели назад навещал нас..., но на войне, вы сами это хорошо знаете, – Иван Ильич не договорил и посмотрел на жену, которая тихо вошла в комнату и присела на стул. – Нина мне рассказала, как вы лично расстреляли двух красноармейцев.... Скажите, откуда Катя в вас такая жестокость? Ведь вы раньше были такой нежной и хорошо воспитанной девушкой. Я хорошо помню, как вы пели, как гуляли с Евгением.... Мы тогда были так рады за вас...

Она усмехнулась и посмотрела на Нину.

– Это были не красноармейцы, а бандиты. К таким людям везде подобное отношение. Что в красной армии, что в белой армии или вы думаете по-другому, Иван Ильич?

Она явно ждала ответа от хозяина дома, но он неожиданно для нее произнес:

– Не хотите чая, Катя? У нас есть неплохое варенье.

– Спасибо, Иван Ильич, не откажусь. Давно вот так в домашних условиях не пила чая.

Хозяйка дома, молча, встала и также тихо, как и вошла, вышла на кухню.

– Скажите, Катя, что будет с нами? Я вот всю жизнь лечил людей, а сейчас я в глазах вашего правительства – буржуй, эксплуататор, с которыми у вас разговор короткий – стенка. А может быть, господа большевики не собираются болеть?

– Мне трудно сказать вам, Иван Ильич, что будет завтра. Но сегодня, вы относитесь к той категории людей, с которой борется Советская власть. Это наш ответ, на ваш «белый»

террор, на то, что творит ваш сын – Евгений. На днях его люди порубили около двадцати красноармейцев....

– Катя! Бог с вами, о каком терроре вы говорите? Ведь я только лечу людей и никого не убиваю, я врач.... Вы же меня хорошо знаете.... А в отношении сына могу сказать одно, не он развязал эту войну, он просто военный.

– Дело вовсе не профессии, Иван Ильич, дело в сословии, к которому вы относитесь. Задача Красной армии уничтожить буржуазию, как класс. Вам это понятно? Как класс! Я не в состоянии остановить победоносное движение масс....

По лицу мужчины пробела гримаса недопонимания. Он посмотрел на нее и задал ей не совсем приятный вопрос:

– А как же будет Катя, с вашими родителями? Вот вы только представьте, что в этот момент человек с винтовкой заходит в ваш дом и убивает ваших маму и папу? Или вы это исключаете? Ваши родители не являлись никогда не пролетариями, ни крестьянами. Или существует какое-то отдельное сословие, которое прощает ваша пролетарская революция?

Катерина промолчала. В этот момент дверь открылась, и хозяйка внесла в зал поднос с чаем. Она осторожно поставила чашки на стол и слала разливать в них заварку. Моментально в помещении поплыл запах настоящего цейлонского чая.

– Вот вы, Иван Ильич, пьете чай, да еще какой чай, а вот рабочие, кто добывает руду, уголь, такой чай не пьют. Они пьют морковный чай. Вот мы и боремся за то, чтобы все мог-

ли пить такой чай.

– Если следовать вашей логике, Катя, то вы убиваете людей за чай. Я правильно понял вашу мысль?

С улицы донесся звук автомобильного клаксона, а через секунду в дверях показалась фигура красноармейца.

– Товарищ Катерина! Вас срочно к себе вызывает товарищ Фрунзе.

Она, молча, поднялась с дивана и, надев кубанку, не прощаясь, направилась к выходу.

На столе горела керосиновая лампа. Тени, отбрасываемые ей были какими-то фантастическими, страшными. В камине горели дрова, отчего в помещении было тепло. Утром хозяева усадьбы отбыли в город с целью перебраться за границу и сейчас в доме хозяйничали солдаты добровольческой армии.

– Варшавский! Давай выпьем за победу, – обратился к нему подпоручик Сазонов. – Бросьте писать, почты все равно уже давно нет.

– Оставьте меня в покое. Что вам не с кем пить самогон? Пейте с Петром, он уважает этот напиток.

– Вы не правы, Варшавский, – вступил в разговор штабс-капитан Мартынов. – Сазонов, душа-человек, на него невозможно обижаться.

– Я не обижаюсь, штабс-капитан, я просто устал и хотел бы немного побыть один.

Мартынов засмеялся.

– Еще успеете, господин поручик. Вот столкнут нас красные в Черное море, вот тогда и побудете один на чужбине. Так что, пейте, пока пьется...

Евгений протянул руку и взял стакан. Он поднял его и чокнулся с Сазоновым и Мартыновым. Звук получился как-ким-то глухим. Они, молча, выпили и стали закусывать виноградом. Ягода была недозрелой и кислой. Варшавский, взял в руки гитару и медленно провел пальцем по струна. Подтянув третью струну, он взял аккорд.

Утро туманное, утро седое

Нивы увядшие, снегом покрытые...

Все замолчали, слушая роман Тургенева. Даже солдаты, ранее громко спорящие, замолкли. Все они хорошо понимали, о чем поет офицер.

Евгений, закончил играть и отложил гитару в сторону. Было тихо так, что отчетливо слышалось потрескивание фитиля в керосиновой лампе. Евгений достал из портсигара папиросу и закурил.

– Что ты решил? Будешь уходить за море или останешься здесь? – спросил Евгения Мартынов. – Я слышал, что Фрунзе пообещал амнистию всем тем, кто прекратит сопротивление.

Варшавский саркастически улыбнулся. Он не верил обещаниям ни Фрунзе, ни Ленина. Глубоко затянувшись, он произнес:

– Нет, господа, я никуда не пойду. Это моя земля и мне, как офицеру императорской армии стыдно бежать с поля боя. Не знаю, как вы, но я буду драться за нашу Россию до конца, до последней капли крови. Кто я там за границей? Вот, вот, просто никто....

Евгений загасил папиросу и посмотрел на офицеров.

– Странно, мы деремся за Россию, и большевики дерутся за Россию...

– Ничего странного в этом, господа, нет. Они дерутся за Россию без нас, а я – за Россию с ними.

Мартынов усмехнулся. Он взял в руки бутылку с самогоном и разлил его по стаканам.

– Поручик, вы женаты? – спросил его Сазонов. – Я нет и оплакивать меня некому. Пройдет время, и все забудут про нас, забудет и Родина, за которую мы проливаем кровь и отдаем свои жизни. Не правда ли, странно все это?

– Нет, господа, как-то не успел я жениться, – произнес Варшавский. – Сначала война с германцами, а потом с большевиками. Может это и к лучшему, сейчас бы терзался мыслями о жене, детишках.

– Скажите, а правда ли это, что главный чекист тринадцатой армии ваша хорошая знакомая? Просто интересно, господа?

– Правда, Сазонов. Мы жили на одной улице и часто ходили, друг к другу, в гости. Наши родители мечтали соединить нас браком, но, увы.... Давайте выпьем, господа, за на-

ше безрадостное будущее.

Они снова подняли стаканы, и выпили без тоста. Сейчас каждый из них пил за свой тост – кто за семью, кто-то за детей. Где-то рядом послышалась пулеметная очередь. Все вскочили на ноги.

–Отдыхайте, господа, отдыхайте. Это наши солдатики пристреливают цели.

Все снова сели на свои места и облегченно вздохнули. Мартынов и Сазонов продолжили пить самогон, а Варшавский углубился в чтение. Утром следующего дня две сотни солдат и казаков ушли, надеясь пробиться к своим. С Варшавским осталось чуть больше сотни казаков под командованием подьесаула Петра. Они решили, что не станут пробиваться к Врангелю и решили умереть здесь на русской земле.

Около двух часов дня, в автомобиле с красным флагом по дороге пронеслись матросы, которые палили из винтовок и револьверов в воздух. Этого было вполне достаточно, чтобы поселок притих – ни людей на улицах, ни скотины. Около шести часов вечера, к Ивану Ильичу пришел почтальон с красным бантом на груди. За спиной у него болталась берданка.

– Вот что, гражданин Варшавский, собирайся! Мне приказано доставить тебя в поселковый Совет. Не вздумай отказать, у меня не забалуешь!

– Зачем? Кому я там нужен?

– Ничего не знаю. Приказано всех вас собрать, вот я, и собираю, – он стеснительно улыбнулся, – короче всех буржуев. Кто не придет – расстрел. Так и сказал, председатель поселкового совета.

Иван Ильич громко засмеялся.

– Вы что там все заболели? – произнес хозяин дома. – Вот так вы возьмете меня и расстреляете? Без суда и обвинения? Какая же это власть, которая не имеет своего суда и расстреливает своих граждан по каждому случаю.

Почтальон виновато улыбнулся.

– Вы не шутите с властью. Приказано, значит нужно исполнять. Я что, приказали передать, вот и хожу, передаю.

Иван Ильич натянул на себя пыльник, фуражку и направился к двери.

– Папа! погоди, я пойду с тобой, – произнесла Нина. – Я сейчас соберусь быстро...

В некогда сельском правлении, разместился поселковый Совет рабочих и крестьянских депутатов. В помещении собралось много людей из числа арендаторов дач. Все сидели неподвижно, с широко открытыми глазами, и изредка перекидывались словами.

– Чего это вы нас сюда согнали? – спросил Иван Ильич, мужчину с красным бантом на пиджаке.

Мужчина, молча, пожал плечами.

– Не знаю. Комендант Сорокин приказал собрать, вот и

собрали.

– А где он сам? Он здесь или на выезде?

– Я откуда знаю, – со злостью ответил мужчина. – Он мне не докладывает. Сидите, ждите.

В дверь вошел еще один, не знакомый Варшавскому мужчина. Он окинул собравшихся людей взглядом и прошел к столу. Мужчина откашлялся и громко произнес:

– Граждане! Прошу вас поочередно подойти к столу и записаться. Это не просьба – это приказ коменданта. Всем ясно?

– Извините меня, грешного. А позвольте узнать, кто вы такой? Сейчас каждый человек с красным бантом на груди – начальник.

Мужчина улыбнулся, обнажив желтые прокуренные зубы.

– Я член ревкома. Вопросы еще есть? Раз нет, подходите и записывайтесь, граждане буржуи.

Прошел час, затем другой, а Сорокина по-прежнему не было. Однако собранные им люди покорно ждали.

– Послушайте, господа большевики, – громко произнес Иван Ильич, – долго вы нас тут будете держать? Для чего собирали?

– Не раздражай меня, старик, – зло ответил мужчина с бантом на груди. – Всем ждать, это приказ!

Солнце склонилось к горе. С гор потянуло сыростью и холодом. Местные парни, которые еще неделю назад снимали головные уборы перед собравшимися людьми, сейчас выгля-

дели бодро. У всех были винтовки, многие сидели у входа в здание и курили. Послышался шум автомобильного мотора, который с каждым мгновением становился все громче и громче. Вскоре машина остановилась у дверей Совета. В машине сидел военный в суконном шлеме с красной звездой. К машине подошел член ревкома и что-то стал говорить начальнику, похоже, он докладывал о выполненном приказе.

– Что за народ? – громко спросил прибывший военный.

– Буржуев местных собрал, товарищ комендант, как вы и приказали.

– А-а, – зловеще протянул военный. – Что ж, здравствуйте, господа буржуи! Очень приятно таких людей встречать в наших рядах.

Комендант, похоже, был пьян, и все время переминался с ноги на ногу, стараясь упереться своей широкой спиной о стенку, так как его качало из стороны в сторону. На красном лице то и дело мелькала какая-то непонятная ухмылка.

– Я должен объявить вам печальную весть, господа буржуи. А впрочем – для многих может быть и радостное известие. Вы тоже имеете возможность послужить делу революции. Да, да вы не ослышались, послужить рабоче-крестьянской Красной армии. Вы все отправляетесь на фронт рыть окопы. Думаю, что вы оправдаете наши надежды. Тот, кто самостоятельно оставит эту повинность, будет расстрелян прямо на месте. Расстреляны будут и его родственники. Вам всем понятно? Отказники есть? И еще, никаких поблажек

никому. Больной, старый – вы все одинаковы. Только смерть вас может освободить от этой повинности!

Все молчали. Слышно было лишь хрипящее дыхание священника отца Павла, который страдал болезнью легких.

– На окопные работы, по советскому декрету, отправляются мужчины только до пятидесяти лет, здоровые. А кого вы хотите отправить? Здесь все старики, больные, – громко произнес Иван Ильич.

Лицо коменданта моментально налилось кровью. Он, похоже, не ожидал подобного ответа от этого уже немолодого человека.

– Что ты сказал, буржуй недорезанный? – выругавшись матом, произнес комендант. – Это ты кому указываешь, вошь тифозная! Я что сказал, все мужчины, без исключений. Больные и старые, – все равно. Все должны отправиться сегодня ночью. Больных хоть на койках тащить будете! Если кого оставим здесь, лишь только мертвых. Еще есть какие-либо возражения? Кому еще, что не понятно?

Трепет пробежал среди людей.

– Господи! Их везут на расстрел! – завопила одна из женщин.

Кутившие молодые парни с винтовками в руках вскочили на ноги и стали оттеснять женщин от мужчин. Плакали дети, плакали женщины, оглашая округу криками и проклятиями. Раздалось несколько выстрелов и снова стало тихо.

Иван Ильич воротился с Ниной домой. На улице стало совсем темно, поднялся холодный ветер. Он был таким сильным, что казалось, что под его натиском не устоит практически ничего. Анна Ивановна стала торопливо собирать белье и еду. Когда хозяин дома вошел в зал, она растеряно посмотрела на дочь, а затем на супруга.

– Иван, я думаю, что тебя быстро отпустят с этих земляных работ, – успокаивая его, произнесла жена. – Да и Нина обещала, что завтра непременно поедет к Катерине и поговорит с ней о тебе. Ты же не посторонней ей человек, а сосед. Ведь она знает, что ты врач, а не землекоп.

Хозяин нервно усмехнулся.

– Аня, а кто там землекоп? Может, отец Павел землекоп, или профессор Филиппов? Так что, нет среди нас землекопов. У меня в больнице остаются около десятка больных, а один – с явными признаками сыпного тифа, но им видно все равно. Мне сказали, что красные от кого-то узнали, что я бежал из ЧК, вот решили проверить, правда, это или нет.

Жена, молча, села на стул. Эта новость буквально ошеломила женщину.

– Когда это было, Иван. Ты же не политический....

– Ах, мама, ну что за вздор говоришь – политический, да у них все политические, кто не за них. У них разговор короткий – враг, стена и яма.

Нина внимательно посмотрела на отца. Таким беспомощ-

ным и растерянным она его еще не видела. Иван Ильич, словно заведенный кем-то болванчик, молча, ходил по комнате из угла в угол. Она всегда ждала в будущем самого лучшего, но теперь вдруг ей пришла в голову мысль: ведь правда, начнут там разбираться, – узнают, что отец сбежал из ЧК, здесь и бывшая соседка не поможет, вон она как этих двоих, без суда и следствия. У нее похолодело в душе. Все скрывали друг от друга ужас, тайна подавливавший сердце.

В дверь без стука вошел почтальон. По-хозяйски окинув зал, он остановил свой взгляд на Иване Ильиче.

– Что не идете? Все уж собрались, одного вас ждут. Если не хотите неприятностей, собирайтесь. Приказано вас привести.

Нина властно ответила:

– Это все? Тогда можете идти. Мы сейчас выходим.

Почтальон помялся у двери и зло ответил:

– Это вы бросьте, барышня. Сейчас господ нет. Поскорее велели вам двигаться. Понятно?

Почтальон вышел из дома и в сердцах хлопнул дверью.

– Ну, Анечка, давай прощаться. Увидимся ли еще или нет, один Бог знает. Прости, что не так.

Он улыбнулся и раскрыл свои объятия жене. Анна Ивановна всхлипнула и прижалась всем телом к нему. Посмотрев на нее, он снял со своего пальца обручальное кольцо и протянул его плачущей жене. Та испугано отшатнулась от него в сторону:

– Ванечка! Что это ты! Зачем мне твое кольцо? Ведь это.... Это только у покойников берут!

– Извини. Может быть, так надо!

Она промолчала и снова бросилась к нему на шею. В дверь снова заглянул почтальон.

– Вы что меня не поняли? – Грозно произнес почтальон и поправил ремень берданки, которая все также висела у него за спиной.

Иван Ильич оторвал от себя супругу и, взяв вещевого мешок, вышел из дома.

Евгений лежал на охапке соломы, которую ему принес его ординарец. Вечер выдался довольно прохладным, и он для того, чтобы не замерзнуть, укрылся буркой. Недалеко от него спал подьесаул, положив под голову седло. Где-то недалеко слышались голоса казаков, находившихся в боевом охранении. Северный ветер гнал по небу обрывки облаков. Варшавский, уже в который раз вспоминал свой разговор с командиром полка.

..... Полковник Никонов оторвал свой взгляд от карты и посмотрел на вошедшего в кабинет поручика Варшавского. Штаб полка размещался в этом доме вот уже третьи сутки. Бывшие хозяева побросали все свое имущество и спешно выехали в Крым, в надежде перебраться за границу.

– Что у вас, поручик? – спросил его полковник.

– Вчера вечером вы обмолвились о вылазке в тыл красных. Я и мои люди готовы выполнить это поручение.

Полковник удивленно посмотрел на Евгения, словно не понимая, о чем говорит этот молодой офицер.

– Вы представляете всю опасность этой вылазки. Если, что-то произойдет, мы не в силах будем оказать вам, хоть какую-то помощь. Вы это понимаете, поручик?

– Так точно, господин полковник. Я и мои люди готовы выполнить это задание. Вы знаете, у меня есть опыт борьбы с красными и моя группа уже неоднократно громила их тылы.

– Поручик, но с красными можно бороться и здесь. Я готов дать вам батальон, вот и боритесь.

– Господин полковник! Разве кто-то из нашего командования отменял тактику партизанской войны Дениса Давыдова. Красные, опьяненные успехами на фронте, забыли об охране своих тылов, они сейчас практически не защищены. Вот по ним я и хочу ударить.

– Варшавский! Скажите, чем вызвано ваше решение? Сейчас, когда положение армии желает лучшего, и каждый здравомыслящий человек стремится каким-либо образом сохранить свою жизнь, вы добровольно желаете принять участие в этом непростом рейде. Вы думаете, что обязательно вернетесь обратно?

Поручик улыбнулся.

– Я уверен в этом, господин полковник. У меня с красными свои счета. Они лишили меня не только дома, но счастья

в личной жизни. Это одно, а другое, какая разница, где погибать, там или здесь. Я хорошо знаю, что меня ожидает в случае пленения, поэтому я в плен не сдамся.

Полковник снова удивленно посмотрел на поручика.

– Вам не кажется, Варшавский, что вы втягиваетесь в жизненно опасную авантюру.

Евгений усмехнулся.

– Господин полковник! Я не один в своем стремлении пройти по тылам красных. Сейчас они опьянены успехами на фронте и наверняка, уже считают, что война закончена. У меня был подобный рейд в тыл красной армии в 1919 году.

– Хорошо. Я не против вашего рейда...

Варшавский щелкнул каблуками и вышел из кабинета. Заметив ординарца, Евгений приказал ему собрать офицеров отряда. Вскоре все собрались в его небольшой комнате.

– Господа, сегодня в ночь выступаем. Подготовьте людей, рейд будет не из легких. Скажу честно, что не все вернуться из него, поэтому отберите лишь добровольцев, хочу быть уверенным с теми с кем пойду в рейд. У кого какие вопросы, господа офицеры? Если вопросов нет, выступаем через час.

Офицеры, молча, разошлись, оставив Варшавского одного. Он взял лист бумаги и сев за стол, начал писать письмо своим родителям. Написав полстраницы, он неожиданно смял его и бросил в корзину для мусора. Еще месяц назад, поселок в котором проживали родителя Евгения перешел в руки красных.

У поселкового Совета стояло несколько подвод. По улице медленно двигались трое – старуха и дочь, которые поддерживали под руки отца Павла. Они то и дело останавливались, чтобы больной мог перевести дыхание. Священник тяжело хрипел и кашлял. У него явно было воспаление легких. Комендант Сорокин стоял на крыльце и карандашом отмечал, прибывающих граждан.

– Давай, садись на подводы, – приказал он. – С теми, кто не явился, разберемся чуть позже.

Все стали, молча, усаживаться на подводы.

– Доктор! Варшавский! Иван Ильич! Помогите! – кто-то позвал Ивана Ильича.

Он подошел к подводе, на которой лежал отец Павел. Он быстро осмотрел его, пощупал пульс и жестким, не допускающим возражений голосом громко произнес:

– Гражданин Сорокин! Этого больного нужно оставить, его нельзя вести. Вы же сами видите, в каком он состоянии, он не работник.

Лицо коменданта изначально побледнело, а затем налилось кровью. Рука стала судорожно искать на поясе кобуру. Наконец, он нащупал ее и достал «Наган».

– Что ты сказал, буржуй! Прекратить здесь рассуждать, кто может работать, а кто нет. Здесь я все решаю – я для вас Бог! Понял ты! Еще одно слово и я пристрелю тебя прямо

здесь. Моя рука не дрогнет! – закричал комендант и для убедительности сунул ствол «Нагана» Варшавскому под нос.

Иван Ильич, словно не слышал этого грозного предупреждения.

– Я вас только предупредил, товарищ Сорокин, что больной не вынесет дороги. Вся ответственность ложится на вас.

– Ты меня не учи, я ученый! Пусть лучше молит своего Бога о спасении. Если еще произнесешь, хоть слово – убью!

Нина хотела попрощаться с отцом, но ее остановил штык красноармейца, который уперся в ее грудь. Обоз тронулся. На перевале подул холодный ветер. Небо на востоке побледнело. За мостом, подвода, на которой ехал Варшавский, догнала такой же, как их обоз, на подводах, которых сидели люди из соседнего дачного поселка. Рядом – пролетка с пьяными красноармейцами.

– Эй, братишки! – закричал один из красноармейцев. – Есть что выпить?

– Есть, но не про твою честь, – прозвучал ответ, который потонул в громком хохоте.

Взошло солнце. Внизу, у бухты, голубел город, окутанный дымкою, сверкали кресты православных церквей, серели острые пики минаретов. Вскоре копыта лошадей застучали по булыжной мостовой. Услышав крик, Иван Ильич повернулся. Сбоку дома, мимо которого проезжала их подвода, красноармейцы выводили из подвалов арестованных: офицеров, казаков, гражданских, судя по одежде не пролетар-

ского происхождения. Конвоиры кричали на них, ругали матерными словами:

– Стройся вдоль стенки. В затылок! Куда прешь, борода? Вот я тебе! Что не понимаешь, а еще генерал!

Красноармеец в буденовке замахнулся прикладом на худощавого, сгорбленного генерала с седой бородой. Чей-то голос громко произнес:

– К стенке строят, расстреливать будут!

– Глупости говоришь. Видишь, строят в два ряда, значит, расстреливать не будут.

Обоз остановился. К ним подкатил автомобиль. В нем находились матросы. Развивались по ветру гвардейские желто-оранжевые ленточки матросских бескозырок.

– Кто командир? – спросил один из матросов у красноармейцев.

– Комендант Сорокин! А вы кто будете?

– Это который? – спросил матрос, проигнорировав вопрос. – Рыжий что ли?

К матросу бросилась одна из женщин. Она была хорошо одета, в шляпке и вуали.

– Товарищ красный матрос! Мой муж арестован, а он советский служащий, вот его документы, сами можете убедиться.

– Иди к черту! – отмахнулся матрос от нее. – Если он арестован, то значит, было за что. Здесь нет случайных людей. А сейчас, проваливай, не путайся под ногами!

Матрос подошел к Сорокину и отвел его в сторону.

– Гнать всех в окопы! Никаких разговоров и поблажек. Перед революцией все равны! – донеслись до Ивана Ильича слова матроса.

Всем велели спешиться и построиться в две шеренги.

Луна исчезла за набегающей тучей. Стало темно и от этого как-то неуютно. Где-то вдали глухо ухнул филин. Варшавский ударил шпорами коня, отчего тот вздрогнул крупом и медленно двинулся вперед.

– Шашки на гало! – громко скомандовал Евгений. – Вперед! Ура!

Где-то сбоку ударил пулемет, но словно поперхнувшись, замолчал. Сотня на скаку ворвалась в село, рубя налево и направо, обезумевших от ужаса красноармейцев. Из-за забора в нижнем белье выбежал красноармеец, он на какой-то миг остановился и, вскинув винтовку, выстрелил в Евгения Варшавского. Пули просвистела около уха. Евгений вскинул шашку и опустил ее на голову противника. Он почувствовал, как шашка, прорубив кость черепной коробки, уперлась в ключицу. Боец тихо охнул и, выпустив из рук винтовку, упал под копыта коня.

– Руби, краснопузых! – выкрикнул казачий подъесаул, достав шашкой очередного красноармейца.

Где-то в центре села по наступающим кавалеристам уда-

рил пулемет. Несколько казаков повалились с лошадей. Варшавский соскочил с коня и, сунув поводья ординарцу, бросился в темноту. Продираясь сквозь кусты вишни и терновника, он оказался в тылу пулеметчика, который вел огонь по казакам. Достав из-за пояса гранату, он швырнул ее в красноармейцев. Яркая вспышка озарила ближайшие дома. Евгений выскочил из кустов и двумя выстрелами из «Нагана» застрелил раненого красноармейца, рука которого потянулась к винтовке. Через минуту его окружили спешившиеся казаки, которые по его команде приступили к зачистке села.

На востоке заалела заря. Евгений сидел на крыльце дома, на котором все еще висел красный стяг. Достав из портсигара папиросу, он закурил.

– Ваше благородие, – обратился к нему казак, – что будем делать с пленными?

– Сколько их? – спросил он.

– Около пяти десятка набирается, – ответил казак. – Вон стоят голубчики.

Варшавский взглянул в сторону и увидел небольшую толпу. Одетые, в белое нижнее белье, они сгрудились в кучу. Многие из них были ранены и темные пятна крови были отчетливо заметны на светлом нижнем белье.

– Это не ко мне, – ответил он, – спроси об этом подъесаула. – Он знает, что с ними делать.

Казак козырнул и исчез внутри дома. Он вскоре вернулся, и, хлопнув нагайкой по голенищу сапога, велел вести плен-

ных к оврагу. Из дома вышел Петр и посмотрел на Варшавского.

– Ваше благородие. Не хотите поупражняться в стрельбе по живым мишеням?

– Увольте, господин подьесаул, я не палач, я офицер. Я пленных не расстреливаю.... В бою, порубал бы, а так извольте...

– Как пожелаете, поручик, – ответил Петр. – Думаю, что они вас не пощадили бы?

– Я это знаю. Да, Бог им судья.

Бросив папиросу, Евгений направился к ординарцу, который держал под уздцы его лошадь. Где-то рядом, затрещали винтовочные выстрелы. На востоке небо посветлело, и первые лучи солнца, словно разбросанные бриллианты, засверкали в мелких каплях росы.

– Подьесаул! Собирай людей, уходим! – громко приказал Евгений.

Минут через десять, казачья сотня уже выходила из села. Позади, скрепя рессорами, двигалась повозка, на которой лежало несколько раненых в бою казаков.

Фрунзе сидел за столом. Он только что закончил свой доклад и сейчас слушал донесения командующих армиями. Иногда он жестом руки останавливал докладчика и что-то быстро записывал в свою тетрадь мелким убористым подчер-

ком. Неожиданно он остановил доклад командующего 13-ой армии.

– Скажите, что вы предпринимаете по ликвидации банды белых казаков у себя в тылу? Насколько я знаю, она спокойно действует у вас в тылу около двух недель.

– Товарищ Фрунзе. Мы не однократно пытались ее ликвидировать, но они словно призраки исчезали из наших сетей. Впрочем, спросите об этом представителя ВЧК. Это она занимается поиском и ликвидацией этой группы поручика Варшавского.

Катерина поднялась из-за стола. Ее русые волосы, рассыпались по плечам, придавая ей какой-то сказочный образ. На ее щеках появился легкий румянец, что придавал ее лицу еще большую привлекательность.

– Скажите, это правда, что командир этой белоказацкой банды ваш жених? – спросил ее Фрунзе.

Катерина улыбнулась.

– У меня один жених, – это революция и других милых у меня больше нет. Я знаю Варшавского. Их семья жила напротив нашего дома и в детстве, мы часто ходили, друг к другу в гости. Наши родители дружили и мечтали соединить нас, но революция развела нас по разным баррикадам. Могу сказать, что мне удалось внедрить к нему несколько своих людей. Я располагаю сведениями об их дислокации, пока эти места не позволяют провести мероприятия по полному уничтожению этой группы.

Фрунзе пристально посмотрел на Катерину. Он много слышал об этой женщине. Он хорошо знал, что она за его спиной информирует ЦК о планируемых операциях, жалуетя Ленину и Сталину о его попытках реабилитировать белых офицеров и казаков, добровольно отказавшихся от вооруженной борьбы с Красной армией.

– Выходит, что вы выступаете добровольным наблюдателем за тем, как эта шайка убивает наших товарищей? – спросил ее командующий фронтом и посмотрел на командармов.

– Почему же спокойно, товарищ Фрунзе. Я открыто борюсь с буржуазией... И еще одна причина, товарищ командующий фронтом, нами выявлена контрреволюционная организация. Сейчас, проверяем, связана ли она с группой Варшавского.

– Что за группа, почему я не знаю ничего о ней? Численность, состав?

– Пока не могу ответить на ваш вопрос.

Фрунзе замолчал и посмотрел на Катерину.

«Что за группа? – подумал он. – Или это очередной маневр ВЧК? Не перегнуть бы палку в этом вопросе».

– Садитесь. Я жду от вас подробного доклада по ликвидации группы Варшавского, а заодно и о выявленной вами подпольной организации.

Они возвращались из штаба фронта. Молчавший все это время командующий 13-ой армии повернулся к ней лицом и задал ей вопрос, который не давал ему покоя.

– Скажите, что за подпольная организация в моей армии?

Почему я не знаю о ней?

– Даю вам честное слово, что вы первый узнаете о ее ликвидации, – ответила ему Катерина.

В тот же вечер силами сотрудников ВЧК было арестовано двадцать шесть бывших офицеров императорской армии, через два дня все они были расстреляны.

Варшавский дремал, покачиваясь в седле. Он иногда открывал глаза, но усталость, словно, непомерный груз, снова и снова закрывала его налитые свинцом веки. К нему подскочил казак и, придерживая танцующего коня, стал докладывать:

– Ваша благородь! Впереди монастырь!

– Проверьте, если там нет красных, то там и отдохнем.

Казак стеганул по крупу коня нагайкой и устремился вперед. Евгений поднял руку и, повинуясь его команде, сотня остановилась в ожидании возвращения разведки. К нему подъехал подьесаул.

– Казаки устали, поручик. Нужно хоть немного отдохнуть....

Варшавский промолчал, он тоже подумал об этом, наблюдая, за уставшими от длительного перехода людьми.

– Будем ждать разведку, что она скажет....

Прошло около получаса, прежде чем вдали показалась

разведка.

– Все тихо, ваш благородие, – произнес казак, приложив руку к фуражке.

Евгений махнул рукой, и отряд двинулся вперед. Из ворот монастыря вышел настоятель и остановился, поджидая, когда к нему подойдут всадники.

– Здравствуйте, владыка. Пустите передохнуть в столь непростое время?

– Милости просим, – ответил настоятель и осенил казаков крестным знаменем. – Проезжайте, чем богаты, тем и рады.

Отряд медленно втянулся в ворота монастыря. Казаки со смехом и шутками стали распрягать лошадей.

– Подьесаул, выставите боевое охранение, – скомандовал Варшавский и, передав поводья, направился вслед за настоятелем.

Евгений умылся и сел за стол.

– Как вы здесь? Красные у вас уже бывали или нет? – спросил он настоятеля. – Говорят, что зверствуют они в отношении иноков?

– Пока Бог миловал, – тихо ответил настоятель и велел подавать на стол. – Скажите, поручик, это ваши люди постреляли красноармейцев из продотряда?

Варшавский усмехнулся.

– Мне без разницы, кто они, батюшка, из продотряда или нет. Они просто красные и этого вполне достаточно чтобы их уничтожать...

– Ожесточились люди, брат на брата идет....

Варшавский, молча, приступил к трапезе. На первое подали наваристый борщ.

– Похоже, хорошо братия живет, – произнес Евгений и усмехнулся. – Мясо ест.....

Теперь усмехнулся настоятель.

– Всю скотину пустили под нож, – словно оправдываясь, ответил он. – Не ждать же пока красные отберут у братии. Вот так и живем одним днем.

– Спасибо за обед, владыка. Где бы у вас отдохнуть, устал я очень.

Настоятель крикнул и в дверях показался молодой послушник.

– Отведи гостя в келью, пусть отдохнет.

Варшавский поднялся из-за стола, перекрестился и направился вслед за послушником.

Нина приехала в город с надеждой увидеться с Катериной и переговорить с ней об освобождении отца. Однако встретиться с ней не удалось. Член ВЧК тринадцатой армии выехала в штаб фронта. Нина ходила по городу, не зная, что ей предпринять. Знакомых и родных у нее в городе не было. Немного подумав, она направилась к тюрьме, которая находилась на окраине города. По улице красноармейцы гнали толпу арестованных. Она сразу увидела высокую фигуру

своего отца. Его длинные волосы, спутанные ветром, седыми косицами падали на его узкие плечи.

– Папа! Папа! – закричала она. – Папа!

Иван Ильич не сразу услышал голос дочери. Рядом с ним, с лопатой на плече, шел седобородый генерал и два священника в черных рясах. Ворота тюрьмы открылись, словно человеческий рот перед приемом пищи, пропуская внутрь арестованных.

– Папа! Папа! – снова закричала Нина.

Иван Ильич, увидел дочь и хотел выйти из строя, но штык красноармейца уперся ему в грудь.

– Куда прешь, буржуйская сволочь! – закричал на него конвоир. – Не положено!

– Солдатик, родненький! – обратилась она к нему. – Отпусти его на минутку.

– Отойди в сторону, белогвардейское отродье, а то стрельну! – заорал на нее красноармеец и передернул затвор винтовки.

Нина отошла в сторону и, прислонившись спиной к стене, горько заплакала. Она не заметила, как около нее остановился автомобиль с красным флагом.

– Нина! Варшавская! Ты как здесь? Откуда? – она сразу узнала Катерину.

– Катенька родная, помоги! Папу забрали, гонят на окопные работы. Вы же сами знаете, что он врач, какие для него могут быть окопы. Помоги, Катя, ведь ему шестьдесят пять

лет. Посмотрите сами, какие старики там, есть совсем большие... Отец Павел... он из нашего поселка. Он совсем большой...

Катерина вышла из машины и, поправив портупею, направилась к воротам, которые еще были открыты. Она что-то сказала красноармейцу, который быстро исчез в подъезде серого административного здания. Нина хорошо видела, как к ней подбежал мужчина в буденовке. Она что-то ему сказала. Тот кивнул головой и направился в сторону Ивана Ильича. Мужчина крепко схватил его за руку и вывел за ворота.

– Ступай! Давай, двигай отсюда!

Катя подошла к нему, и они вместе направились в сторону Нины.

– Вот вам и ваш папа, – ответила она Нине. – Езжайте домой, так будет лучше для всех вас.

Катерина села в автомобиль и коснулась рукой плеча водителя. Машина, громко чихнув несколько раз и обдав их черным удушливым дымом, тронулась с места и помчалась по булыжной мостовой.

– Это что? Твои хлопоты? Выходит, по протекции Катерины освободили?

– Ну, папа, погоди...

– Что значит, погоди? Выходит, смилостивилась Советская власть над стариком Варшавским. А там отец Павел умер, он то, кому мешал? Тоже врага нашли...

– Хватит, папа, давай пошли. Тебя освободили, что еще

нужно?

– А других?

Иван Ильич взглянул на ворота, которые уже закрылись, и молча, направился вслед за Катей.

Через две недели Нина перебралась на жительство в город. Переезд был вынужденным, так как комендант Сорокин не давал ей прохода, объясняясь в любви. Он вечно был пьян, груб и при очередной его попытке объясниться, Нина грубо оттолкнула его от себя.

– Я же вас просила, гражданин комендант, больше не приставать ко мне с вашими объяснениями. У меня есть молодой человек, которого я люблю. Да вы и пьяный всегда....

– И где он твой, хахаль? Неверное, там. На той стороне, – произнес он и рукой указал в сторону моря. – Знаем мы вас, благородных... Стервы вы все! И ты сука буржуйская....

– Не хамите мне, а в прочем, о чем это я. Вы же без хамства и унижения не можете жить. Вы еще свой револьвер достаньте и ткните им мне под нос. Да, он офицер и, не чиня вам...

Лицо Сорокина налилось кровью. Он закрутил своими выпуклыми глазами из стороны в сторону, вселяя страх Нине. Затем, он стал судорожно шарить по ремню в поисках кобуры. Наконец он нащупал ее....

– Вот что, мамзель! – с трудом произнес Сорокин. – У вас

теперь два пути в этой жизни или вы станете моей супругой, или я вас просто уничтожу. Просто разотру в пыль! Вы поняли меня или нет? Так что подумайте над моими словами, я не шучу. И еще, я уничтожу не только вас, но и всю вашу семью. Вам это понятно?

– Вы меня не пугайте, гражданин Сорокин. За меня есть, кому заступится.

– А я вас и не пугаю. Я сделаю все, чтобы ты сама ко мне пришла.

Он хотел схватить ее за руку, но Нина вырвала свою руку и, развернувшись, направилась в сторону своего дома. Около калитки ее ожидал отец. Тюрьма сильно сказалась на его состоянии: он замкнулся в себе, мало говорил с домочадцами, старался не выходить из дома, словно боялся нового ареста.

– Папа! Ты, почему не дома? – спросила его Нина.

– Тебя жду, дочка. Сегодня утром княгиня Меншикова рассказала мне, что тебе не дает прохода наш комендант Сорокин. Правда, это?

Нина испугано вздрогнула и посмотрела на отца.

– Откуда она это знает?

– Не важно, Нина. Я боюсь за тебя. Эти хамы могут надругаться над тобой. Тебе нужно срочно уехать из поселка.

– А как же вы? Я не могу бросить вас...

– Мы старики и свое уже отжили. Что он нам может сделать, этот Сорокин? Убить? Повесить? Так мы и так скоро умрем и без его помощи. Я наемдни подумал об этом и на-

писал письмо своему старому и доброму товарищу профессору Лапину. Прошу, чтобы он помог тебе на первое время, а там ты уж сама доченька определишься в этой жизни. Езжай прямо сейчас, в ночь, пока все спят. Я с Охримом договорился, он тебя и довезет до города. Вот возьми, здесь адрес профессора и немного денег.

– Как же так, папа? Почему вы все решили за меня?

– А потому, дочка, что завтра может быть уже поздно. Со-рокин, словно пес, который сорвался с цепи и с наслаждением кусает людей. Он пьян от власти и это очень опасно. Защи-титить тебя здесь некому.

Они проследовали в дом. В зале на диване сидела мать с красными от слез глазами. Рядом с ней стоял большой баул с ее личными вещами. Нина бросилась к матери, и они крепко обнялись.

– Езжай, дочка. За нас с отцом не беспокойся.

Мать заплакала, вызвав непроизвольно слезы у дочери. К дому подъехала пролетка.

– Вы готовы? – спросил Иван Ильича, Охрим. – Давайте, прощайтесь, ехать нужно.

Город встретил Нину дождем. Немного поплутав по ули-цам города, они нашли нужный им адрес. Высадив свою пас-сажирку, Охрим, направился обратно в дачный поселок.

В отделе народного образования, куда пришла Нина – ра-бота была ключом. Профессор Лапин, оказался неплохим организатором. Его хотели утвердить комиссаром по обра-

зованию, но он отказался, сославшись на то, что он не большевик. Лапин привлек к работе лучших местных педагогов. Нине отвели номер в гостинице «Астория». Это была когда-то лучшая гостиница города, но сейчас она смотрелась грустно и неприветливо. Из коридоров исчезли ковры, полы были заплеваны и белели окурками; никто их уже давно не подметал и не мыл. Горничные и коридорные куда-то исчезли. Вечерами коридоры наполнялись криками и матом, который разносился по пустым помещениям.

Жили в гостинице в основном советские служащие. Иногда в ней останавливались матросы и красноармейцы. Именно в эти дни, проживавшие в гостинице женщины, предпочитали не покидать свои номера. За эти несколько дней, что Нина жила в «Астории», она дважды видела Катерину, которая с пламенными речами выступала на митингах. Работа полностью захватила Нину, не оставляя ей возможности для личной жизни.

Поезд, медленно катил. Со стороны он очень походил на уставшего от работы человека. Он иногда издавал тяжелые вздохи, словно жалуясь на свою непростую судьбу. Машинист, вглядываясь в дорогу, заметил завал на путях. Он попытался затормозить поезд, но тот упорно катил вперед.

– Пресвятая Богородица, спаси..., – произнес он и, схватившись за поручни, прыгнул с локомотива.

Паровоз, натолкнувшись на преграду, начал скатываться под откос, увлекая за собой вагоны. Из разбитых вагонов слышались истошные крики людей, а затем из них стали пытаться выбраться уцелевшие в аварии красноармейцы.

– Огонь! – громко крикнул Варшавский.

Его команда утонула в пулеметном грохоте выстрелов. Пули, словно гвозди прошивали стенки вагонов, выискивая среди массы раненых и убитых все новые и новые жертвы. Бой раскололся на отдельные стычки. То там, то здесь, раздавались выстрелы, это казаки добивали раненых красноармейцев.

– Ваше благородие, а что делать с зерном? – спросил его подскакавший казак. – В четырех вагонах мешки с зерном.

– Сообщите об этом в ближайших селах, пусть забирают. Жечь жалко, тащить за собой – бесполезно.

Вскоре к месту крушения поезда потянулись крестьяне. В течение часа, все зерно было вывезено.

– Поручик! Красные нам не простят зерно. Оно предназначалось для городского хлебозавода.

– Бог с тобой, подьесаул. Они нас с тобой и без этого хлеба с удовольствием вздернут на березе. Труби сбор, нужно уходить. Мы и так задержались здесь.

Отряд по команде Варшавского направился в сторону ближайшего леса. Около леса они натолкнулись на большую группу красноармейцев, которые отдыхали у небольшой речки. Кто-то из них купался, другие стирали одежду, третьи

просто сидели в тени деревьев, покуривая самосад.

Кзаки атаковали красных схода. Они словно лезвие ножа рассекли пополам лагерь красногвардейцев, заставив их бросать оружие и спасться бегством.

– Руби их, братцы! – орал подьесаул, круша человечьи черепа своей шашкой.

Вырубив чуть больше сотни красноармейцев, отряд углубился в лес. Вскоре Варшавский приказал спешиться и казаки, словно пьяные от человеческой крови, молча, выполнили его приказ.

– Всем отдыхать! – приказал он подьесаулу. – Ночью уйдем. Думаю, что с утра большевики непременно нагрянут сюда.

– Поручик! Я думаю, что они не рискнут сунуться в лес. Он в упор посмотрел на него.

– Петр! Пока я еще здесь командую....

Подьесаул лениво козырнул поручику и, постукивая нагайкой по сапогу, направился к казакам.

Катерина встала из-за стола и, поправив шерстяную гимнастерку, посмотрела на Председателя городского исполкома.

– И как это все понимать, дорогой товарищ Козуб? У вас под носом враги революции творят бесчинства, а вы сидите в своем кабинете и ничего не предпринимаете? Красная

армия с такими большими усилиями оторвала от себя хлеб, чтобы накормить рабочих города и вдруг этот хлеб буквально растаскивают у вас под носом. Как это понимать? Это саботаж или прямое вредительство?

Она замолчала и грозно посмотрела, на собравшихся, на совещание членов исполкома. Она села за стол и, налив в стакан воду из графина, залпом выпила жидкость. Все собравшиеся представители исполкома молчали, так как хорошо понимали, что Катерина высказывает справедливые претензии.

– Товарищ! Состав сопровождала достаточно надежная охрана, но она вся погибла, защищая хлеб. Со слов, выжившего машиниста, на поезд напали казаки.

– Выходит все погибли, остался лишь машинист, – произнесла Катерина. – А почему он не погиб? Странно, товарищи. Впрочем, пусть его передадут к нам в ВЧК, там умеют разговаривать с вредителями.

Она замолчала и снова посмотрела на лица, присутствующих товарищей. Все не сводили с нее глаз.

– Я думаю, что нужно предпринять меры по уничтожению этой группы казаков.

– Мы уже приняли меры, товарищ. Создан добровольческий отряд специального назначения. Командиром назначили старого большевика – Валентина Величенко. Мы непременно найдем этих казаков и уничтожим. Я вам это обещаю. Передайте это и командующему фронтом товарищу Фрунзе.

– Я призываю вас, товарищи, к беспощадной борьбе с контрреволюцией. Только террором на террор можно добиться победы. Кто слаб духом, тому с нами не по пути. Я думаю, что среди вас не найдутся колеблющиеся люди. Слабость, это поражение, так будьте стойкими, сильными и беспощадными.

Она хотела присесть за стол, но голос из дальнего угла зала заседания, остановил ее попытку.

– Товарищ! Скажите, а это правда, что товарищ Фрунзе обратился к белогвардейцам с предложением о прекращении боевых действий. Что каждый, кто добровольно сложит оружие, будет амнистирован Советской властью.

В зале стало тихо. Было хорошо слышно, как бьется об стекло муха. Катерина одернула гимнастерку и посмотрела в зал, пытаясь найти глазами человека, задавшего ей этот вопрос. Однако найти ей его не удалось. Она откашлялась в кулак и произнесла:

– Вы правы, товарищ Фрунзе предложил командованию добровольческой армии сложить оружие, обещая им за это сохранить жизнь. Однако, его решение не было согласовано с решение ЦК. Да и сами белые генералы не спешат сложить оружие и прекратить свою борьбу с Советской властью. Поэтому, пока ничего не изменилось. Чем сильнее мы будем бить их, тем быстрее она сдадутся. Вопросы еще есть?

– Скажите, а, правда, товарищ чекист о том, что у вас родители тоже буржуи?

– Я никогда не скрывала своего происхождения перед своими товарищами. Ведь товарищ Ленин и другие вожди революции тоже не из пролетарских семей. Просто все они, в том числе и я однажды приняли решение, что нужно изменить привычный уклад жизни, что рабочие и крестьяне, создающие ценности не могут жить плохо. Вот мы и сделали эту революцию, а теперь нам всем нужно защитить ее от буржуазии. Вы только представьте, что эти люди снова будут у власти, что тогда будет? Они просто зальют нашу землю кровью, вашей кровью. Поэтому, нужно сделать так, чтобы эти люди больше, никогда не вернули себе власть. Теперь вы поняли, в чем принципиальная разница между Лениным и Фрунзе.

Катерина закончила говорить и, надев на голову кубанку, направилась к выходу.

Шевчук заломил кубанку и посмотрел на группу крестьян, которые стояли под охраной его красноармейцев.

– Все вернули, сволочи? – обратился он к мужикам. – Чего молчите?

– Все, товарищ командир, – ответил один из мужиков. – Простите нас – бес попутал.

Шевчук посмотрел на стоявшего недалеко от него комиссара отряда и громко произнес:

– Судить вас будем нашим рабоче-крестьянским судом. Соберите всех жителей села. Пусть народ решает, что с вами

делать. Правильно я говорю, товарищ комиссар?

– Да, – произнес он не совсем уверенным голосом. – Будем судить общественным, рабоче-крестьянским судом. Пусть народ сам вынесет им приговор.

Прошло около часа и на сельской площади собралось около сотни мужчин и женщин. Из сельского правления, над которым развивался красный флаг, вышел Шевчук, комиссар и председатель правления.

– Товарищи крестьяне и красноармейцы! – громко произнес Шевчук. – Перед вами стоят не люди, а преступники, которых мы должны судить. Это мародеры, которые воспользовавшись бедой, похитили хлеб, предназначенный для пролетариата города, в котором дети пухнут от голода. Что заслуживают эти люди, только одно – смерть!

В толпе, собранной красноармейцами послушались причитания, крики с просьбами пощадить мужиков. Однако, комиссар и командир отряда были непреклонны. По приказу командира арестованных мужиков подвели к стенке амбара.

– Кто еще участвовал в разграблении поезда? Кто назовет их имена и тем самым спасет своих родных? – выкрикнул Шевчук.

Толпа замолчала. Каждый боялся прилюдно назвать новые фамилии. По команде комиссара напротив арестованных выстроилось отделение красноармейцев.

– Приготовиться!

Красноармейцы подняли винтовки.

– Погодите! Не стреляйте! – раздался женский голос. – Еще в разграблении поезда участвовали монахи из Преображенского монастыря. Отпустите моего мужа!

Шевчук улыбнулся и махнул рукой. Раздался недружный залп и белая стенка амбара, моментально окрасилась в красный цвет.

– А, а, а! – раздался истошный женский крик. – Убийцы!

– Это кто сказал! – встрепенулся комиссар. – Я сейчас покажу, кто убийцы!

Красноармейцы вытолкнули из толпы женщину средних лет, одетую в черный жупан.

– Что ты сказала? – спросил ее Шевчук. – Это кто здесь убийцы? Красноармейцы?

– Ты на меня не зыркай! Думаешь, напугал? – громко произнесла женщина. – Ты убийца! Нацепил на себя пистоль и стал здесь наместником Бога – хочу, казню, хочу – милую. Нет, ты не Бог! Погоди, отольются тебе наши слезы. Что не нравится, так убей меня. Вы только и можете воевать с бабами да с безоружными мужиками. Посмотрим, как ты поведешь себя, когда тебя донцы за цугундер схватят.

Сухо щелкнул выстрел. Женщина охнула и, схватившись за бок, повалилась на землю.

– Товарищи! Советская власть – власть трудового народа! Но она никогда не позволит себя шельмовать ворами и их приспешниками. Кто эта женщина, кто ее настроил против власти рабочих и крестьян. По всей вероятности ее муж,

который посчитал, что может безнаказанно грабить и воровать хлеб, принадлежащий рабочим. Нет, товарищи, Советская власть может за себя постоять! Если ты друг власти, то и она к тебе по-товарищески, если ты враг, то на пощаду не рассчитывай. Это урок вам всем!

Комиссар закончил свою речь и, взглянув на Шевчука, направился к бричке, которая стояла рядом с правлением. По команде командира красноармейцы построились в колонну и направились из поселка. Кто-то из них запел песню, которую подхватили бойцы.

Ранее утро. Колокол бил мерно, призывая православных на утреннюю молитву. Ворота монастыря были широко раскрыты. Около них, устроившись на земле, нищие выпрашивали милостыню. Отряд красногвардейцев двигался по полю цепью, стараясь перекрыть все возможные выходы из монастыря.

Шевчук, размахивая «Маузером», первый вошел в храм и остановился у порога.

– Ша! – стараясь перекрычать церковный хор, произнес он. – Хватит, помолились и будет.

В храме было не очень много народа, в основном братья, да жители ближайших к монастырю населенных пунктов. Все испугано посмотрели на мужчину, одетого в кожаную потертую куртку и такую же фуражку, на которой слов-

но кровавое пятно, светилась пятиконечная красная звезда. К нему подошел настоятель и попытался что-то сказать, но сильный удар в лицо остановил его.

– Что, суки! Кровососы! Кончилось ваше время, – прохрипел Шевчук, – Выходите во двор, там и поговорим!

Прихожане и монахи стали по одному выходить во двор монастыря.

– Товарищ командир! Вы только посмотрите, кого мы здесь нашли в кельях. Это же раненые казачки. Вот выходит где они отлеживались!

Шевчук был приятно удивлен. Теперь у него были все основания на ликвидацию этого белогвардейского гнезда. Он посмотрел на комиссара отряда и указал «Маузером» на раненых казаков.

– Что скажешь комиссар?

– А что здесь говорить, факт на лицо – контрреволюционное гнездо. Я не удивлюсь, что и монахи, это переодетые белогвардейцы. Ребята, вы пошукайте по амбарам может, и хлебушек найдете, ведь не могли эти мироеды весь его поесть.

– Что будем делать? – обратился к комиссару Шевчук. – Я имею в виду, с этими, не тащить же их в город?

Он рукой указал на мужиков и женщин, толпившихся во дворе монастыря.

– Гони их в шею, – ответил комиссар. – Здесь есть с кем заниматься.

Красноармейцы, выставив перед собой штыки винтовок, стали теснить народ к воротам.

– Давай, домой! – доносилось со двора.

В ворота въехали подводы. Красноармейцы стали грузить на них мешки с зерном, которые обнаружили в амбарах монастыря. Настоятель, молча, наблюдал за происходящим. Молчала и братия.

– Чего молчите? – обратился к ним комиссар. – Нахапали, хлебушка кровососы! В городе люди голодают, а у вас полные амбары зерна.

– Это наше зерно, – тихо ответил настоятель. – Бог все видит, он обязательно покарает вас.

– А мне плевать на вашего Бога. Это Бог богатых. У нас Бога нет, мы за мировую революцию, за справедливость....

– Это же какая справедливость? У одних отбираете – другим раздаете. Оставьте хоть на посевную.

Шевчук рассмеялся и, схватив настоятеля за крест, подтянул его к себе.

– Все кончилась ваша власть. Хватит угнетать народ....

Он еще хотел что-то сказать, но его остановил комиссар.

– Хватит, Шевчук, метать бисер перед свиньями. Сколько волка не корми, он все равно на лес смотрит. За контрреволюционную пропаганду, мародерство вы все приговариваетесь к смертной казни. Приговор окончательный....

Красногвардейцы оттеснили монахов и раненых казаков к амбару. Раздался залп. Отряд направился к выходу из мо-

настыря, запалив храм и дворовые постройки.

Варшавский взмахом руки остановил свой отряд. Впереди показался монастырь.

– Петр! Сотник! Направь разведку. Что-то мне не нравится эта тишина, – скомандовал Евгений. – Почему-то и колокола молчат...

Два всадника помчались в сторону монастыря. Варшавский закурил и приложил к глазам бинокль.

«Почему так долго? – подумал Евгений. – Неужели что-то произошло? Может там красные?»

По дороге, ведущей из монастыря, мчались два всадника. До слуха Варшавского донеслось несколько выстрелов. Судя по всему, это возвращалась разведка.

– Господин поручик, в монастыре красные, – выпалил, подскочивший к нему казак. – Их человек пятьдесят-шестьдесят. Есть пулеметы...

Евгений снова приложил бинокль к глазам. Над монастырем поднимался черный столб дыма.

«Похоже, подожгли монастырь, – подумал Варшавский. – Что они сделали с монахами и настоятелем?»

Из ворот храма показалась колонна красноармейцев, в конце которой двигалось с десятков телег. Евгений сразу понял, что это карательный отряд красноармейцев, который должен был найти и изъять растащенный крестьянами хлеб.

«Ведь говорил я настоятелю, чтобы не брали хлеб, похоже, не послушал моего совета», – подумал он.

– Подьесаул! Приготовь людей, будем атаковать.

Шевчук сидел на телеге. Он скрутил самокрутку и закурил. Он оглянулся назад, отметив про себя, как ярко горел храм Преображения Христа. Длинная пулеметная очередь, словно остро отточенная коса, скосила первые ряды идущих по дороге красноармейцев. Это было так неожиданно, что ни он, ни комиссар не сразу поняли, что произошло. Из балки со свистом и гиканьем выскочили казаки, размахивая сверкающими на солнце шашками, врезались в поредевшую колонну. Раздались выстрелы, несколько всадников слетело с коней, но остановить мчавшуюся на них лаву из людей и коней, они не могли.

Командир отряда выхватил «Маузер» и дважды выстрелил в ближайшего от него всадника. То ли рука дрогнула, то ли что-то другое помешало ему попасть в казака, но он промахнулся. Он оглянулся назад, пытаясь найти глазами комиссара, но того нигде не было. В какой-то момент Шевчук заметил офицера, который ловко управляя шашкой, срубил двух его бойцов. Сейчас он хорошо понимал, что бежать не имело никакого смысла, так как уйти от конного, было не возможно. Он выстрелил в офицера. Пуля сбила с него фуражку, которая исчезла в дорожной пыли.

Варшавский почувствовал, как пуля сбила с его головы фуражку, и обожгла голову. Он сразу заметил человека в ко-

жаной потертой куртке и направил на него своего коня. Из-за перевернутой набок телеги показался молоденький красноармеец. Он явно был напуган и не знал, что ему делать. Он попытался перезарядить винтовку, но клинок Евгения с силой ударил его по голове, разнеся ее на две половины.

– А! – успела вскрикнуть рассеченная голова, прежде чем ее владелец повалился в пыль.

Шевчук снова выстелил. До офицера было всего четыре метра, и он просто не мог промахнуться с такого близкого расстояния. Шашка вылетела из руки офицера и он, слетел с коня на землю.

«Вот как я тебя», – подумал Шевчук.

Он оторвал свой взгляд от лежавшего у его ног офицера, но в этот момент, казачья пика ударила его в грудь. Схватившись за древко, он повалился на землю.

Варшавский пришел в себя от острой боли в руке. Открыв глаза, он увидел над собой симпатичное лицо девушки в белоснежном платке на голове.

– Где я? – прошептал он.

– В госпитале, – тихо ответила девушка. – Вас вчера вечером казаки привезли к нам. Антон Семенович считает, что вам крупно повезло.

«Значит, не пришло мое время», – подумал Евгений, стараясь вспомнить свой последний бой, искаженное страхом лицо мужчины в кожаной куртке, яркую вспышку, за которой последовала темнота и тишина. Он улыбнулся.

– Вот и хорошо, – произнесла девушка. – Раз вы улыбаетесь, значит, все будет отлично....

Красная армия успешно форсировала Сиваш и стала развивать дальнейшее наступление. Белые, ведя тяжелые оборонительные бои, стали откатывалась к морю, неся большие потери. Рано утром части 1-ой конной армии, словно вихрь ворвались в притихший город. Белых частей в городе уже не было, они покинули его еще накануне вечером.

В госпиталь, звеня шпорами, вошел красный командир и окинул взглядом помещение, где на койках лежали тяжело-раненные солдаты добровольческой армии, громко выругался.

– Что не ждали, сволочи? – громко спросил он раненых. – Не ждали, а мы вот здесь.

К нему, по-стариковски семеня ногами, подошел врач.

– Гражданин комиссар! Скажите, что вы собираетесь делать с ранеными людьми.

– Еще не решил, – произнес он и, повернувшись на каблуках, направился к выходу.

Врач проводил его взглядом и направился в процедурный кабинет, где перевязывали одного из раненых офицеров.

– Уходите, батенька, – посоветовал ему врач, наблюдая за руками сестры милосердия, которая накладывала повязку. – Как бы чего плохого не случилось. Уж больно лют с виду

красный командир.

– Куда я пойду, кругом красные... да не я здесь один...

... Комиссар полка вошел в здание, где ранее располагался штаб дивизии генерала Слащева. Поднявшись по белой мраморной лестнице, он толкнул ладонью дверь и оказался в большом светлом кабинете, где хозяйничали его кавалеристы. Заметив вошедшего комиссара, они быстро ретировались из помещения. Пол был буквально застлан обрывками каких-то бумаг, кругом царил беспорядок, в котором просматривался следы поспешного бегства. Он подошел к столу и смахнул рукой с него бумаги. Посмотрев на телефон, он поднял трубку и несколько раз крутанул ручку. В трубке раздались какие-то непонятные шорохи и щелчки.

– Алло! Я слушаю вас, – раздался в трубке женский голос. Это было так неожиданно, что мужчина вздрогнул.

– Барышня! Мне штаб 13-ой армии, – произнес он не совсем уверенным голосом.

– Ждите...

– Алло! Алло! – громко закричал он в трубку, услышав на другом конце знакомый голос Катерины Игнатьевны.

– Кто это? – спросила она.

– Комиссар 165 кавалерийского полка Шемякин. Как вы меня слышите?

– Слушаю...

– Мы здесь захватили военный госпиталь белых. Да, да. Там около трехсот тяжелораненых, что с ними делать?

– У нас своих раненых много, лекарств не хватает, вы, что товарищ Шемякин и их лечить собираетесь. Они еще вчера стреляли и вешали наших боевых товарищей, а вы их лечить. Что-то не узнаю я вас, где ваше политическое чутье?

В трубке что-то щелкнуло, и связь прервалась. Шемякин положил трубку на рычаг и глубоко вздохнул. В кабинет вошел его ординарец и вопросительно посмотрел на своего начальника.

– Что случилось, Григорий?

– Мы тут офицера поймали около госпиталя...

– И что?

– Ненормальный какой-то. Он принес в госпиталь папиросы, сахар и сухофрукты.

Шемякин пристально посмотрел на ординарца. Взгляд его холодных серых глаз был таким холодным и жестким, что боец попятился спиной назад.

– Раздайте поровну вашим больным. Всем без исключения – и белым и красным и зеленым, если таковые найдутся. Я говорит, сам бывал в разных переделках, так что хорошо знаю, что это такое.

– Он еще хотел что-то сказать, но мы с хлопцами, быстро его скрутили.

Комиссар поднялся из-за стола.

– Собрать всех раненных белых, и вытащите их к берегу и этого офицера, тоже туда же. Чего стоишь, не понял?

Ординарец стрелой выскочил из кабинета. Из коридора

донесся топот его сапог, и стало тихо. Шемякин, бывший рабочий Путиловского завода подошел к окну. На площади перед зданием творился хаос. Десятки телег, тачанок буквально заполонили площадь, по которой узким ручейком двигалась кавалерия. Откуда-то издалека, доносились крики мужчин и слышались частые выстрелы. Это не было боевым столкновением, это красные кавалеристы выгоняли из лазарета раненных солдат белой гвардии. Тех, кто не мог двигаться самостоятельно, расстреливали прямо на месте. Прошло около часа, прежде чем запыхавшийся ординарец доложил Шемякину о выполнении приказа.

Комиссар подъехал к берегу моря на вороном жеребце. Конь буквально танцевал под седоком, словно демонстрируя всем собравшимся на берегу свою стать и красоту. Над крутым обрывом, прижавшись один к другому, стояло более сотни людей. Многие кое-как держались на ногах и стояли, отперевшись на руки и плечи своих товарищей.

– Ну что, господа белые? – громко не то спросил он их, не обратился к ним. – Куда теперь отступать будете? Вот и я вам – позади море, а впереди вас доблестные бойцы Красной армии. Как вы не хотели, но не смогли выстоять против народа!

Он сделал паузу и внимательно посмотрел в эту сплошную в белом толпу с алыми пятнами запекшейся крови. Толпа молчала.

– Теперь пришел час нашего мщенья. Сколько вы просто-

го трудового народа порубали? Думаю, что много.

Он ловко спрыгнул с коня и направился к тачанке.

– Кто из вас хочет посчитаться с врагами трудового народа? – обратился комиссар к красноармейцам. – Чего стоите? Смелее, смелее...

Из строя, молча, вышли человек десять и выстроились в одну шеренгу.

– погоди, комиссар! – раздалось из толпы. – Ваши опричники притащили сюда и врача. Освободите его, он врач.

– Это кто там что-то говорит? – громко спросил Шемякин. – Какой врач? Пусть выйдет...

Толпа расступилась и буквально выдавила из себя мужчину. Он был небольшого роста, худощавый, в белом халате. Комиссар сразу узнал в нем человека, который интересовался у него судьбой раненных солдат. Врач вышел из строя и остановился перед Шемякиным.

– Как твоя фамилия, доктор?

– Варшавский Иван Ильич, – ответил тот. – Что вы собираетесь делать с ранеными людьми?

– По врагам революции, по белой сволочи! Огонь! – прокричал комиссар.

Раздался дружный винтовочный залп, несколько человек упали, а остальные продолжали стоять. Комиссар припал к пулемету. Огненный дождь пулемётов буквально смыл всех – всю толпу полуголых людей – в лениво пенящееся море. Закончив стрелять, Шемякин посмотрел на обезумевшего от

стрельбы доктора.

– Что вы сделали? Это же люди!

Комиссар достал из кобуры наган и выстрелил в доктора. Ординарец подвел к нему коня. Ловко вскочив в седло, он стрелой помчался к городу. В этот день, только в Симферополе было расстреляно около семи тысяч человек.

Жизнь катилась, шумя и бурля, – дикая, жестокая и жуткая, сбросившая с душ людей все издержки, разнуздавшая самые темные страсти. Нина вскоре познакомилась девушкой, соседкой по коридору гостиницы – Марией. Они быстро сошлись и почти каждый день они коротали вечера за чаем. Мария работала в госпитале и часто рассказывала Кате о своей работе.

– Ты знаешь, Нина, у нас в госпитале назначили главным врачом ротного фельдшера Пашукова, а председателем комитета служащих – санитаря Мезина. Они врачей перевели на работу в подвальное помещения и обязали каждое утро мыть полы кабинетов. Вот врач – хирург Корнилов Константин Павлович сегодня отказался мыть пол, так этот Мезин достал свой револьвер и начал на него кричать. Говорит, что скоро все, кто измывался над трудовым народом, будет делать то, что им прикажут, а иначе всех к стенке...

Маша замолчала и посмотрела на Нину, которая отпивала горячий чай маленькими глотками.

– Врачи все молчат, не смеют ничего сказать. Больные лежат без призора, сиделки уходят с дежурства, когда хотят. Ты что, Нина, молчишь?

– Я слушаю. Почему-то вспомнила отца – он у меня тоже врач. Что они делают с людьми.

– Так вот, послушай, сегодня после обеда в госпиталь приехал начальник тюрьмы. Молодой, красивый. Собирайся мне говорит, со мной поедешь. Привозит он меня, заводит в камеру, а там старичок лежит, смиренный такой, тихий... Генерал говорит это, посмотри, что с ним. Я ему в ответ, я не врач, санитарка. Здесь врач, говорю нужен. Рассердился он на меня. Смотрит на меня, как солдат на вошь, усами шевелит, глаза зверские, горят, как у волка – злые, острые. Вышел он из камеры, а красноармеец мне и рассказал, что этот генерал, мол, друга его застрелил. Они когда к нему домой пришли, генерал взял револьвер и в друга. Сейчас начальник тюрьмы по ночам к нему приходит и бьет его! Ниночка, ты только подумай: больного, слабого старика!

Для Нины ужасы современной жизни были эгоистически не переносимы, если смотреть на них, сложа руки, и перекипать душою в бессильном негодовании. Она вскочила со стула и ринулась в прихожую. Одевшись, она кинулась разыскивать Катерину Игнатьевну.

– Вам кого, барышня? – спросил ее часовой, мужчина средних лет в выгоревшей добела гимнастерке.

– Мне главного по ЧК, – выпалила девушка.

Часовой замаялся, не зная как поступить. Она только что вернулась с фронта и, судя по ее взгляду, была явно не в духе.

– Хорошо, Барышня, проходите, – произнес часовой, – только смотрите, злая она сейчас.

Катерина выслушала Нину и раздраженно грубо ответила.

– Эту твою медсестру нужно было бы арестовать и посадить в соседнюю камеру с генералом, чтобы она не распространяла бы таких слухов. Явное дело – это наговор на власть. Сейчас многие буржуа распускают слухи о жестокости Советской власти, в том числе о зверствах ВЧК, в котором я служу. Это закономерное явление любой революции выбивать клин клином. Вот вы, люди образованные, почему-то не кричали, когда ваши генералы, вешали большевиков? А сейчас? Неужели вы, Нина, не понимаете, что идет война, что лес рубят, щепки летят... Не смотрите на меня так, Нина, не нужно. Я не стыжусь предавать врагов смерти, революция не может быть бескровной. Борьба идет не между двух человек, война идет между классами, где нет пощады никому.

Она остановилась напротив девушки и, повернувшись к ней, продолжила:

– Меня как-то спросил Ленин, готова ли я отдать жизнь за революцию?

– И что вы ему ответили?

– Я тогда сказала ему, что готова сделать это, не задумываясь ни на секунду. Да, я так и ответила. Я готова отдать

жизнь за светлое будущее не только свою, но и других.

– Но это же, страшно. Вы же женщина, вы будущая мать, – тихо произнесла Нина. – Как вы можете распоряжаться другими жизнями?

Нина, не мигая, смотрела на Катерину, боясь произнести еще хоть слово. Она хорошо видела, – в усталом взгляде ее мелькнуло растерянное отчаяние, и она поняла, что все эти люди в кожаных куртках, с «Маузерами» на боку, не в силах обуздать потока злодейства и душевной разнузданности, в котором неслась вышедшая из кровавых берегов жизнь.

– Не проси, я не стану помогать твоему генералу, да и врачам тоже. Каждый получает то, что заслужил.

– Но, врачи?

– И они тоже. Раз лечили солдат добровольческой армии – значит политические враги! Идите, Нина, я очень устала и мне сейчас действительно не до тебя и твоих частных проблем. Кстати где твой отец? Кого он сейчас лечит – красных или белых?

Нина не ответила, потому что не знала ответа на вопрос Катерины. Она, молча, вышла из кабинета. Возвращаясь в гостиницу, она чувствовала себя разбитой и опустошенной. Прошло несколько дней, как к ней опять пришла Мария и вся, дрожа, стала рассказывать.

– Знаешь, Нина, этой ночью я зашла в камеру, где помещался генерал. Вижу, он лежит на полу мертвый, с синим лицом и раскинутыми руками. Я бросилась к дежурному вра-

чу. Когда мы с ним вошли в камеру, видим – труп лежит на нарах, руки сложены на груди. Синие лицо с прикушенным языком, темные пятна на шее. Рядом с нарами стоит начальник тюрьмы – глаза бегают из стороны в сторону. Георгий Порфирьевич – врач говорит, нужно сделать вскрытие. А начальник тюрьмы – ты что дурак? Чего тут вскрывать? Дело ясное. Готовьте бумаги, все подпишу. Когда я оформляла документы, то от врача узнала, что этот самый генерал был героем балканской войны, ну та, когда русские воевали с турками за Болгарию. Вот и выходит, Нина, там его турки не убили, а здесь убили свои – русские.

Ночь прошла без сна. Девушка металась по кровати и только утром поняла, что заболела.

Повозка, в которой лежал раненый в бок Варшавский, медленно тряслась по дороге. Части окончательно разбитой добровольческой армии, медленно откатывалась к морю. Уже никто не призывал солдат и офицеров сражаться за каждую пядь русской земли, так как все понимали, что остановить прорвавшие части Красной армии, уже никто не сможет. Армии, как таковой уже не существовало и ранее царившая в армии коллективная безопасность, медленно, но уверенно перетекла в индивидуальную безопасность, а если сказать точнее, то в спасение своей личной жизни. В отступающих частях ходили слухи о зверстве красногвардейцев – о

поголовном уничтожении солдат и офицеров и эти слухи панически сказывались на моральном состоянии частей добровольческой армии, порождая дезертирство, грабежи, убийства.

Евгений, то и дело морщился от боли, которая не давала ему расслабиться. Его ранил пикой здоровущий казак. Врач, осматривавший его рану, молча, качал головой.

– Повезло вам, господин поручик. На два сантиметра в сторону и он проткнул бы вас насквозь. Скажите спасибо своему ангелу-спасителю.

– Спасибо, доктор, – ответил он, пересохшими губами. – Как долго мне еще валяться?

– Думаю, что до окончания войны, – ответил он и, взглянув на него, добавил, – вы ведь не сомневаетесь поручик, что она скоро закончится.

Сейчас, лежа на мягком душистом сене, он вспоминал свой последний бой. Его сотня стояла в небольшом лесочке, ожидая приказа к отступлению. Ранее командовавший сотней, подъесаул Петр, утром был повешен представителем контрразведки, за якобы пораженческие разговоры. Казаки со скучным видом наблюдали, как два прибывших в сотню офицера перебрасывали веревку через сук молодой и корявой березы. Смерть, стала привычным явлением, не вызывающей ни интереса, ни отвращения. Один из офицеров набросил ему на шею петлю и отошел в сторону, словно старался внимательнее рассмотреть подобную экзекуцию. Подъе-

саул оттолкнул в сторону офицера и самостоятельно поднялся на скамейку. Откуда появилась эта скамейка, поручик не знал. Казак стоял на скамье спокойно.

– У вас будет последняя просьба, подъесаул? – обратился к нему один из офицеров контрразведки.

– Дайте мне папиросу, ужасно хочется покурить, – ответил казак.

Офицер достал из портсигара папиросу, прикурил ее и сунил ее в рот ему.

– Мерси, – с улыбкой на лице, ответил тот и глубоко затянулся. – А теперь, выбивай!

Офицер ударил ногой по скамейки. Тело Петра несколько раз дернулось, и он повис на суку, не естественно вытянув свои худые ноги в кожаных сапогах.

К Варшавскому подскакал казак и молча, протянул ему пакет. Это был приказ на отступление. Сотня стала медленно вытягиваться из лесочка, когда ее атаковал эскадрон красных казак. Завязался встречный бой. Евгению удалось срубить двух красных, но третий казак, не входя в ближний с ним бой, ударил его пикой, сбив с коня. Больше он ничего не помнил. Очнулся он лишь в лазарете, когда какие-то нежные женские руки пытались стянуть с него рубашку.

Вечером Нина и Мария готовили в саду, рядом с гостиницей, ужин на жаровне. Рядом с ними три красноармейца

развели костер и стали кипятить в чайнике воду. Молодой матрос, брюнет с огненными глазами, стал колотить тесаком выломанные из ограды тесины. Видимо, узнав в них своих соседей, он громко произнес:

– Вот скажите мне, барышни, а на кой он нам черт, ваши образованные, – специально громко произнес он и бросил свой взгляд на девушек. – Эти образованные только что и делали, как хватали нас за грудки. Миллион народу, каждый расскажет, как они измывались над нами. А теперь говорит – я образованный. Интересно! А кто тебе дал образование? Отец? Значит, отец твой нас грабил, если мог дать тебе образование, выходит, и ты грабитель!

– Странно, как же вы будете строить новое общество, товарищ матрос? Для того чтобы строить, нужно знать, что строишь?

– Мне и моим товарищам плевать на вашу буржуазную культуру.

Нина выпрямилась, словно готовясь к большому сражению.

– Вы, товарищ, повторяете чужие слова, а сами их не понимаете. Вот у вас в руках нож, на боку «Маузер», все это вам дала буржуазная культура. Что же вы не выбросите их? В комнатах у вас, как в хлеву – все загажено, заплевано... А буржуазная медицина говорит, что в такой грязи живет чухотка, вши, сыпной тиф. Встречаемся в коридоре, вы даже не здороваетесь...

Матрос усмехнулся и, расправив форменку, громко произнес:

– А вам так нужно – ах, милостивая государыня! Наше вам низжайшее почтение! Позвольте вам ручку облобызать!

Друзья матроса громко засмеялись. Почувствовав поддержку товарищей, он произнес еще громче:

– Извините, мамзель, но прошло, то время. Весь вред от буржуев. Вас нужно, как змею вилами прижать и уничтожить, что мы непременно и сделаем. Всю сволочь, нужно истребить, и чтоб осталась одна святость!

– Много у вас святости останется при такой кровожадности! Вот потому-то, что у вас почти все такие, социализм можно и не строить.

– Что? – взревел матрос и бросился к Нине с тесаком в руке. – Ах ты, контра! Сука не добитая!

– Ну, отрубите вы сейчас мне голову, а что дальше? Думаете, что через три недели наступит мировая революция? Вы ошибаетесь, гражданин матрос.

– Если бы ты не была женщиной, я бы тебя прямо здесь и застрелил, – произнес он и посмотрел на своих товарищей. – Твое счастье, что я сегодня добрый, но погоди, мамзель, наступит время, и мы вас всех под корень вырежем, чтобы, ни одной буржуйской души не осталось. Растерзать вас всех, шкуры спустить и повесить на фонарях. Пусть все пролетарии видят, как вы пищать будете. Мы всех офицеров на корабле повесили, а особо свирепых, сожгли в попке.

Они громко засмеялись и, прихватив с собой чайник, направились в гостиницу.

– Нина! Тебе не страшно? – спросила ее Мария. – Вот ты с ними разговаривала, а у меня душа ушла в пятки. Господи, спаси и пронеси.

Всю ночь Нина не спала. Она снова и снова вспоминала свой разговор с матросом. Хмель ненависти буквально кипел в его крови, обнажая всю его звериную сущность. Ей невольно вспомнился рассказ красноармейца, проживавшего в соседнем номере:

– Мы на фронте только в газетах прочли, что погоны снимают. Мы не стали ждать приказа, а тут же стали ловить офицеров и сдирать с них погоны. Я одному говорю, ты, что сукин сын, погоны нацепил, а ну снимай, не то штык в пузо. Потом согнали их всех в кучу, велели всем снимать погоны. Иные плакали – умора! Теперь у нас с вами разговор короткий: труд! И больше ничего! Кто не работает, тот не ест. Как раньше было, помнишь? Руки белые, развалился в коляске, а мужик на него работает, да горелую корку жует.

Нина тогда хотела как можно быстрее вырвать свою руку из его руки, но он продолжал с силой удерживать ее около себя. Ему, похоже, нравилось, вести подобный разговор, чувствуя, как дрожит рука девушки.

– Скажите, а вы много на своем веку убили людей? – спросила она его.

Солдат отпустил ее руку и похлопал рукой по кобуре.

– Много. Сколько еще убью, один Бог знает.

«Откуда у людей такая жестокость? – размышляла она. – Резать, убивать и убивать! Сколько же мы их гнули, чтобы в людях вскипело такое зло».

Под утро, сморенная думами она задремала.

– Нина, вы должны мне помочь, – неожиданно для девушки, произнесла начальник отдела. – Я знаю, что вы мужественный человек, что не могу сказать о себе. Дело в том, что мне позвонили из нашего районного совета и сообщили, что ко мне должны прийти какие-то люди, из созданной ими комиссии. С какой целью, не сообщили. Я бы хотела, чтобы вы присутствовали при этом.

– Любовь Алексеевна, а как же работа?

– Я договорилась в отношении тебя. Выручайте меня, голубушка, кроме вас мне некому обратиться.

Они прождали весь день, но представители районного Совета солдатских и матросских депутатов, так и пришли. Нина вечером стала собираться домой.

– Может, останешься? – обратилась хозяйка к ней. – Куда ты на ночь собралась?

На заре в прихожей зазвонил дверной звонок. Любовь Алексеевна проснулась и вскочила на ноги. Через минуту, Нина слышала громкие мужские и женские голоса. Она быстро накинула халат и вышла из спальни. В зале было чет-

веро – двое мужчин и две женщины.

– Что вам нужно? – спросила у них Любовь Алексеевна.

Один из мужчин, с револьвером у пояса, властно спросил:

– Кто живет в этой квартире?

– Тут много живет...

– Рабочие или из буржуазии?

– В тех двух комнатах живут красноармейцы... Я – советская служащая...

Они вошли в комнату хозяйки квартиры. Женщины подошли к комодам и стали выдвигать ящики. Высокий мужчина с револьвером на боку, стоял среди комнаты. Другой мужчина, похожий на рабочего, нерешительно толкался на месте. Взглянув на него, высокий произнес:

– Товарищ, что ж вы?

Он повел рукой вокруг.

– Выбирайте, берите себе, что пригодиться. Вот, откройте сундук и посмотрите, что там.

Одна из женщин открыла сундук и вынула из него шубу, другая же, выкладывала на диван батистовые женские ночные рубашки, мужские новые кальсоны, шелковые чулки и нижние юбки.

– Скажите, товарищ, а можно взять зеркало? – спросила женщина, обращаясь к высокому мужчине. – Зачем им столько добра?

– Берите, берите, гражданка, не стесняйтесь. Видите, сколько здесь зеркал. На что буржуям столько! Оставьте им

три смены белья, а остальное белье, забирайте.

У женщин моментально загорелись глаза.

– Погодите, гражданки! – жестко произнесла Нина. – Что это такое? Кто может мне ответить? Это грабеж или обыск!

Мужчина усмехнулся и со злостью посмотрел на девушку.

– А вы кто такая, чтобы задавать здесь вопросы? Хозяйка? Так что, замолчите! Мало вы пили нашу кровь?

– Какую кровь, что вы здесь несете, – ответила Нина.

– Это называется изъятие излишек у буржуазии. Это не грабеж, а выполнение решения районного Совета. Вам понятно, гражданка?

Одна из женщин, что была моложе другой, взяла со столика две черепашьи гребенки, коробку с пудрой и блестящие ножницы.

– Ну, товарищ, чего вы стоите? Берите, чего думаете. Вот шуба, теплая, буржуйская. Великолепно будет греть ваше пролетарское тело.

Любовь Алексеевна, до этого молча наблюдавшая за все этим, неожиданно для всех произнесла:

– Послушайте, гражданин начальник, вы говорите – изъятие излишков, но это единственная шуба моего мужа. Какие излишки?

– Заткнись! – с нескрываемой злостью ответил мужчина. – Ишь, ты, раскудахталась... Может, в ЧК захотела? Я не посмотрю, что ты советская служащая! Ты как была буржуйка, так ей и остаешься.

– Господи! Когда же Бог покарает вас....

Любовь Алексеевна зарыдала. Женщины, с неприятными, жадными лицами, поспешно связали узлы. Рабочий вдруг махнул рукой и положил шубу обратно в сундук. Они, молча, вышли, не прикрыв за собой входную дверь.

Поручик Варшавский медленно брел по улицам города. Полученное им ранение его напоминало о себе резкой болью. Вот и сейчас, боль, словно раскаленная стрела, пронзила его тело. Он остановился и, достав из кармана платок, вытер им внезапно вспотевший лоб.

– Ваше благородие, – обратился к нему ординарец, – может не стоит ходить в порт, зачем, если вы не собираетесь никуда уезжать?

– Может, ты и прав. Мне вот сообщил мой товарищ, что он якобы видел в порту мою сестренку, Нину. Вот я и иду туда, а вдруг повезет и она действительно там.

Они снова зашагали к порту, где у рейда стоял пришвартованный пароход. У причала стояла многотысячная толпа, надеявшаяся попасть на борт парохода. Стоял такой невообразимый шум, что трудно было разобрать, кто и что говорит.

– Ваше благородие, да разве в такой толпе мысленно отыскать вашу сестру?

Варшавский не ответил ординарцу. Он взглянул на него и, поправив фуражку, предпринял попытку втиснуться в эту

стену из человеческих спин, чемоданов, баулов.

– Куда прешь! – громко произнес мужчина в котелке и толкнул его в плечо. – Что тоже решили бежать, господин поручик.

Острая боль заставила Евгения сморщиться от боли. Если бы не руки ординарца, то он наверняка мог упасть, так как вся эта толпа вдруг закрутилась перед его глазами.

– Спасибо, браток, – поблагодарил он его.

– Пойдемте отсюда, ваше благородие. Здесь бесполезно кого-либо искать. Все тикают и богатые и небогатые..., – он не договорил, так как началась погрузка на пароход и человеческая толпа, словно морская волна, покатила в сторону судна. Они развернулись и направились в сторону города. Город словно вымер, ни людей, ни пролетов, ни привычного городского шума. Легкий ветерок гнал по улице обрывки газет, какие-то брошенные кем-то документы. Где-то недалеко гремела канонада, это части Красной армии рвались в город. Из-за угла выехал казачий патруль. Хорунжий бросил равнодушный взгляд на них и, развернувшись, казаки поехали в обратную сторону.

– Что собираешься делать дальше, Прохор? Война скоро закончится....

– Вернусь в деревню, буду снова пахать землю.

– А не боишься, что красные тебе напомнят, где ты служил?

– Все может быть, ваше благородие. Все в руках Бога.

– Вот видишь Прохор, тебе есть куда вернуться, – ответил Варшавский. – А мне вот некуда. Нет больше у меня ни дома, ни отчизны. Все растоптали, все уничтожили. . . . Кровь пьем, кровью умываемся. . .

Они остановились напротив двухэтажного особняка, в котором поручик снимал небольшую комнатку.

– Ты свободен, Прохор. Я больше тебя не держу. Возвращайся в свою деревню, к своей жене и детям. Идите же, что вы так на меня смотрите?

– Куда же я без вас? А как же вы, ваше благородие?

– Иди, за меня не беспокойся, не пропаду. Я еще повоюю немного, а там, как Бог даст. Ты прости меня, если что не так. . . .

Прохор пристально посмотрел на офицера, надеясь в душе, что тот отменит свое решение. Но Евгений промолчал. По щеке ординарца пробежала слеза. Он тяжело вздохнул и направился вдоль улицы, все еще надеясь, что его, окликнут, позовут обратно.

Сумерки. Нина торопливо шла по приморскому скверу. Было душно, горячая пыль неподвижно висела в воздухе. От загаженной, с оторванными досками танцевальной веранды, где в прежние времена играла музыка, шел тяжелый запах разлагающегося тела. Она знала, что смердит в кустах мертвая собака, убитая пьяным матросом. От домов за сквером тяну-

ло давно не чищенными помойными ямами. Она в какой-то момент поняла, что ей хочется бросить все и вернуться в их небольшой дом, к родителям, где не загажена земля, где плавают в темноте чистые ароматы цветущих трав, где за окном, играя на солнце волнами, шумит морской прибой.

По узкому переулку, она поднялась в гору. Навстречу ей попался мужчина. Широкий сабельный шрам рассекал его лицо на две половины. Он плохо видел и шарил палкой впереди себя. Левый рукав шинели был пустым. Нина, широко раскрыв глаза, долго смотрела ему вслед. Вдруг громадной прибойной волной взметнулась в ее душе злоба.

– Господи, господи, что это? – прошептала она. – Почему люди не могут остановиться? Сколько вот таких калек сейчас бродит по России? Ведь все они были молодыми и сильными, а сейчас... Боже праведный, зачем?

Она шла по узкому кривому переулку и размышляла.

«Что же происходит с людьми? – спрашивала она себя. – Что их делает зверями? И слава, да, да, слава придет к тем, кто сможет остановить это безумие. Безусловно, все эти разнузданные толпы людей, лущившие семечки под грохот разваливающейся родины были простыми винтиками большой большевистской игры, под названием социалистическая революция. Кем же будет этот человек, который сможет остановить это безумное торжество злости и братоубийственную войну».

На повороте лежал большой белый камень. За день он на-

брал много солнечного тепла и сейчас был готов поделиться им с человеком. Нина присела на него, почувствовав тепло, которое вытесняло ее мысли.

«Как хорошо, – подумала она, – Вот так бы и сидела всю жизнь, смотрела на море, радовалась пению птиц».

Где-то там внизу, вокруг дымно-голубой бухты, в мареве лежал город, а наверху было просторное, голубое бездонное небо на котором сверкало яркое желтое солнце. Там внизу, – какая красота в этой дымке, в этих куполах церквей и минаретах, в святящихся перед закатом белых домах. Там ли она была права, когда поднималась или здесь, находясь над городом.

«Не люди, а жадное зверье, – почему-то снова подумала она. – Нельзя мерить людей разными мерками и делить их на своих и врагов. Нельзя! А вот с этой высоты, все они одинаковые, шагают по улицам, влюбляются, рожают детей...».

Еще раз, взглянув с высоты на город, она медленным шагом направилась обратно.

У дверей гостиницы, Нину встретила ее подруга Мария. Она сидела на лавке, у ног ее лежал узел, в котором находились все ее вещи.

– Еле тебя дождалась, подруга, – произнесла она. – Представь себе, меня выселили из номера. Не знаю даже, что мне делать? Куда мне идти, просто не знаю.

– За что это они тебя?

– Комендант мне заявила, что у них коммунисты, ответственные работники, ночуют в коридорах гостиницы и ждут угла месяцами, а ты, мол, кто?

Выслушав ее, Нина предложила ей переночевать у нее. Мария обрадовалась. Они вместе направились в гостиницу.

– Гражданка, а вы куда? – остановила Марию вахтер. – Вас же выселили из номера?

– Она ко мне, пусть переночует у меня, а завтра мы с ней ходим в жилотдел и получим официальное разрешение.

– Только до утра. Утром чтобы я вас больше не видела, голубушка.

Простояв очередь, они добрались до приемной. Черноволосая барышня, одетая в солдатскую гимнастерку, с матовым лицом и противно-красными губами, прервала рассказ Марии.

– Извините. Ничего нельзя сделать. А к вам, гражданка Варшавская вселят другого человека, если ваша жилищная площадь позволяет это сделать.

– Девушка, а кто может решить этот вопрос? – спросила ее Нина.

– Товарищ Ритман. Попробуйте решить этот вопрос с ним....

Нина и Мария вышли из приемной и направились по коридору, разыскивая кабинет под номером восемь. Щеголеватый молодой человек, горбоносый и с бритой головой, с

большим ртом, весело болтал с двумя хорошенькими ба-
рышнями.

– Вы знаете, Надежда Васильевна рассказывала мне, что два дня назад она видела вас с каким-то молодым человеком. . .

Они болтали и как будто не замечали вошедших в кабинет девушек. Нина и Мария стояли около двери и ждали. Наконец, она не выдержала.

– Послушайте, товарищ Ритман. Будьте добры нас выслушать. Мне нужно на службу.

Лицо молодого человека стало вдруг строгим. Нижняя губа его большого рта пренебрежительно отвисла. Он посмотрел на них с таким пренебрежением, словно перед ним стояли не люди, а манекены.

– В чем дело? Кто вы такие?

Нина быстро объяснила суть проблемы.

– Ничего не могу сделать. А вы, как вас там – Варшавская, подлежите ответственности, что сами занимаете комнату, в которой могут жить двое, и не заявили об этом в отдел. Вы это понимаете или нет? К вам поселят того, кому я выпишу ордер.

Мария упавшим голосом сказала:

– Но, товарищ Ритман, ведь вы же, сами вчера мне сказали, что требуется лишь согласие любого жильца, который решится предоставить мне угол.

Ритман встал из-за стола. Он уперся кулаками в крышку

стола, и со злостью произнес:

– Ничего подобного я никогда не говорил. Я не могу вас вселить! Я обязан действовать по закону! А теперь, прошу вас покинуть мой кабинет!

Слова чиновника ударили Нину в голову. Она подошла к двери и громко сказала:

– Когда же закончится это хамское царство? Разве с такими людьми можно построить светлое будущее?

Ритман снова вскочил с места.

– Что вы сказали? Товарищи! – обратился он к барышням. – Вы слышали, что она сказала?

Что произошло, Нина сама плохо понимала. Она развернулась и словно пьяная от бешенства произнесла еще громче.

– Что, не услышали, граждане большевики? Так я повторю! Когда же кончится у вас это царство хамов!

– Валечка! Кликните из коридора милиционера... Прошу вас гражданка, не уходить. Я обязан вас задержать за контрреволюционную пропаганду.

В кабинет вошел милиционер и, расстегнув кобуру, посмотрел на Ритмана.

– Арестуйте эту контру! – потребовал он у милиционера. – Есть свидетели ее контрреволюционных высказываний в адрес Советской власти. Секунду, я сейчас напишу заявление.

Он начал писать.

– Вы не отпираетесь, что сказали, когда же закончится это хамское царство.

– Не отпираюсь и еще раз повторяю.

– Вот, вы сами слышали. Товарищ милиционер, подпишитесь и вы свидетели, слышали. С этой бумагой отведите ее в особый отдел ВЧК.

Милиционер, забрав заявление, повел Нину в Особый отдел.

В кабинете сидел человек в военном френче «Маузером» на боку. Недобро поджав губы, он исподлобья посмотрел на Нину, как хозяин скотобойни смотрит на корову.

– Скажите, вы действительно занимались контрреволюционной агитацией среди большевиков?

Девушка улыбнулась.

– Странно, глядя на вас, об этом не подумаешь. С виду воспитанная барышня, а оказывается белая дрянь. Станьте! Чего улыбаешься! – закричал мужчина ей прямо в лицо. – Агитаторша паршивая! Пропаганду разводишь в городе! Я тебе покажу!

Нина побледнела и поднялась со стула.

– Если вы будете так разговаривать, я с вами разговаривать не буду!

Он внимательно посмотрел на нее.

– Все правильно. Видно птицу по полету. В камеру ее су-

ку! – распорядился он. – Пусть посидит, подумает...

Это был подвал с двумя узкими отдушинами, забранными решетками. Посреди помещения стоял небольшой некрашенный стол. Когда глаза Нины привыкли к темноте, она увидела сидящих на полу возле стен несколько женщин.

– Женщины, скажите, а коек здесь не полагается?

Пожилая женщина, взглянула на нее с усмешкой.

– Привыкай, барышня к половой жизни. Каждый здесь имеет, то, что имеет.

Нина подошла к двери и стала стучать. Грубый голос спросил из-за двери:

– Что надо? Прекратить стук!

– Откройте, мне нужно вам что-то сказать...

Дверь открыл солдат с винтовкой. На голове его была буденовка с алой звездой.

– Ну? Что такое?

– Гражданин солдат, скажите, где же мне тут спать? Где присесть? Вы что здесь устроили хлев!

– Не качай права, барышня. Садись, где есть свободное место. Я эти вопросы, не решаю!

– Как же, прямо на этот грязный и холодный пол? Дома даже не знают о моем аресте. Вы обязаны предоставить мне хоть голую койку...

– Ишь, цаца, какая, койку ей подавай. Хватит барышня, поспали на перинах, теперь спите на полу. И больше в дверь не стучите! Не полагается.

– Что значит, не полагается. Пригласите начальника тюрьмы, может он объяснит, что это?

– Кто ты такая? Здесь все равны и буржуи с их холопами, и простые труженики. Что еще надо?

– Потрудитесь не говорить мне «ты»! – вскипела Нина.

Солдат удивленно посмотрел на нее.

– Будешь тут бунтовать, я тебя отправлю в карцер. Там еще хуже, там пол мокрый.

Он толкнул Нину в плечо и закрыл дверь. Весь остаток дня их ничем не кормили. Соседка по «половой жизни» пояснила ей, что хлеб выдается только рано утром и в течение дня, больше их никто не кормит.

«Значит, рассчитывать на еду мне здесь не стоит», – подумала Нина.

Всю ночь, она не сомкнула глаз. В душе вскипала злоба, и как бы она не хотела ее загасить, у нее ничего не получалось. Через легкую одежду от цементного пола шел тяжелый холод, тело горело от напозавших вшей. Рядом с Ниной стонала сквозь сон старуха, в дальнем конце камеры, кто-то из арестованных сильно храпел.

Луч солнца лениво заглянул в одну из отдушин. Он медленно двинулся сначала по потолку, затем осветил камеру и вскоре исчез. Где-то далеко, еле слышно прокричал чудом сохранившийся петух.

«Значит, около четырех часов утра, – подумала Нина. – Что день грядущий мне пророчит...».

По коридору кто-то пробежал, топая тяжелыми сапогами, и снова стало тихо.

Поручик Варшавский сидел у окна и наблюдал за улицей, по которой ровными рядами двигалась конница красноармейцев.

«Вот и все, нет больше России, нет родины, – размышлял он. – Как жить дальше? Смериться? Нет, никогда!»

За спиной раздались легкие, едва слышимые шаги. Он вздрогнул и резко развернулся.

– Евгений, не хотите ли чая? – спросила его хозяйка дома.

– Спасибо, с удовольствием, – улыбаясь, произнес Варшавский.

– Все уже на столе, идемте.

Евгений отошел от окна и последовал вслед за хозяйкой. Ему еще не верилось, что части Красной армии, взяли город без единого выстрела.

Он сел за стол и взял в руки протянутую ему чайную пару. Поблагодарив хозяйку, он положил в розетку вишневого варенья. Хозяйка, женщина преклонного возраста посмотрела на него.

– Скажите, Евгений, что будет с нами?

– Не знаю, Маргарита Иосифовна. Все в руках Бога и этих людей, что шагают по улице. Знаю лишь одно, что ничего хорошего от них ожидать не стоит.

– Какой ужас! – произнесла хозяйка. – Мне на днях рассказывала родственница, что эти большевики настоящие дьяволы.

– Их как угодно можно называть, Маргарита Иосифовна, это не меняет их суть. Вы что-нибудь слышали о классовой борьбе, которую проповедует их вождь – Ульянов-Ленин?

– Нет, не слышала. А в чем она заключается эта самая борьба, Евгений?

Варшавский достал из портсигара папиросу и закурил. Выпустив голубоватый дым в потолок, он почему-то усмехнулся.

– Суть этой борьбы заключается в уничтожении буржуазии, как класса и провозглашения гегемонии пролетариата.

– Извините меня, Евгений Иванович, но я не поняла вас. Почему меня должны уничтожить? Я не воевала против них и ничего плохого им не сделала, так зачем же меня уничтожать.

Он снова усмехнулся и, сбив пепел с папиросы в пепельницу, сделал глоток уже остывшего чая.

– Это ничего не меняет, Маргарита Иосифовна. Для того чтобы погибнуть, не обязательно воевать с ними. Вполне достаточно для этого принадлежать к классу буржуа.

Хозяйка замолчала и, взяв в руки чашку Евгения, долила в нее кипятка.

– Вы меня напугали, Евгений Иванович, – тихо произнесла она. – А что, вы собираетесь делать? Вы же воевали про-

тив них и вас даже ранили...

– Я не собираюсь сдаваться этим хамам. Я офицер, дворянин и меня ничего не ожидает кроме расстрела.

– Господи, что вы говорите, Евгений Иванович! Может, стоит где-то отсидеться?

– Прятаться, упаси Господи. Лучше прожить тридцать дней, питаясь кровью врагов, чем триста лет прятаться и дрожать от каждого шороха. Увольте, Маргарита Иосифовна.

Женщина посмотрела на Варшавского с какой-то жалостью. Ее сын, поручик лейб-гвардии Измайловского полка был заколот штыками пьяными солдатами, и она хорошо понимала ненависть к большевикам этого боевого офицера.

– Но что вы можете, Евгений Иванович, сделать им? Вы одиноки, а их тысячи...

– Может вы и правы, Маргарита Иосифовна. Надеюсь, что я не один такой, кто не хочет добровольно признать власть большевиков. На их «красный террор» мы ответим своим террором.

– Опять кровь, когда же все это закончится?

Варшавский промолчал и, встав из-за стола, направился в свою комнату. Нагнувшись, он достал из-под кровати что-то большое и тяжелое. Развернув мешковину, он с любовью провел ладонью по вороненому стволу ручного пулемета.

– Пovoюем? – словно спрашивая живое существо, тихо произнес он.

Он снова завернул пулемет и поместил его на старое ме-

сто. Подойдя к окну, он снова взглянул на улицу, по которой под музыку духового оркестра, двигались колонны красной армии.

Металлическая дверь с лязгом отворилась, и в дверях показался конвоир. Он был маленького роста, худенький. Большая винтовка с примкнутым штыком делала его фигуру какой-то комичной. Большая не по размеру буденовка то и дело сползала ему на глаза, и он постоянно ее поднимал, открывая всем покрытое веснушками юношеское лицо.

– Варшавская! На выход! – громко выкрикнул он, стараясь придать голосу суровую значимость.

Нина поднялась с пола и последовала к двери. Ноги не шли и были словно ватные.

– Давай, быстрее! – заорал на нее конвоир. – Что плетешься, как сонная муха!

Ее завели в просторный кабинет. Взгляд ее остановился на фигуре мужчины, одетого в кожаную куртку, который стоял около окна к ней спиной. В углу стоял небольшой стол, за которым сидело трое мужчин. Среди этих троих, она сразу узнала того, который стучал по столу кулаком. Сидевший в середине мужчина с бритой головой, спросил:

– Ваша имя, фамилия?

Нина назвала.

– Скажите, вы дочь врача Варшавского Ивана Ильича?

Девушка вздрогнула.

– Это к делу не относится! – резко оборвала мужчину Нина.

Бритый внимательно посмотрел на нее, словно прикидывая, как ему построить разговор с этой девушкой. Судя по его лицу, она уже догадалась, что ими уже был предрешен приговор в отношении ее. Широкоскулый человек, в бескомпромиссности, со смеющимся про себя любопытством приглядывался к взволнованному лицу Нины, так странно не соответствовавшему ее резкому тону.

– Бывшее звание ваше, социальное положение?

– Дворянка, – с вызовом ответила Катя и задышавшись, прижала руку к сердцу.

Бритый улыбнулся и успокаивающе сказал:

– Да вы не волнуйтесь, товарищ, дело пустяковое. Просто я хорошо знал вашего отца, он один раз просто вытащил меня с того света. Мужчина, стоявший у окна, повернулся и подошел к ней.

– Мне кажется, я вас уже видел. Вы приходили к нашему начальнику, Катерине Игнатьевне.

– А я и не волнуюсь.... Да, я хорошо знаю Катерину Игнатьевну, мы жили рядом.... В детстве даже дружили.

– Расскажите, как было дело, – предложил ей бритый мужчина.

Нина все рассказала и прибавила, что в «хамском царстве» вовсе не раскаивается, что этот Ритман, действительно

хам. Я думаю, вы на моем месте, если бы испытали все эти издевательства, тоже бы сказали это самое.

Мужчина в кожанке улыбнулся.

– Думаю, я бы выразился осторожнее: назвал бы хамом его, а не говорил бы вообще о хамском царстве. Уведите ее, – обратился он к конвойному.

– Погодите, дайте мне сказать. Меня в 1916 году задерживала царская охранка по подозрению, короче, за то, что я помогла подруге, – выпалила она на одном дыхании. – Я никогда не видела такого зверского отношения к заключенным, такого топтания человеческой личности. Я сижу в камере подследственных, дела их еще не рассмотрены, может быть, они еще даже с вашей точки зрения окажутся невинными.

Она сделала паузу и перевела дух.

– Эти люди находятся в условиях, в которых при царском режиме не жили даже каторжане. У тех хоть нары были, им хоть солому давали, им хоть позволяли дышать чистым воздухом. Вы же бросаете ваших пленников в темные подвалы, люди лежат на холодном каменном полу, а они ведь женщины, а вы морите их голодом.

Широкоскулый мужчина ухмыльнулся и посмотрел на своих товарищей.

– Тюремщики обращаются с ними, как с рабами, кричат на них, оскорбляют. Неужели вас ни разу не интересовало зайти и посмотреть. Как вот здесь, под полом, под вами, жи-

вут люди, которых вы лишили свободы и за что? И потом. Вы вот спрашивали меня, хотите установить мою вину, а почему вы не арестуете Ритмана и других. Они своими действиями гораздо больше подрывают авторитет вашей власти!

– Достаточно, Варшавская! Конвой! Уведите арестованную в камеру, – приказал мужчина в кожанке.

Нину вели по коридору. Душа ее пела от удовлетворения, что она сумела сказать все этим людям, в руках которых была не только ее свобода, но и жизнь.

– Ну, как? – первое о чем спросили Нину сокамерницы. – Не били?

Она рассказала женщинам о допросе, о том, как она высказала этим комиссарам о том, как содержат их в камере, как морят голодом.

– Смелая ты, Варшавская, – произнесла одна из женщин. – А ведь они легко могли тебя вывести во двор и расстрелять. Здесь это практикуется.

Неожиданно все замерли, по коридору раздались гулкие шаги конвоира. В этой неожиданной тишине, Нина почувствовала холодное дыхание пришедшей за нею смерти. Дверь в камеру открылась, и все тот же конвойр снова громко выкрикнул ее фамилию.

– Варшавская! Собирай свое барахло, и давай на выход!

– Вот она смелость то, – произнесла одна из женщин, – видно в блок «В», переводят.

Нина не знала, что такое блок «В» и поэтому сердце ее

сжалось от нехорошего предчувствия.

– Чего копаешься? Я сказал, давай быстрее! – закричал на нее конвоир.

Она опять шла по длинному узкому коридору. За спиной тяжело дышал конвоир.

– Налево! – скомандовал он. – Лицом в стену!

Нина послушно повернулась.

– Открывай дверь, – приказал конвоир.

Нина толкнула дверь. Яркое солнце ударило ей в глаза. Она невольно прикрылась рукой от его теплых и ласковых лучей. Она стояла на улице. Мимо нее проходили какие-то люди, не обращая на нее никакого внимания. Это была свобода.

Нина шла по улицам города, стараясь понять, что происходит. Мимо нее шли люди с красными знаменами, с транспарантами. Где-то вдали играл духовой оркестр и слышался хор человеческих голосов. Мимо нее, медленно двигались темные массы людей. Маленький мальчик, дергая мать за юбку, громко говорил:

– Мама! Мама! Ты видишь, вон они идут! С флагами.

– Замолчи, Гриша. Это крестный ход коммунистов.

– А кто такие коммунисты?

– Это антихристы.

Милиционеры стали грубо оттеснять людей на тротуары.

Мимо нее шли ровные ряды красноармейцев, матросов с красными повязками на руках. Могучие мужские голоса рвали воздух:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.....

Ряды солдат сменили ряды рабочих. Люди в пиджаках, работницы в светлых платьях, советские служащие, кокетливые барышни на высоких каблуках. Проплывали плакаты, знамена. Было очень шумно, пестрило в глазах:

Да здравствует международная социалистическая революция!

Да здравствует книга в руках пролетариата!

Нет ни русских, ни евреев, ни татар!

Есть братья-рабочие и враги капиталисты!

От всей этой процессии у Нины защемило в душе. Она невольно вспомнила подвал, безвинных людей с их опухшими серыми лицами. Море голов и лес знамен. Нина вышла на Генуэзскую площадь. Посреди площади стояла трибуна, обтянутая красным сукном, с зелеными ветвями мимоз. Один за другим на трибуну поднимались ораторы. Нина видела во круг себя жадно прислушивающихся к речам выступающих лица рабочих, их торжествующие светящиеся глаза.

На трибуну поднялась Катерина Игнатьевна. Ее черная кожаная куртка была расстегнута, на груди, словно цветок

красовался красный бант. Площадь затихла. Она говорила громко и горячо, ее поставленный годами голос, звучал над толпами людей. Ругнув, несколько раз буржуев, империалистов, она стала говорить о новом строе, в котором будет много счастья, свободы и красоты. Прекрасные люди – пролетарии и трудовое крестьянство будут жить на прекрасной земле. Нина посмотрела по сторонам и вдруг она поняла: волновали душу не слова женщины-чекиста, а странно звучащая в них музыка и крепкая вера. Она все говорила и говорила. В конце своей речи, едва дрогнувшим от напряжения голосом она закончила:

– Товарищи! Вождь мирового пролетариата, выступая перед руководством Красной армии, сказал такие слова, что Крым стал прибежищем белогвардейцев и буржуазии, которые в любой момент могут нанести коварный удар в спину Советской власти. Наша с вами задача не дать им ни одного шанса. Бывают моменты в истории, когда насилие, может быть, необходимо. И этот момент настал. Ура товарищи! Смерть буржуйам и их прихвостням! Да здравствует Мировая революция!

Последние ее слова утонули в криках восторга. Нина выбралась из толпы и направилась в гостиницу.

Вдруг раздалась пулеметная очередь. Стоявшие рядом с Катериной люди повалились на землю. За первой очередью,

последовала новая очередь. Повалился с прострелянной грудью матрос, державший красное знамя. На площади началась паника. Громадная масса людей ринулась с площади и словно река, стала растекаться мелкими ручейками по улицам и переулкам города. В какой-то момент, Катерина поняла, что стоит одна на трибуне среди убитых и раненных красноармейцев и матросов.

Катерина расстегнула кобуру и достала «Маузер». Она хотела сделать шаг вперед, но ее остановила новая пулеметная очередь, которая легла перед ее ногами. В то, что пулеметчик не хотел ее убивать, она поняла сразу. На площадь выскочило с десятков конных в буденовках на голове. Это была группа охраны Катерины. Снова зарокотал пулемет, свалив на землю пятерых кавалеристов.

«Это Варшавский, – подумала Катерина. – Но этого не может быть! Он погиб, об этом мне рассказал Маврин. Это его кавалерийская часть атаковала группу Варшавского, прижав ее со всех сторон в степи. С его слов, труп Евгения опознал один из белоказаков. Тогда не понятно, почему я до сих пор жива?»

Она снова хотела сделать шаг. И снова очередь. Пули буквально легли у ног, запылив лишь до блеска начищенные сапоги.

– Взять живым! – громко приказала она, заметив отряд матросов, который двинулся от площади в сторону колокольни, откуда бил пулемет.

Катерина так и стояла на площади боясь сделать шаг в сторону. Она всегда считала себя достаточно мужественной и бесстрашной, а здесь она вдруг поняла, что боится смерти. Страх буквально сковал ее тело и прочно застрял где-то рядом с ее сердцем. Она видела, как матросы исчезли в глубине узких городских улиц.

До ее слуха донеслось несколько взрывов, и наступила тишина, разрываемая криками умирающих на площади красноармейцев и матросов. Из переулка буквально вылетел кавалерист и, подняв коня на дыбы, соскочил с лошади.

– Что? – коротко спросила его Катерина. – Задержали?

– Нет. На колокольне никого не оказалось. На месте обнаружили лишь кучу гильз.

– Где моя машина?

– Минутку, – произнес кавалерист и, вскочив на коня, помчался с площади.

Через минуту к Катерине подъехала автомашина. Взглянув на водителя, она села в автомобиль, который грозно рыча, медленно тронулся. Позади их поскакала поредевшая группа конников. Весь этот кортеж остановился перед зданием исполкома, над крыльцом которого развивалось красное знамя.

– Где начальник ЧК?

Дежурный по исполкому развел руками, хотя и великолепно знал, что тот уехал в соседнее село к своей любовнице.

– Срочно найти! – приказала она дежурному и скрылась

за дверью выделенного ей кабинета.

Майское ясное утро. На небе белые редкие обрывки облаков, которые словно небольшие куски ваты, медленно уплывали к востоку. Светло голубое небо на западе предвещало жаркий и душный день. По брусчатой мостовой – утренние прохладные тени. Воздух пропитан запахом цветущих цветов. Перед окнами Крымского ревкома, где Катерина Игнатьевна занимала должность заместителя ревкома и секретаря Крымского областного комитета партии ВКП (б), чуть трепещут листвой каштаны. Ветки задевают створки раскрытого окна, словно лаская их большими зелеными листьями.

Катерина встала из-за стола и подошла к окну. Она уже успела поработать с документами, и теперь стоя, у окна, почему-то вспомнила свой последний разговор с Троцким. Катя тогда пригласила его посетить Крым.

– Извините меня, товарищи, не приеду я к вам.

– Почему, если не секрет, товарищ Троцкий? – спросила она его.

– Я приеду тогда, когда на территории Крыма не останется ни одного белогвардейца.

Она перевела свой взгляд на стену: на обоях весело плясало яркое пятно от проскользнувшего сквозь листья каштана солнечного луча.

«Скоро лето», – подумала она.

Память вернула ее в детство. Ей почему-то вспомнилось, как она, держась за руку отца, медленно прогуливались по улице Киева. Как потом вечером, она с Женькой Варшавским ели вкусное клубничное мороженное, запивая его лимонадом. Она отошла от окна и направилась к столу. Под ногами заскрипел рассохшийся паркет. Катя сняла телефонную трубку и резкими движениями, крутанула ручку.

– Товарищ Иванов, есть какие-нибудь сведения от ночных патрулей и районных комендантов?

По сведениям ВЧК контрреволюционное подполье готовило в городе мятеж.

– Товарищ заместитель ревкома, как патрули, так и районные коменданты сообщают, что в городе спокойно, никаких подозрительных перемещений нет.

«Всегда перед бурей бывает затишье, – подумала Катерина. – Прав, товарищ Троцкий. Нужно срочно очищать город от контры, а иначе...».

Где-то с улицы донеслись громкие мужские голоса.

– Стой! Куда прешь! – кричал часовой у ворот, вскидывая винтовку.

– Что не узнаешь! – громко закричал всадник. – Катерина Игнатъевна у себя?

Выскочившие на крики красноармейцы помогли всаднику спуститься с коня и подняться на второй этаж. Войдя в кабинет Кати, он обессилено упал на пол.

– Беда! Я командир роты мусульманского батальона. Бата-

льон восстал против Советской власти, все командиры убиты!

Всадник потерял сознание.

Катерина не теряя не минуты, схватила «Маузер», выскочила во двор и громко закричала:

– В ружье! Рота по машинам!

Она ловко вскочила на подведенного ординарцем коня и снова крикнула:

– За мной!

Один за другим тронулись со двора четыре грузовика, в которых плотными рядами сидели красноармейцы. Через тридцать минут грузовики остановились около казарм, которые были пусты. Вzbунтовавшие солдаты громили военный комиссариат. Забросав его гранатами, они ворвались внутрь здания, где моментально подавили защитников здания. Открыв камеры, они выпустили всех дезертиров, создав из них несколько боевых групп.

Вторая группа мятежников, взяла без боя местную тюрьму. Охранники, при виде мятежников побросали винтовки и скрылись. Им удалось выпустить всех преступников. Надежда на то, что они волеются в ряды мятежного батальона, не оправдалась. Арестанты, тут же скрылись, прихватив с собой брошенное охранниками оружие. Все двинулись в сторону ревкома. Некоторые несли неизвестно откуда взявшиеся транспаранты – «Мы за Советскую власть, но без большевиков», «Долой еврейскую власть», «Бей жидов, спасай Рос-

сию».

По мере движения они захватывали советские учреждения, где расстреливали служащих, уничтожали документы и жгли здания. Еще неделю назад, эти же люди кричали ура, радуясь пролетарскому празднику. Теперь, словно очнувшись от летаргического сна, они уничтожали все советское, что попадало им под руку.

Толпа, опьяненная победой, вышла на площадь. Неожиданно, по мятежникам ударили пулеметные очереди. В шуме восторженных криков, люди не сразу поняли, что произошло. Задние ряды напирала на передние, не давая им возможности покинуть площадь. Катерина привычным движением поменяла диск ручного пулемета и снова открыла огонь.

– Ага, твари! Дождались! Всех перестреляю! – то и дело выкрикивала она, лоя в прицел очередную жертву.

На тротуаре, у ворот дома, со стороны Воскресенской улицы, лежала убитая женщина. Длинные черные, как смоль волосы, закрывали ее лицо. Рядом с ней ползал маленький мальчик, пытавшийся растолкать лежавшую без движения мать. Расстреляв все патроны, Катерина окинула площадь взглядом. Она была пуста, лишь раненные солдаты и гражданские, громко крича, просили об оказании им помощи.

– Прекратить стрельбу! – громко выкрикнула она и, достав из кармана куртки платок, вытерла им лоб.

Все они хорошо понимали, что выиграли лишь бой, но

еще не подавили мятеж.

Группа мятежников, которую возглавлял Евгений Варшавский, пробежав одну из городских улиц, стала заходить в тыл красноармейцев. Словно догадавшись о маневре мятежников, красноармейцы стали организовывать круговую оборону. Прежде чем броситься в атаку, Евгений перезарядил свой револьвер и выглянул из-за угла дома. Красноармейцев было не так много и в случае одновременной атаки с фронта и тыла, судьба их была предрешена.

– Чего мы ждем, поручик? – обратился к нему прапорщик Шатунов. – Ведите же людей в атаку.

– Погодите, прапорщик! Спешка здесь не нужна. Атака по красной ракете.

В окулярах бинокля мелькнуло знакомое женское лицо. Кожаная куртка, кубанка с красной полосой.

«Не может быть, – промелькнуло у него в голове. – Неужели это Катерина? Не может быть?»

Он снова поймал в окуляры женскую фигуру, одетую в кожаную куртку, которая лежала у пулемета.

– Прапорщик, дайте мне винтовку, – обратился Варшавский к офицеру.

Тот, молча, протянул ему трехлинейку. Евгений плотно прижал приклад к плечу и поймал в прицел женщину. Словно почувствовав нависшую над ней опасность, она оберну-

лась и посмотрела в его сторону. На лице ее мелькнула улыбка, словно она смеялась над ним.

– Поручик, ну что вы не стреляете? – спросил его Шатунов. – Неужели вы не знаете кто это? Это фурия, дьявол в юбке! Вы знаете, что она делала с нашим братом!

Варшавский промолчал и снова поднял ствол винтовки.

«Готов ли я убить ее?» – спросил он себя, держа ее на прицеле.

Он мысленно представил, как винтовочная пуля рвет ее тело, как она падает на землю, а из пробитой груди толчками струится алая кровь.

«Нет, не могу, – снова подумал Евгений. – Убить ту, которую он любил всю свою сознательную жизнь, не могу. Пусть она враг! Пусть фурия революции! Пусть она дьявол в юбке, все равно не могу!»

Где-то хлопнул выстрел, и в небе рассыпалась красными искрами ракета.

– В атаку! Вперед! – громко выкрикнул Евгений и бросился вперед, увлекая за собой людей. Их встретил плотный пулеметный огонь. Около него, схватившись за простреленную грудь, рухнул на землю прапорщик Шатунов. Ему показалось в какой-то момент, что исход боя предрешен, но неожиданно во фланг атакующих, ударила кавалерия красных.

– Назад! Отходим! – закричал Варшавский, но его уже никто не слышал.

Бросая оружие и раненых, бойцы мятежного батальона бросились бежать, падая под ударами кавалерии.

Евгений забежал во двор дома и, услышав позади себя звон подков, настигавшего его конника, обернулся и дважды выстрелил во всадника. Шашка выпала из рук кавалериста, и он повалился с коня. Варшавский вскочил на коня и, ударив в бока лошади каблуками сапог, пулей вылетел на улицу. Выстрелив в казака, который бросился ему наперерез, он помчался вдоль улицы. Пуля сбила с него фуражку и вскользь прошла по голове, но он продолжал мчаться дальше. Лишь вырвавшись из города, он почувствовал слабость и, остановившись, с трудом спустился с коня на землю.

Весь день и ночь в городе трещали выстрелы. По приказу заместителя Крымского ревкома Катерины, происходила зачистка города от отдельных групп мятежников. Нина стояла у окна гостиницы «Астория» и с интересом наблюдала за действиями красноармейцев. Вот трое красноармейцев вытолкнули их подъезда жилого дома трех человек. Не трудно было догадаться, что это была супружеская пара и еще один молодой человек в форме офицера царской армии. В открытое окно слышно, как женщина пытается объяснить одному из красноармейцев, что ни она, ни ее муж не имеют никакого отношения к мятежу, но боец грубо ее толкает в спину и женщина, потеряв равновесие, падает на землю.

– Хамло! – громко выкрикивает молодой человек и падает на землю от сильного удара винтовочного приклада в лицо.

– Боже, мой, – прошептала Нина. – Что творят эти люди.

Красноармейцы выстраивают задержанных у стены и, отойдя от них метров на десять, вскидывают винтовки. Солнце играет на гранях штыков, переливается всеми цветами радуги.

– Пли! – доносится до нее команда и недружный залп, разрывает утреннюю тишину.

Один из красноармейцев подходит к телам, которые лежали, в каких неестественных позах и ногой переворачивает тело молодого офицера, который лежал на боку.

– А ты, сволочь, еще живой! – произнес красноармеец и ударил офицера штыком в грудь.

Нина заметила, как молодой человек, дернул правой ногой и затих. По коридору загрохотали тяжелые шаги, Кто-то постучал в дверь. Стук был таким сильным и настойчивым, что она вздрогнула. Страх моментально сковал ее изнутри.

– Откройте! Откройте, а иначе выломаем дверь! – раздалось из коридора.

Девушка подошла к двери, не решаясь ее открыть.

– Откройте! – снова раздалось из-за двери.

Она повернула ключ и отошла в сторону. В комнату ворвалось несколько матросов.

– Есть посторонние? – закричал ей в лицо матрос, тряся у ее лица револьвером.

– Нет, – еле слышно ответила Нина. – Я живу одна...

Один из матросов открыл платяной шкаф и стал выкидывать на пол ее платье.

– Что ты там ищешь? – спросил его третий.

Нина взглянула на него и сразу узнала в того человека, с которым когда-то спорила в саду.

– Вот видишь, барышня, мы снова встретились с тобой, – произнес он. – Революция без кулаков не бывает.

Девушка отвернулась к окну, так как с улицы донеслось несколько винтовочных выстрелов.

– А вот и ваши кулаки, – произнесла она, глядя на матроса. – Убиваете без суда невинных людей...

– Ты осторожней, барышня, – ответил ей матрос. – Время сейчас такое, что разбираться с вами некогда.

Убедившись, что в комнате посторонних нет, матросы вышли в коридор.

– Молитесь Богу, барышня, – произнес матрос, – что не до вас нам сейчас и мой вам совет, следите за языком. Уж больно он у вас острый.

Нина закрыла дверь и села на кровать. Ее трясло от пережитого страха, обиды на саму себя, за то, что испугалась. Крупные слезы произвольно потекли по ее щекам, а где-то там, на улице по-прежнему звучали выстрелы.

Нина шла по набережной и вдруг случайно встретилась

с Ритманом, начальником жилотдела, который в свое время отправил ее в тюрьму. Все такой же щеголеватый, с тем же самодовольно извивающимся, большим ртом и с видом победителя. Девушку просто передернуло от его вида, а душа просто закипела от ненависти к этому человеку. Ритман тоже, похоже, узнал ее. Губа его отвисла, сделав его лицо более отвратительным. Он поднял голову и с гордым видом проследовал мимо нее.

– Эй, ты! – раздался с улицы повелительный окрик. – Ты, что глухой?

По улице ехали три всадника на красивых лошадях. На левой стороне груди были большие черно-красные банты. Позади них двигались две тачанки, на которых восседали мужчины, с такими же бантами на груди.

– Что скажите, товарищи? Это вы ко мне? – отозвался Ритман.

– Где тут у вас ревком и продовольственный комиссариат?

– Вот сейчас поедете вверх по переулку, а потом повернете вправо...

– Проводи! – приказ всадник, одетый в кожаную куртку. – Что, не понял? Я сказал, тебе, проводи!

Ритман посмотрел на всадника и, выдержав, как артист нужную ему паузу, ответил:

– Я извиняюсь, товарищи. Я ответственный советский работник и не привык, чтобы со мной говорили подобным тоном. Так что, следуйте туда, куда я вам показал.

– Что ты сказал, тварь буржуйская? – ответил всадник.

Конь под ним заплясал, выбивая из булыжной мостовой искры. Удар нагайкой по спине решил этот спор. Ритман заскулил, словно побитая хозяином собака. Он закрылся рукой, но новый удар заставил его взвыть.

– Веди, сукин сын, а иначе заporю! Разговаривать будешь потом, когда я тебе разрешу. Понял?!

– Но позвольте, товарищи, я вам....

Нагайка взвилась над его головой. Лицо Римана пожелтело, губа уныло отвисла.

– А – а – а! – закричал он. – Я прошу вас, не бейте!

– Тогда веди, вошь тифозная, а то заporю до смерти!

Ритман опустил голову и побрел по переулку. Нина тогда еще не знала, что в город вошел 4-ый полк махновцев. Девушка шла по улице, наблюдая за тем, как в город входила кавалерия батьки Махно.

Катерина Григорьевна встретила командира 4-го полка Махно на крыльце Крымского ревкома. Она спустилась по ступеням и направилась к командиру полка.

– Как переход? – поинтересовалась она у него.

– Люди немного устали, но готовы сражаться за революцию. Скажите, а где председатель ревкома?

Катерина немного замялась, а затем, взяв себя в руки, ответила:

– Товарищ Марченко, Бела Кун отбыл в штаб Фрунзе. У вас был какой-то вопрос к нему?

– Нет, товарищ. Хотел просто пообщаться-поговорить о размещении своего полка. Думаю, что, наверняка, помните обещание вашего командарма, что Крым он отдаст батьке Махно, если он поможет Красной армии освободить его от Врангеля.

Катерина громко рассмеялась.

– Конечно, все остается в силе... Я уже распорядилась передать вам лучшие казармы. Так что, можете занимать их.

– Может, пройдем ко мне в кабинет, – предложила она Марченко.

Передав коня ординарцу, командир полка направился вместе с ней в ее кабинет. Через минут пять они вышли на балкон, и начался митинг. Во время выступления Катерины, один пьяный всадник выхватил ручную гранату и хотел бросить ее на балкон. Но, находившиеся рядом с ним товарищи, скрутили его и, стянув его с коня, быстро скрутили. Город затих, улицы опустели. Люди боялись махновцев и выходили на улицу лишь по необходимости.

Нина закончила заполнять бланки и отложила их в сторону. Взгляд ее упал на фигуру женщины, которая медленным шагом двигалась по аллее сада.

«Не может быть! Неужели это – Мария!» – подумала она, внимательно рассматривая девушку через раскрытое настежь окно.

Она быстро набросила на себя шаль и выскочила на улицу.
– Маша!!

Все, позабыв, она бросилась ее целовать. Они смеялись, плакали.

– Может, присядем? – предложила ей Мария.

Они сели на скамейку и стали задавать друг другу вопросы и опять начинали плакать и смеяться.

– Как ты сюда попала, Маша?

– Я сейчас служу у батьки Махно. Вот так получилось...

– А ты по-прежнему работаешь у красных?

Вера стала расспрашивать ее о родителях, об их здоровье.

– Мама болеет, но пока держится. А папа – Нина печально опустила голову. – Папу порубали красные вместе с ранеными. Он работал в госпитале. Вот они всех там и порубали.

– И ты им служишь? – спросила ее Маша и страдающе прикусила губу.

– Где-то надо работать, ведь у них – кто не работает, тот не ест.... А где ты будешь жить, Маша?

– Еще не знаю. Пока остановилась в «Астории».

– Ой, в «Астории»! Перебирайся ко мне. Главное – лишь бы не отказали.

Мария ужасно обрадовалась предложению Нины.

– Не беспокойся, пропишут без всяких разговоров, стоит лишь мне позвонить в жилотдел.

– А ты знаешь, что со мной было, когда я обратилась в

жилотдел?

Нина, волнуясь, стала рассказывать Вере о своем столкновении с Ритман, как назвала советскую власть хамским царством, как ее за это арестовали и посадили в тюрьму. Лицо Веры стало холодным.

– Какой у тебя, Нина, жаргон выработался! Ты случайно не член объединенных дворян. Разве можно называть власть рабочих и крестьян – «хамским царством». Скажи спасибо, что тебя не поставили к стенке. У нас бы тебя точно расстреляли.

Нина замолчала и изумленно посмотрела на подругу.

– Странно, Маша. Получается, что тебя возмутило лишь то, что я так назвала советскую власть. А то, что женщин гноят в темных подвалах, выходит хорошо.

– Каких женщин? Там сидят враги народа: буржуйки и воровки. Так, что не нужно их жалеть.

– Но ты ведь, Мария, сама не из рабочих.

– И что? Вон ваша соседка Катерина Игнатьевна, тоже не из рабочих. Главное – отношение к власти. Ты хоть это понимаешь, Нина?

Нина вздохнула и посмотрела на подругу.

– Ничего, подруга, скоро все люди станут счастливыми. Вот искореним всех врагов и заживем в свое удовольствие. Наш батянка встречался с Лениным и тот пообещал ему, что в Крыму будет республика анархистов. И еще, наш батянка герой, ему вручили орден Боевого Красного Знамени за номе-

ром четыре. То, чем ты так возмущена, конечно, не хорошо. Но ведь власть только что утвердилась, есть проблемы на местах, много недочетов. Первые месяцы всегда самые ужасные и совершенно анархические. Сейчас в городе наши войска, командует ими Марченко. Думаю, что он непременно наведет порядок.

– Неужели ты так наивна, Маша? Кто вам так просто отдаст власть? Бела Кун или Катерина? Глупо рассчитывать на это.

– Посмотрим, Нина, посмотрим. А, сейчас, пойдем в гостиницу, там и поговорим.

Они поднялись со скамейки и медленно направились в сторону «Астории».

Девушки пили чай и вели непринужденный разговор, вспоминая общих знакомых.

– Нина! Скажи, что с твоим братом, Евгением. Он жив?

– Не знаю, Маша. Последний раз я его видела полгода назад. Где он сейчас, жив ли, убит ли, я не знаю.

– Где он воевал?

– Последнее место его службы было здесь, у генерала Слащева.

Нина поднялась из-за стола и снова разлила чай по чашкам.

– Хороший у тебя чай, Маша. Давно я такого чая не пила.

Ты все время расспрашиваешь меня и молчишь о себе. Расскажи, как ты попала к батьке Махно?

Маша загадочно улыбнулась. В это мгновение Нина моментально поняла, что подруга не хочет рассказывать ей эту непростую жизненную историю.

– Ты знаешь, Нина, кто такой Махно? Все почему-то считают его каким-то бандитом, но это не так. Многие придумывают люди, чтобы вызвать к нему антипатию народа. Если бы он был бандитом, то не собрал бы армию в тридцать тысяч сабель. Ты знаешь, что он лично водил свои войска в атаку, семь раз был ранен, из них – три раза тяжело.

– Ты так рассказываешь о нем, словно он не человек, а былинный герой, Маша.

– А он и есть герой. Однажды мы ходили в страшную ночную сабельную атаку. Представь только, ночь, грохот копыт и мчавшаяся друг на друга конная лава. Ничего не видно, где свой, где чужой можно лишь догадываться. Ты знаешь, надо очень доверять своим бойцам, чтобы решиться на подобную атаку. Там ты один и тебя некому защитить от выстрела в спину...

– Ты так рассказываешь, словно сама лично принимала участие в этой атаке?

– Я, – Маша громко засмеялась, – нет, сама я не участвовала в атаке. Но мне хотелось, вот так скакать по степи, рубить и рубить врагов революции... Белые тогда окружили нас, взяли в плотное кольцо. На каждой узловой стан-

ции – бронепоезда, на дорогах казачьи разъезды... И тогда, Нестор Махно решился на ночную атаку. Приказано было прорываться только штыками и саблями, стрелять было нельзя, чтобы шумом не сорвать атаку. Махно решил прорываться там, где нас никто не ждал: через два офицерских полка.

– И как?

– Офицеров этих мы застали врасплох... и практически всех порубали в капусту. Представь себе, без единого выстрела... Как потом мне рассказывали люди, утром беляки затагнули петлю окружения, но нас там уже не было. Былые казаки, которые воевали с немцами, просто удивлялись, как это было сделано...

– Слушай, Маша! Я слышала, что Махно ярый антисемит. Это правда?

– Кто тебе это сказал, Нина? – ответила Вера и громко рассмеялась.

Ее симпатичное личико в обрамлении красивых и пышных локонов, показалось Нине необычно привлекательным.

– Это Петлюра, был антисемитом. Это он вешал и убивал евреев, а Махно наоборот. У него целые подразделения из евреев. Ты знаешь, во время встречи батьки с Лениным, тот предложил ему влиться в состав Красной армии и посулил ему даже должность красного комбрига, а потом и командующего армии, однако, батька отказался от этого предложения по идейным, как он говорил, соображениям. Батька у нас

ужас, какой идейный, он враг любой государственной власти.

– Странно, противник власти, а служит власти.... Я что-то тебя не поняла, Маша?

– погоди, Нина. Завтра Махно прибывает в город, я тебя непременно познакомлю с ним. Думаю, что он тебе непременно понравится.

Допив чай, девушки стали готовиться ко сну.

На одном из путей узловой станции стоял вагон штаба красной бригады. Был поздний воскресный вечер. Из станционного поселка доносились пьяные песни. В вагоне было темно и душно. Только в одном из купе, за свечкой, сидел у стола начальник штаба и изучал полученные еще днем директивы командования армии. Услышав скрип, он оторвался от бумаг и посмотрел на дверь. В дверях стоял мужчина. Тень падала на его лицо, и сразу было трудно догадаться, кто это.

– Варшавский! – вскрикнул начальник штаба. – Как вам удалось проникнуть в вагон?

– Вы правы, ваше высокоблагородие, это действительно я – поручик Варшавский.

Начальник штаба нахмурился. Визит поручика, был для него неожиданным, и сейчас он пытался отгадать, с какими намерениями тот прибыл. Судя по тому, что офицер рисковал своей жизнью, его появление носило важный характер.

– Что вас привело сюда, поручик?

– Я пришел, чтобы спросить вас полковник Константин Николаевич, на чьей вы стороне? Не мучает ли вас по ночам совесть офицера?

Не спрашивая разрешения, Варшавский сел за стол и положил перед собой револьвер. Бывший полковник мельком взглянул на оружие и, встав из-за стола, подошел к окну.

– У меня больная жена и трое детей, – тихо произнес Константин Николаевич. – Два года назад меня вызвали к Троцкому. Как он узнал о моем существовании, я не знаю. Мы долго разговаривали с ним, и ему удалось убедить меня поступить на службу в Красную армию. Поймите меня правильно, поручик, я не оправдываюсь.... Просто так получилось. Выбора у меня не было, в заложниках у них была моя семья.

Варшавский сидел, молча, он просто не верил полковнику. Он был не из тех людей, которых можно было словами уговорить изменить присяге и перейти на сторону врага.

– А вы кого представляете, поручик. Я не думаю, что лично ваше любопытство привело вас ко мне.

– Я не буду скрывать, господин полковник. Я представляю военную организацию бывших офицеров. Поэтому перейду сразу к делу....

Снаружи вагона слышались мужские голоса, загромыхали шаги по приступкам, а затем уже внутри вагона. Варшавский побледнел и, схватив револьвер, приготовился

стрелять в первого, кто переступит порог купе.

– Уберите оружие! – приказал ему Константин Николаевич. – Если выстрелите, спасения уже не будет.

В купе вагона вошли политкомиссары – Седой, Крюгер, командир бригады, бывший прапорщик, с туповатым на вид лицом.

– Это кто у тебя в гостях? – спросил полковника, командир бригады.

– Мой старый знакомый из Москвы. Направляется в штаб армии, – соврал Константин Николаевич.

Крюгер, молча, сел.

– И потом, Константин Николаевич, вот что я хотел вас спросить. У меня решительно не хватает времени на все. Скажите, отчего бы вашим помощникам не шифровать служебные телеграммы? Это для них полезно с одной стороны, а с другой, таким образом, они всегда будут в курсе всех наших дел.

Крюгер посмотрел на Варшавского, поглаживая свои густые, белесые усы. Его серые, как сталь глаза словно буравили Евгения.

– Вы правы, товарищ. Это правильное решение.

Переговорив накоротке, все они вышли из вагона и сели в автомобиль.

В автомобиле Крюгер обратился к командиру бригады:

– Что скажешь, комбриг? Вот зашли, поговорили с ним и что? Работает твой начальник штаба на износ, все на нем

держится. Да и начальник ВЧК говорит, что ты без него, как без рук.

– Не знаю, я специально вас пригласил, чтобы вы разобрались в нем. Если бы я имел данные на него, я бы сам арестовал его без разговоров. Только чувствую я: не из наших людей он. Зачем он так много работает? Не по совести он у нас, а по принуждению. Да и этот его приятель из Москвы, явно офицер. Ты видел, как он смотрел на нас? Он явно противопоставлял нас себе. Думаю, что он тоже враг, хоть и служит у нас.

– Что ты ко всем цепляешься. Специалист, как специалист, ни лучше и не хуже других. Таких сейчас в армии много.

– Арестовывать его нужно, враг он, сердцем чувствую.

После того, как уехали комиссары, Константин Николаевич и Варшавский вышли из вагона. Недалеко от железнодорожной стрелки темнела фигура часового с винтовкой за спиной.

– Лавров! – окликнул его полковник.

– Я, товарищ начальник. Ну, как, уехали?

– Так точно, уехали.

– Ваше благородие? Неужели это вы?

– Я, я, Лавров. Узнал, выходит...

– Как вас не узнать, ваше благородие.

Полковник, молча, улыбнулся.

– Вот что, Варшавский, – неожиданно произнес он. –

Связь будем держать через Лаврова. Большое желание у меня есть поручик...

– И какое желание, господин полковник, если не секрет?

– Стравить между собой красных и ребят батьки Махно. Пусть повоюют между собой, а мы посмотрим, что будет дальше.

Они пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны.

Нина ехала по делам на автомобиле в Эски-Керым. Это была ее первая служебная командировка. Помимо служебного задания, она хотела еще увидеть свою мать. С момента ее отъезда в город, она ни разу не была дома. В автомобиле, помимо нее, находился комиссар одной из бригад Красной армии. Мужчина был худым и высоким, с бритым лицом. Он сидел на переднем сидении и кутался в длинную кавалерийскую шинель, хотя было жарко.

Машина мчалась, и жаркий ветер шевелил волосы. Иногда между горами мелькало лазурное море, которое искрилось в лучах солнца. Нина смотрела на море и чувствовала, как смывалась с ее души чадная муть, осевшая от впечатлений последнего месяца, и заполнялась она звоном солнца, каким дрожал кругом нее сверкающий воздух. В степи шел сенокос, трещали косилки, по дорогам скрипели телеги с сеном.

Спутник Нины вполголоса разговаривал с водителем, обрывая фразы, чтобы она не поняла, о чем они говорят. Фамилия комиссара была Крюгер, но он просил его называть по псевдониму – Горелов. Его горбоносый профиль в пенсе качался с колыханием машины. Иногда он оборачивался и улыбался Нине милою, застенчивой улыбкой. Его короткая верхняя губа открывала длинные зубы, цвета старой слоновой кости. Девушка не была врачом, но даже не вооруженным взглядом неопытного человека, было хорошо видно, что он обречен, что болезнь буквально выгрызает его изнутри.

По обрывкам фраз, Нина догадалась, что Крюгер обсуждал вопрос о выборах в Центральный совет рабочих профсоюзов, в котором оказалось много меньшевиков и беспартийных.

– На днях на пленуме Народного образования выступил представитель профсоюзов. Вот была речь, Семен!

– И о чем он говорил, товарищ Горелов?

– Ты только представь себе, говорил о диктатуре пролетариата. Говорил, что вот эти представители трудового народа выгоняют жителей из квартир, снимают с людей ботинки, говорил, что в этом и заключается вся диктатура пролетариата.

– И что? Что с ним? Его арестовали?

– Пока нет, но ВЧК взяло его на карандаш. Вот она интеллигенция.

Лицо комиссара стало неприятным и колючим.

– И главное, он открыто заявил, что рабочий класс в са-

мый ответственный момент в своей истории лишен права свободно думать, читать, искать, и виновны в этом – большевики.

– И откуда он? – спросил его водитель.

– Из буржуа будет.... Ведь только они достаточно грамотные люди, умеют говорить и много знают.

Горелов замолчал и, обернувшись к Нине, улыбнулся ей.

– Ничего, Семен, ничего. Скоро мы их все просветим. Кто сам босой, тот не будет плакать над ботинками, снятыми с богача.

– А наденет их, и будет измываться над другими разутыми, ведь на всех ботинок не хватит, да и размеры у всех разные, – неожиданно для них произнесла Нина.

– Вот и зубки показала буржуазия, – со смехом произнес Горелов. – Все сидела, слушала и вдруг, сразу в дамки.

Горелов вытянул ногу, подтянул голенище сапог и, дразня ее, спросил:

– Скажите, барышня, как вам мои сапоги?

Под колесами автомобиля выстрелило, и машина запетляла по дороге.

– Похоже, приехали, – произнес водитель и, открыв дверцу, выбрался на дорогу.

Мимо них проскакали два всадника с винтовками за плечами.

– Махновцы! Кругом одни махновцы, все митингуют и митингуют. И главное – получается. Крестьяне двумя рука-

ми за батьку. Когда мы от них избавимся, один Бог знает.

Вскоре водитель поменял колесо, и они снова тронулись в путь.

Они дошли пешком до ближайшей деревни. По дороге их остановил конный разъезд махновцев и отобрал у них автомобиль. Горелов предъявил в ревкоме свои бумаги и потребовал лошадей. Дежурный по ревкому – солдат с рыжими усами сразу же заявил:

– Где я вам возьму лошадь? Вы что не знаете, что все люди сейчас в поле. Идите к махновцам, может, они вам лошадей найдут.

– Ты понимаешь, дурь деревенская, с кем ты говоришь? Я комиссар Горелов! Да я тебя к стенке за подобные слова!

Солдат ухмыльнулся.

– Вот сейчас смотрю я на вас товарищ комиссар и думаю, а чем вы лучше махновцев? Они оружием трясут, требуют сена для лошадей, вы грозите расстрелом... Ну нет у меня лошадей, неужели вам не ясно?!

– Нам нужна пролетка! – настойчиво твердил комиссар. – Или вы обеспечите нас транспортом, либо я вынужден буду арестовать вас.

– Сидите здесь, а я пойду, поищу...

В комнате стало тихо. Хорошо было слышно, как мухи бились о пыльные стекла запертых окон. На красивом, ин-

крустированном ценными породами дерева столе с залитыми чернилами стояла чернильная склянка с затычкой из газетной бумаги. По стенам помещения висели портреты Карла Маркса, Ленина и различные воззвания.

Горелов, уткнув бритый подбородок в поднятый воротник шинели, дремал в углу под портретом Урицкого. Желтели в полуоткрытом рту длинные зубы. Нина вышла на крыльцо. По горячей пыли бродили куры, из сверкавшей солнцем степи несло жужжание косилок. Водитель тоже вышел, закурил и умиленно произнес:

– Вот Нина видите, какой человек этот Горелов. В чем душа держится, а все туда. Его прислали из Москвы сюда на лечение, а он тут же запрягся в работу. Ты бы знала, какой он работник, какой организатор. Ты думаешь, он простит махновцам нашу машину – никогда. Он обязательно позвонит в Москву и доложит об этом случае.

– Москва – далеко, а махновцы – рядом. Они ведь тоже за красных.

– Знаешь, Нина, у Махно, как он говорит народная армия, в основном в ней крестьяне, то есть не сознательная часть, а у нас Красная армия, то есть пролетарская. В этом вся разница.

– Странно, когда большевикам нужны были союзники в борьбе с Деникиным и Врангелем, Махно был хорошим, а сейчас...

– У каждого дела есть начало и есть конец. Ты права, Мах-

но дрался за нас, а сейчас он против любой власти, в том числе и против советской власти, вот и выходит, что он из союзников превратился во врага.

– Как же так? – спросила она мужчину.

Он не ответил. На дороге показалась пролетка, на которой сидел мужик с лохматой бородой и с озлобленным лицом. Разбудив Горелова, они поехали дальше. Запыленное красное солнце склонилось к закату. Мимо них снова промчался отряд полупьяных махновцев, размахивающих шашками.

– Скажи, здорово вас обижают махновцы, – обратился Горелов к извозчику.

– Мужика всякий обижает. Все с нас тянут, что большевики, что махновцы. Все кричат о народе, но о народе и не думают...

– Какие вы мужики все близорукие, – обращаясь к Нине, произнес Горелов. – Не умеете вы нас ценить. Кабы не мы, по всей матушке-Руси шныряли бы вот такие шайки махновцев, петлюровцев и концу бы их царству не было.

– А что, они и при вас шныряют, а вы вот комиссары сидите смирененько и смотрите.

– Ничего мужик, скоро закончится их власть. Стянем мы сюда силы и прихлопнем их все одним ударом и махновцев и недобитых буржуев. Верь в это...

– А мне лично без разницы. Нагоните вы свои войска, а кто их кормить будет? Так что, нам мужикам без разницы кого кормить, большевиков или махновцев...

Мужик замолчал и, ударив кнутом по крупу лошади, погнал ее дальше по дороге.

Евгений Варшавский шел по улице города. В тот вечер ему почему-то особенно не хотелось возвращаться домой, а вернее на съемную квартиру, которую он снимал на окраине города. Неделю назад, возглавляемая им боевая группа из пяти офицеров, пустила под откос воинский эшелон, вывозивший из Крыма хлеб в голодающую Москву. Все одиннадцать вагонов сошли с рельс и, сложившись, как карточный домик повалились под откос. Побродив немного по улице Никольской, он свернул на площадь. Здесь митинговали. На сколоченную из горбыля трибуну один за другим поднимались выступающие люди. Прилично одетый господин, вскарабкался на трибуну и начал что-то громко говорить, вызвав у всех недовольные выкрики и свист.

Варшавский остановился и оглянулся по сторонам, стараясь отыскать молодого человека, который шел за ним уже двадцать минут. Не найдя его, он посмотрел на краснолицую женщину, которая бойко продавала жареные семечки, одновременно кокетничая с одноруким солдатом. Мимо него пронеслась босоногая стайка мальчишек с красными бантами на картузах. Не обращая ни на кого внимания, крутил ручку шарманки горбоносый старичок.

«Где же он? – подумал Варшавский, рассматривая стояв-

ших людей. – А, может, он передал меня своему сменщику. Если это так, то это значительно хуже. Этого я уже срисовал, а нового чекиста, я еще не видел».

Он вышел с площади и медленно побрел дальше. Второго чекиста он заметил лишь через три квартала. Мужчина лет двадцати пяти шел за ним, делая вид, что ищет нужный ему дом. Евгений остановился около тумбы и стал читать расклеенные на ней афиши. Взгляд его остановился на фильме с участием Веры Холодной. Он колебался недолго и, взглянув на своего сопровождающего, он отправился в кинозал. В фойе, несмотря на предупреждающую надпись, было сильно накурено. Респектабельные котелки соседствовали с голубоватыми студенческими фуражками, солдатскими папахами, с дамскими шляпками. После первого звонка, он прошел в зрительный зал. Чекист сел сзади него.

Одна за другой лампочки в зале начали гаснуть. Пианист, высокий худой блондин, заиграл марш. Вдруг свет снова вспыхнул. На авансцене стоял плечистый человек в зеленой гимнастерке, перетянутой светло-желтым ремнем. Он зычно выкрикнул:

– Граждане и товарищи! Попрошу приготовить документы. Проверка!

Публика недовольно загудела.

– Ищут кого-то, – догадалась пышная дама с большим бюстом.

К выходу, работая локтями, пробирались махновцы. Один

из них сильно толкнул Варшавского в плечо.

– Гражданин! Осторожней нельзя?

– Не видишь, что ли? Пропускай! – крикнул махновец молоденькому красноармейцу.

– Предъявите документы!

– Это еще, какие документы? – огрызнулся махновец. – Сейчас, как дам в глаз, сразу увидишь мой мандат.

– Документы! – строже повторил красноармеец, преграждая проход винтовкой.

Махновцы остановились. Один из них схватился за ствол винтовки.

– Ты что, год, измываться вздумал?! Прочь с дороги! – заорал махновец, страшно выкатив глаза. – Прочь с дороги, задавлю вот этими руками!

Засунув руки в карман, он прямо пошел на красноармейца. Жест его не сулил ничего хорошего.

– А, а, а, – закричала одна из женщин. – У них бомбы!

Кто-то выключил свет, и началась давка. Все бросились к выходу, работая руками и ногами. В темноте грохнуло несколько выстрелов, которые еще больше усилили панику. Варшавский, воспользовавшись всем этим, ринулся из зала. Ему удалось выбраться сначала в фойе, а затем людским потоком его вынесло на улицу. Он тут же метнулся в ближайшую подворотню, преодолел забор и выскочил на улицу. Остановив извозчика, он поехал домой.

Евгений подходил к дому, когда заметил молодого паренька, который сопровождал его еще утром. Дальше идти было опасно, похоже, чекисты уже знали, где он проживает. Варшавский торопливо свернул в первый, попавший по дороге переулок. Осмотревшись по сторонам, он направился в обратную от дома сторону.

– Гражданин! Остановитесь! – раздалось у него за спиной.

Евгений сжал рукоятку револьвера и, сделав вид, что это обращение не к нему, продолжил свой путь.

– Гражданин! Я к вам обращаюсь, остановитесь!

Варшавский остановился, взвел в кармане курок револьвера и медленно повернулся на голос. Позади него стояли два красноармейца с винтовками за спиной.

– Извините, у вас огонька не найдется? – спросил один из красноармейцев.

Евгений молча левой рукой, достал зажигалку и протянул ее бойцу. Тот закурил сигарку и вернул ее обратно хозяину.

– Спасибо, – поблагодарил ее красноармеец. – Скажите, вы здесь живете?

– Нет, я живу в другом месте. Здесь живет моя женщина.

– Вот слышишь, Гришка, как говорят господа, был у женщины. А ты все баба, баба...

Варшавский хотел развернуться и идти дальше, как один из бойцов предложил своему товарищу:

– Гришка, что-то мне не нравится этот офицер, может, от-

ведем его к чекистам, пусть проверят. Ты слышал, что говорил наш командир? Свили говорит здесь свое гнездо враги революции...

– Да какой я вам враг? – ответил Варшавский. – Посмотрите, разве я похож на врага?

– А черт тебя разберет, похож ты или нет? Пойдем, барин, пусть там решат, кто ты – друг или враг.

Евгений сделал вид, что подчинился требованию красноармейцев. Он прошел метров двадцать и вдруг неожиданно для них выхватил револьвер. Он увидел, как вздрогнул один из них, а затем, схватившись за живот, медленно повалился к его ногам. Второй боец, выронил винтовку и упал перед ним на колени.

– Не убивай! – прошептал он.

Варшавский поднял винтовку с земли и передернул затвор. К ногам выпал патрон. Он лежал в пыли, сверкая на солнце. Убедившись, что в винтовке нет патронов, он отбросил ее в сторону.

– Живи, – произнес он и побежал по улице.

Лишь когда он скрылся в одной из подворотен, красноармеец закричал. Он поднял патрон, передернул затвор и выстрелил в воздух. Минут через пять, около него оказались товарищи по службе.

– Ушел, гад! – произнес он со злостью. – Как я его не заметил. Он товарищ командир стрелял из кустов.

– Кто он? Махновец, офицер, уголовник?

– А, Бог его знает. Не рассмотрел я его... Уж больно все быстро произошло, – оправдываясь, произнес красноармеец.

– Куда он побежал? – спросил его командир.

– Куда, куда? Прямо...

Красноармейцы рассыпались в цепь и медленно побрели по улице.

У самого поселка, бричку, в которой ехали Горелов, Нина и Семен, перехватили махновцы.

– Документы, – потребовал один из них, что был в лохматой папахе.

Горелов с уверенностью человека, имеющего хорошие документы, небрежно протянул ему бумагу. Махновец начал читать по слогам:

– Политический комиссар. Выходит советчик. Нам такой документ не нужен. У нас нет никаких политических комиссаров. Я правду говорю, хлопцы?

Горелов насмешливо спросил:

– Это почему?

– Мы на вашу советскую власть плюем. Нам эти документы ни к чему.

– Тогда для чего вам наши документы?

– А ты, не шипи, как змея. Плюем мы на вашу власть. Мы только батьку Махно одного знаем. Он нам и приказал: «Бей

жидов, спасай Россию!» Что вам здесь нужно? Приехали сюда свои порядки устанавливать?

Он озорным взглядом посмотрел на Горелова.

– Что не нравится? – и как заученный, привычный всем лозунг, произнес, – Бей белых, пока не покраснеют, бей красных, пока не почернеют. Ты кто?

Горелов вспыхнул и резко ответил:

– Я тебе показал документ кто я! Чего тебе еще надо?

– Молчи! – произнес он и замахнулся на Горелова нагайкой. – Кто ты?

– Кто, кто? Коммунист!

– А ты кто такой?

Всадник улыбнулся.

– Да неужели ж сам не видишь? Русский, русский я! Не еврей и не комиссар! А ты, кто такая? Жидовка?

– Нет, я русская.... Разве не похожа?

Махновцы спешили и окружили повозку.

– Слезай! Все долой!

Горелов, сгорбившись и уткнувшись подбородком в воротник шинели, продолжал неподвижно сидеть. Вдруг взгляд махновца остановился на его носе и бледном лице

– Вы езжайте хлопцы, я здесь сам разберусь с этим комиссаром и его бабой...

Махновцы вскочили в седла и понеслись в сторону поселка.

– Ты..., – зловеще произнес махновец. – Поди-ка сюда,

жидовская харя!

Он достал из кобуры револьвер и, помахивая им, схватил Горелова за ворот шинели. Сидевший на бричке Семен, соскочил на землю и стелой помчался в придорожные кусты. Нина быстро переглянулась с Гореловым, и дальше все замелькало, сливаясь, как спицы в закрутившемся колесе. Горелов охватил сзади махновца и бросил его на землю. Нина соскочила с брички и, подобрав полы длинной юбки, бросилась на помощь Горелову. Махновец, словно лев, бился под комиссаром. Было сразу видно, что он гораздо сильнее напавшего на него человека. Рука с револьвером моталась в воздухе из стороны в сторону. Нина схватила руку, стараясь прижать ее к земле. Махновец изогнулся и сбросил с себя Горелова. Оттолкнув в сторону Нину, он поднял револьвер. Девушка схватила валяющийся на земле кнут и изо всей силы ударила им по руке махновца. Револьвер вывалился и утонул в дорожной пыли. Она успела поднять его раньше мужчины.

– Стой! – закричала она и направила оружие в грудь махновца.

Тот вздрогнул и с опаской посмотрел на девушку, в чей руке плясал револьвер.

– Не дури, барышня! Не дури!

Он отступил шага на два, готовясь к новому нападению. Нина повернулась к Горелову и в этот момент, махновец бросился на нее. Локоть его больно ударил ее с размаху в челюсть, а затем последовал удар в живот. Девушка упала.

Мужчина упал на нее и мертвой схваткой стал сжимать ее горло. Грохнул выстрел. Махновец глухо застонал, руки его ослабли. Нина вскочила на ноги и, подняв револьвер, выстрелила ему прямо в широкое, скуластое лицо. Он дернулся, как будто ожегся выстрелом, и, сникнув ее с себя, застыл в каком-то неестественном положении.

– Как вы? – обратилась она к Горелову, который с трудом поднимался с земли.

Он промолчал, словно, не расслышав вопроса, и отрешенно посмотрел на девушку.

– Вот и вы открыли счет загубленных жизней, – наконец произнес он. – Нужно уходить и уходить, как можно быстрее. Если они нас здесь застанут, порвут на куски. Он снял с убитого винтовку и забросил ее за спину. Опираясь на плечо Кати, они направились дальше, к поселку, до которого было уже не так далеко.

У «Астории» стояла телега, нагруженная печеным хлебом, а на горячих хлебах лежал в развалку ломовой извозчик. Мимо него равнодушно проходили люди. Нина вышла из гостиницы и, поправив шляпку, направилась на работу. На ее лицо еще оставались следы командировки, которые она пыталась спрятать под черной вуалью.

– Товарищ! Да что же вы такое делаете? Ведь вы ведь весь хлеб примяли, посмотрите, что с ним стало.

Мужчина смерил ее взглядом и сплюнул.

– А тебе то что, барышня? Вы слышали, поезд с зерном взорвали? Так что, люди сейчас любой хлеб с удовольствием съедят. Так, что проваливайте, барышня...

Около нее остановился автомобиль.

– Нина! Садитесь, – предложил ей Горелов. – Вы на работу?

– Да, – ответила девушка, садясь на заднее сиденье автомашины.

– Я вот на совещание еду, твоя бывшая подруга проводит. Ох, и злая она баба...

– Да, откуда она злая, товарищ комиссар. Я ее с детства знаю, женщина, как женщина...

– Плохо вы ее знаете, если говорите так. Она – зверь в юбке. Вы бы видели, что она творит над пленными казаками и офицерами. Страшно, даже мне хотя я видел многое в этой жизни.

Нина с удивлением посмотрела на Горелова.

– Крым мы начали штурмовать с двух направлений, – начал он издалека, – через Перекоп и через Сиваш. Перекоп штурмовали три волны. Первую волну составляли отряды батьки Махно. Она практически вся погибла. Вторая волна махновцев, встретив отчаянное сопротивление белых, стала отходить назад. Вот тогда, Катерина Игнатьевна и легла за пулемет. Она расстреливала каждого, кто поворачивал обратно к берегу. Сколько она там их положила, знает лишь

Бог.

Он остановился и сильно закашлял. Достав из кармана шинели носовой платок, он сплюнул в него. Катя успела увидеть кровавое пятно, прежде чем Горелов сунул его обратно в карман.

– Тут к ней подбегает командир полка и тычет ей в грудь, стволом нагана. Убью, кричит за своих хлопцев. Другая бы испугалась, а она достает из кобуры «Маузер» и хладнокровно стреляет ему в грудь. Вперед, командует и если кто из вас подлецов попытается повернуть назад, убью на месте. Только третья волна махновцев прорвала оборону белых на Перекопе.

Горелов замолчал и посмотрел на Нину, которая была в шоке от его рассказа.

– Надо же, – тихо произнесла она. – Откуда у нее такая жестокость...

Она зрительно представила бегущих назад людей и ливень свинца из пулемета Катерины, который сметает их.

– И еще. Ее наградили за успешный штурм Перекопа. Теперь она герой, первая женщина, награжденная орденом Боевого Красного Знамени. Сейчас она обратилась в Москву, требует от правительства какого-то решения в отношении частей батьки Махно.

– А какое здесь может быть решение? Батька ведь союзник Красной армии?

– Временный союзник, Нина, временный. Нельзя допу-

стить в Крыму двоевластия. Ты же сама видела, что творится на местах. Мы за власть рабочих и крестьян, а они, против власти. Так что расходятся наши с ними дороги.

Машина остановилась около здания, где работала Нина. Она, подобрав подол юбки, стала выходить из автомобиля.

– Погодите, Нина. Мне нужно с вами поговорить.

Они медленно направились вдоль бульвара.

– Нина, я не забыл, что вы спасли мне жизнь. Хочу ответить вам взаимно. ЧК разыскивает вашего брата – Евгения. Они подозревают вас, что вы помогаете ему скрываться от них. Вам грозит большая и вполне реальная опасность. Вам нужно срочно уехать из города. Надеюсь, что наш разговор останется тайной. Ваш брат является одним из организаторов белого подполья в Крыму.

– Как уехать? Куда уехать?

– Куда угодно: в Москву, Киев, Петроград. Главное подалее отсюда. Я вам все сказал.

Он повернулся и направился обратно к автомобилю, оставив Нину в полной растерянности.

Нина вздрогнула и посмотрела на двух вошедших в помещение мужчин. Один из них был одет в матросскую форменку, второй в кожаную куртку.

– Нам бы гражданку Варшавскую, – спросил тот, что бы в кожанке. – Как нам ее найти?

– Зачем вам она? – спросила сотрудница.

– Мы из ЧК, – ответил в форменке и оглядел помещение, в котором более пятнадцати женщин сидели за столами и работали. – Ты что, глухая? Давай, шевелись быстрее!

– Вон она сидит за последним столом слева...

Они, молча, направились к ее столу. Нина не сразу узнала в одном из них Леонида, старшего сына соседей. Она не видела его больше года. Он возмужал, разошелся в плечах. Лицо его рассекал сабельный шрам и, судя по его цвету, получил он этот удар не так давно. Он улыбнулся девушке и сел на стул рядом с ее столом.

– Узнала, Нина? – спросил он ее.

– Узнала, Леонид. Какими судьбами? Если скажешь, что искал меня – не поверю.

Он немного смутился и тяжело вздохнув, произнес:

– Врать не буду, Нина. Служба привела меня сюда.

Он посмотрел на своего товарища, словно советуясь, что делать с ней дальше.

– Вот получил приказ доставить тебя в областное ЧК, так что собирайся, поехали.

– Если вы хотите меня спросить в отношении брата, то я ничего не знаю. Я не видела Евгения больше чем полгода.

– Вот там все и расскажешь, если спросят.

Нина поднялась из-за стола и, убрав документы в ящик стола, направилась вслед за чекистами.

«Прав был Горелов, нужно было сразу уезжать из города,

а я направилась на работу, – подумала она, шагая в окружении мужчин. – Видно Евгений здорово им насолил, если они решили меня арестовать».

Она села в автомобиль и тот, чихая черными клубами дыма, медленно тронулся с места. В какой-то миг, страх сковал ее душу, но это продолжалось не долго. Туман страха редел в голове. Непонятно было, откуда взялась это предательская слабость в теле. Она посмотрела на Леонида. Тот сидел неподвижно, не обращая на нее никакого внимания. Красный свет заходящего за горы солнца, бросал на дорожные камни сквозь листья придорожных кустов неподвижно-черные узоры. Было тихо, только равномерный звук работающего двигателя нарушал эту тишину. Из-за поворота выскочило несколько всадников, и устремились вслед за автомобилем.

«Махновцы, – мелькнуло у нее в голове, – пытаются догнать автомобиль».

За спиной все нарастал яростное улюканье преследователей, а затем над головой засвистели пули. Леонид достал из кобуры «Наган» и сделал несколько выстрелов. Похоже, что он попал в кого-то из махновцев, так как они рассыпались по степи и снова открыли огонь из карабинов. Машина неожиданно резко вильнула в сторону и ударилась в камень.

– Уходим! – выкрикнул Леонид и, схватив Нину за руку, потянул ее в кусты.

Бежавший рядом с ними чекист в форменке, вдруг споткнулся и упал лицом вниз. Леонид нагнулся над ним, стара-

ьясь помочь ему подняться с земли, но вдруг резко отпрянул от товарища. Ладонь правой руки была красной от крови.

– Побежали! – произнес он. – Ему уже ничем не поможешь.

По лесу гулко раздавались мужские голоса, трещали кусты под копытами лошадей. Иногда, словно удар пастушьего кнута, по лесочку перекатывался звук выстрела, но это уже было в стороне оттого места, где они укрылись от погони.

Они вышли из леса и остановились на дороге.

– И что ты теперь собираешься делать со мной, Леня? Потатишь меня в ЧК на аркане или застрелишь меня прямо здесь?

Он немного помолчал, видимо прикидывая, как ему поступить с девушкой.

– Скажи, Леня, что случилось такого, что ты стал служить красным? Обида на царскую власть? Ведь вы жили достаточно хорошо – не голодали, ты окончил гимназию, поступил в технический институт. Что не дала тебе прежняя власть такого, что дала тебе новая – советская.

– Пойдем туда, куда направлялись, – произнес он. – Приказ, есть приказ. Ты и твой брат – Варшавский, никогда не поймете меня. Вы страшны тем, что у вас еще осталась идея, ради которой вы готовы отдать свою жизнь.

– Вот мы ехали, и я все думала, глядя на тебя, зачем вы

эту грязь разводите вокруг себя? Это хамство, это издевательство над людьми? Ведь такого циничного надругательства над жизнью никогда еще, нигде не было. Вы так все оставили, что только хамы и карьеристы могут идти к вам, и те, кому власть, как вино. И все человеческие слова отскакивают от вас, как горох от стены.

Он слабо усмехнулся и, остановившись на секунду, указал ей на дорогу.

– Удивительные вы люди, буржуа! Как ты не понимаешь, Варшавская, все кругом до самого основания изменилось. Все прежние отношения сломались, нет больше их, Нет! Раньше была, как ты говоришь, была светлая хорошая жизнь и ей якобы не давали развиваться маленькая кучка мерзавцев. Мерзавцев мы убрали, но жизнь пошла, как мы хотели. Неужели ты не понимаешь, что произошел взрыв, который никто не ожидал! Вся грязь полетела вверх, и огонь очищения запылал по нашей стране. Подумай, какие нужны были силы для такого взрыва, какая должна быть ненависть к вам....

Теперь уже она усмехнулась.

– Да, мы с тобой разные люди и говорим на разных языках, Леонид, – произнесла Нина. – Для вас главный вопрос, нужны эти люди, как ты говоришь буржуа, революции или нет. Раз, они не нужны, тогда и нечего с нами разговаривать. Все к стенке! У вас у чекистов страшная работа, голова пьянеет от власти и крови. Вы еще сами не знаете, сколько вас

таких, как ты исполнителей самих расстреляют.

Опять, в голосе Нины зазвучали митинговые ноты, как будто она говорила все это не ему, а невидимой и сочувствующей ей толпе. Девушка замолчала. Она огорченно опустила голову. Леонид поднял брови, почесал в затылке...

– Может, ты и права в чем-то, Варшавская. Кругом враги – махновцы, недобитые белые, буржуи. Как жить то? Я помню октябрьские дни в Москве. Теперь смешно даже вспомнить, как мы, интеллигенты, были мягкосердечны, как боялись пролить лишнюю каплю крови, как стыдились всякого лишнего орудийного выстрела, чтобы, упаси боже, не задеть купола храма Василия Блаженного или Ивана Великого. А солдатам нашим было совершенно непонятно, и они, конечно, были абсолютно правы... Что с тех пор произошло с нами, кем мы стали?

– Вот-вот и я об этом, – тихо произнесла Нина. – Сейчас вы утопили страну в крови, вы даже не заметили, как превратились в палачей своего народа.

Девушка замолчала, молчал и Леонид. Они медленно шагали по дороге.

– Ты знаешь, Варшавская, я сейчас живу в банкирском особняке. Так вот недавно мне попалась в руки книга Достоевского «Преступление и наказание». Полкниги солдаты выдрали на сигарки... Стал я читать. Смешно стало. «Посмею? Не посмею?». Сидит интеллигент и копается в душе у себя.

– Вот у тебя товарища сегодня убили, завтра тебя, и кто вас вспомнит, кто помянет?

Леонид замолчал. Впереди показались пригороды города. Нина сорвала несколько полевых цветов и, прижав их к груди, произнесла:

– Вот и город...

– Вот что, Нина. Я отпускаю тебя. Хоть ты и считаешь меня жестоким, но я не такой. Да среди нас много морфинистов, кокаинистов, это естественно для нас. Не каждому такая работа по плечу. Но выбора нет. Вспомни об этом, когда тебя захлестнет ненависть к нам. Домой не возвращайся...

Нина остановилась посреди дороги. Ей очередной раз здорово повезло в этой жизни.

Фитилек в стакане с лампадным маслом тускло освещал милую, знакомую до боли, закоптелую кухню. Нина, с голыми руками и плечами, сидела на табурете и рассказывала матери о своей схватке с махновцем. Мать, слушая ее, перевязывала ей ободранную о ветви руку. Анна Ивановна ахала и любовно смотрела на дочь в свои круглые очки.

– Нина, Нина, – тяжело вздохнула мать, – видел бы тебя отец. Война не женское дело. Значит, Ленька теперь у красных служит, в ЧК.

– Да, мама, там.

В глазах Анны Ивановны мелькнул какой-то беспощад-

ный огонек. Она прошла по кухоньке и с недоброю улыбкой переспросила Нину:

– Значит в чекистах ходит?

– Ах, оставьте его мама, пусть служит, где хочет. Спасибо, что хоть отпустил, не довел меня до ЧК.

– Марию то давно видела? – спросила ее мать.

– Дня за два до ареста.

– Смелая она девушка. Рассказывали мне, что когда она работала учительницей на донецком руднике, она публично не подала руки врачу, присутствующему при смертной казни. Говорили, что ее за это уволили и выслали куда-то на север. Интересно Мария служит у махновцев. Что же, и теперь она не подает руки людям, причастным к казням мирного населения?

– Ну, мама, я не хочу с тобой об этом говорить...

– Почему же не поговорить о ней... вы ведь раньше были подругами. Надо же, как жизнь изменилась: одна соседка политический комиссар у красных, другая у махновцев. Похоже, мир сошел с ума.

– Мама! Вы все на кухне и на кухне. Отчего вы не переберетесь на летнюю половину дома?

– А там, дочка, красноармейцы – пограничники живут. Как отец погиб, так они сразу и заняли весь дом. С мезонина глядят в подзорную трубу на море. Беда с ними, Нина. Воруют кур, колют балясины от террасы, рубят деревья. Что им стоит сходить в горы и набрать хворосту? Ведь круглые сут-

ки ничего не делают. Нет, лень. Вчера два табурета сожгли...

Нина вдруг вспыхнула.

– Так нужно их начальнику заявить об этом безобразии!

Анна Ивановна усмехнулась.

– Говорила. А он мне: представьте с поличным, я такого расстреляю. И ведь, правда, расстреляет. Жалко, он же за табурет убьет человека.

Они сели за стол и стали ужинать. Ужин был как никогда – скудный. Маисовая каша без масла. Хлеба не было.

– Как ты здесь живешь мама, с кем встречаешься?

– У нас новый председатель ревкома. Прежнего председателя выгнали за пьянку и за то, что в нем практически отсутствовала местная беднота. Теперь в ревкоме главный человек – Гребенкин. Ох, свиреп! Первым делом он выселил из дома графиню и разместил в ее доме ревком. Отобрал у всех состоятельных людей коров, лошадей, завладел всей их одеждой. Сейчас раздает все это бедным мужикам.

Она замолчала и посмотрела на дочь, которая внимательно слушала последние местные новости.

– Да и местные мужики то стали такими настойчивыми. Таскают людей в ревком по самым пустяковым поводам. Многие так отъелись, что не узнать. Им сейчас все равно, как мы живем.

Разговор прервал инженер Заботин – высокий, с большим кадыком на чахоточной шее. Увидев Нину, нахмурился. Немного поколебавшись, протянул ей руку.

– Какими ветрами? – спросил он девушку. – Говорят, служишь большевикам?

– Вот приехала навестить маму...

Не получив ответа на второй вопрос, он развернулся и вышел с кухни.

Жаркое солнце заливало землю. Воздух словно смеялся, лаская своими порывами бирюзовое море. Не верилось, что скоро наступит осень. Откуда-то издали доносились голоса мужчин, которые о чем-то спорили между собой.

Варшавский сидел за столом и чистил свой наган. На диване сидел бывший прапорщик и тихо перебирал струны гитары. В дальнем углу зала, двое резались в карты.

– Прапорщик! – обратился к нему Евгений, – Вы, что мучаете гитару? И так на душе тоскливо, а вы еще...

Он не договорил, так как в комнату вошла молодая женщина, одетая в черное платье.

– Господа! – обратилась она к ним. – Литерный состав уходит сегодня в двадцать два часа. Охрана восемь человек.

– Противно, господа, – произнес Варшавский. – Вам не кажется, что мы потихоньку начинаем превращаться из борцов с красными, в каких-то обыкновенных уголовников. Не знаю, как вам, но мне противно. Мне бы сейчас сотню казаков, я бы им показал, как нужно сражаться.

– Да бросьте, поручик, какая разница, кто сейчас мы. Ру-

ководство подполья считает, что мы не должны дать возможность красным вывести из Крыма ценности. Вы все когда-то присягали на верность царю и отчеству, так и нужно следовать присяги и не столь уж важно, в какой форме это будет. Нам нужны деньги, на которые мы сможем купить оружие необходимое нам для борьбы.

Все подошли к столу, на котором была разложена карта.

– Состав остановится на этой станции, – произнес мужчина среднего роста, с большой лысой головой. – Вы поручик и вы прапорщик войдете в вагон как чекисты, якобы для проверки состояния груза. Вот получите мандат, он настоящий, так что вопросов не будет. Думаю, что с охраной сложности не будет...

– Как сказать, господин Кирилов, – ответил Варшавский. – Их восемь, нас двое.

– Неужели вы испугались, господин поручик?

– Нет, господин Кирилов, просто не хочется глупо умирать...

В комнате повисла тишина. Все смотрели на него. Варшавский открыл портсигар и, достав папиросу, закурил.

– Что вы предлагаете в этом случае?

– Проникнуть в вагон на ходу. Это первое. Во-вторых, усилить группу, как минимум на два человека. Все это, мы должны будем сделать до этой станции, – произнес Варшавский и ткнул пальцем в карту. – На станции всегда много народу и случае неудачи, нам из поезда просто не выбраться.

– Я должен согласовать ваши предложения с руководством подполья. Вы, наверное, и сами догадываетесь, что это вопрос не одного часа.

– Хорошо, господин Кирилов, мы подождем. У нас еще в запасе несколько часов.

Кирилов надел шляпу и направился к двери.

– Господа, – обратился Варшавский к присутствующим мужчинам, – нужно собираться. Проверьте оружие... Сбор через час у Черепанова.

Черепанов Сергей Леонидович был обычным путевым обходчиком. Работал он в этой должности уже не первый десяток лет. Дом его, находился недалеко от железной дороги и утопал в это время года, в зелени. Два года назад, его единственный сын погиб в бою под Царицыном от руки красного кавалериста и где сейчас его могила, Сергей Леонидович не знал. Рассказал ему об этом товарищ сына, который по ранению, вернулся домой. Через год после смерти сына, он схоронил жену, которая не могла перенести это горе. Каждое воскресенье он ходил в небольшую часовенку и молился за упокой убиенных воинов и за жену, с которой прожил около тридцати лет.

В тот вечер он был дома, когда в дверь кто-то осторожно постучал.

– Кто там?

Он подошел к двери и отодвинул в сторону засов. В комнату вошли четыре человека. Судя по их выправке, это были офицеры.

– Добрый ночи, – произнес один из них.

– Добрый, – нехотя ответил он. – Что вам нужно от меня?

– Да не тряситесь вы от страха, мы от Кирилова.

По лицу Черепанова пробежала едва заметная тень сомнения.

– Так и будем стоять или вы предложите нам присесть? – произнес все тот же человек.

Судя по всему, он был командиром этой небольшой группы офицеров.

– Нас интересует литерный состав. Мы хотим попасть на него. Скажите, где и как нам это сделать?

– Я не знаю, как это сделать. Поймите меня, я лишь путевой обходчик.

По лицу офицера пробежала тень гнева.

– Выходит вы смирились со смертью вашего сына. Он дрался геройски с большевиками и погиб, как герой. А вы выходите, испугались и смирились с режимом большевиков. Вот что делает время с людьми. . . . Вот сейчас у вас есть возможность отомстить за смерть сына, но вы, похоже, не желаете это сделать. Вам дороже селедка с хлебом, чем память о сыне. Тогда извините нас, мы просто ошиблись, рассчитывая на вашу помощь.

– Погодите, господа. На перегоне Бурдяева – Выселки со-

ставы, как правило, тормозят. Там крутой поворот и машинист из-за этого поворота не видит, что творится позади состава. Вы там легко сможете запрыгнуть на ходу в состав.

Варшавский пристально посмотрел на Черепанова. Под его взглядом, обходчик словно сжался в маленький серый комочек.

– Спасибо за помощь. А сейчас вы поедите с нами и покажете этот участок.

– Хорошо. Поехали.

Они вышли из дома и сели в бричку, которая ожидала их за углом дома. Извозчик ударил лошадь плетью и та, словно дремавшая до этого момента, дернулась крупом и понесла их в ночь. Минут через сорок, Черепанов велел извозчику остановить пролетку.

– Вот где-то здесь, господа, – произнес он. – Литерный состав не большой, всего пять или шесть вагонов. Вы должны успеть запрыгнуть, больше подобных участков нет. Приходит состав на станцию в три утра. То есть у вас всего чуть больше трех часов.

– Спасибо, – поблагодарил его Варшавский. – Надеюсь, вы доберетесь самостоятельно?

– Да, – ответил обходчик и, развернувшись, исчез в темноте.

– Господа, приготовьте оружие. Пленных не брать...

Тишину ночи разорвал гудок паровоза, который словно ножом прорезал темноту ночи и вынырнул из леса. Черепанов был прав, скорость состава была не столь большой, и им удалось без труда запрыгнуть на него. Евгений достал из кармана шинели револьвер и посмотрел на прапорщика, который держал в руках гранату.

– Ну, с Богом, прапорщик, – произнес он и, открыв дверь, направился вдоль вагона.

Варшавский знал, что ценности везут в шестом купе и поэтому, он сразу же направился именно туда. Он на какой-то миг остановился, увидев, что ему навстречу движется красноармеец с чайником в руке.

– Кто вы? – успел спросить он, прежде чем Евгений выстрелил ему в грудь.

Выстрел прозвучал так сухо, что его никто не услышал. Перешагнув через тело, Евгений открыл дверь купе. За столом сидело пять красноармейцев, которые пили самогон. Не говоря не слова, Евгений стал их расстреливать из револьвера. У Варшавского закончились патроны. Один из охранников вскочил с полки и попытался дотянуться до кобуры с револьвером. Поручик попятился назад, но в это время за его спиной грохнул выстрел. Охранник, схватившись за простреленную грудь, с грохотом повалился на грязный пол вагона.

– Спасибо, прапорщик. Вы спасли мне жизнь, – произнес Евгений. – Где еще двое? Их должно быть восемь человек!

Они пересчитали шинели, которые висели в купе. Их было восемь. Варшавский присел полку и посмотрел на прапорщика.

– Сейчас придут, – произнес он и стал снаряжать барабан револьвера патронами. Прошло минут пять, когда дверь купе широко раскрылась, и в ней показались двое красноармейцев. Евгений нажал на курок. Через мгновение все было кончено. Он поднял полку, под ней находилось три баула с ценностями.

– Берем и быстро уходим, – приказал он прапорщику.

Груз оказался довольно тяжелым. Они с трудом донесли его до тамбура.

– Зови на помощь! – приказал он прапорщику.

Тот быстро исчез за дверью. Через минуту в вагон вошли еще два офицера.

– Господа! В баулах, похоже, золото и камни. Думаю, что их нужно сбросить с поезда. Вслед за каждым баулом, прыгает кто-то из вас. Сейчас ночь и это очень опасно, можно разбиться или серьезно покалечится. Кто первый?

Первым вызвался прыгать прапорщик.

– С Богом! – произнес Варшавский и сбросил в темноту первый баул.

Вслед за ним спрыгнул прапорщик. Насколько был удачным его прыжок, тогда никто не мог судить.

– Теперь вы, Ульяновцев.

Офицер перекрестился и посмотрел на Варшавского.

– С Богом! – произнес Евгений и положил свою руку на плечо офицера.

Вслед за баулом в темноте исчезла и фигура Ульянцева. Евгений посмотрел на оставшегося офицера.

– Григорий, твоя очередь.

– Может вместе?

– Нет и ты, знаешь почему. Так, что с Богом.

Григорий обнялся с Варшавским и шагнул к открытой двери, из которой доносился стук колес. Еще раз, взглянув на Евгения, он столкнул баул ногой и прыгнул. Оставшись один, поручик вновь вернулся в купе, в котором вповалку лежали убитые им красноармейцы. Он посмотрел на часы, до станции, было, еще минут сорок. Он прошел в тамбур и открыл дверь. В лицо ударил холодный ветер с запахом сгоревшего в топке угля. Он наклонился между вагонами и стал отцеплять вагон. Подняв голову, он увидел удаляющийся состав. Теперь настало его время. Он оттолкнулся и прыгнул.

Нина шла по улице, на которой еще валялись убитые. Кругом запекавшаяся кровь, винтовочные и пулеметные гильзы. Дворники мели улицы, сжигая в кучах мусора обрывки каких-то бумаг и документов. Улицы города пусты, только редкие прохожие, по случаю большой надобности, выходят во дворы и стремятся, как можно быстрее скрыться от суровых глаз красноармейцев, которые прочесывали дом за домом в

поисках махновцев. Проходя мимо одного из домов, Нина увидела, как из подъезда красногвардейцы вывели трех человек. Судя по их одежде и внешнему виду, один из них был офицер.

– Что остановилась? – спросил ее красноармеец и ударом штыка в грудь, добил раненного мужчину. – Давай, гражданочка, проходи.

Это бы сказано так обыденно, словно он добивал раненых каждый день. Нина вздрогнула, увидев около стены с десятков убитых мужчин и женщин. Похоже, их просто расстреляли у этой стены, так как она была вся в крови. Накануне, красноармейцы начали зачистку города от махновцев, которые стали попираť советскую власть в этом небольшом приморском городке. Руководила этой операцией Катерина.

– Красноармейцы! Сегодня решается судьба Советской власти в Крыму! Махновцы и белогвардейское подполье посчитало, что они могут творить здесь безвластие, подменять все государственные органы. Не бывать этому! Советская власть не для того освобождала Крым от этой белой сволочи, чтобы передать его бандитским частям батьки Махно. Сейчас от вас и только от вас зависеть, чей будет Крым – наш или батьки Махно. Вы помните, как мы поступали с офицерами и казаками, все правильно, мы их просто уничтожили. Так пусть же не дрогнет ваша рука и сегодня!

На окраине города завязался бой. Это передовые части Красной армии столкнулись с разъездом махновцев. Бойцы

батьки ударили по наступающим красноармейцам из пулеметов. Красные цепи залегли.

– Подавите пулеметы, – приказала Катерина командиру полка. – Вы что не понимаете, как это нужно сделать. Где ваши броневики? Почему они не поддерживают наступающих бойцов?

– Махновцы окопались у жилых домов, можем зацепить мирных жителей, – ответил командир полка.

– Это война, а на войне жертвы неизбежны. Командуйте, а иначе...

Рука Катерины потянулась к кобуре. Командир полка развернулся и побежал в сторону ординарца, который придерживал коня под уздцы. Вскочив на коня, он галопом помчался к небольшому лесочку, где стоял броневики. Через несколько минут броневики двинулись в сторону пригорода, поливая перед собой из пулеметов. Этой атаке было достаточно для того, чтобы тачанки махновцев бросив позиции, рванулись в сторону города.

–Вперед! – закричала Катерина и, размахивая маузером, бросилась вперед.

Цепи красноармейцев, словно стали маленькие ручейки большой реки, стали растекаться по улицам и переулкам города. То там, то здесь слышались выстрелы, и трудно было понять, кто и в кого стреляет. Красноармейцы врываются в дома граждан, выталкивали из них мужчин, которых под конвоем вели к зданию исполкома. Тех, кто оказывал сопро-

тивление, расстреливали прямо на месте.

Когда первые группы красноармейцев достигли центра города, с чердака одного из домов ударил пулемет. Бойцы сначала попятились назад, но под кинжальным огнем пулемета, бросились бежать. А пулемет все бил и бил, словно старался выплеснуть наружу все, что скопилось у пулеметчика за все время красного нашествия. Вскоре на площадь выкатил броневик. Он остановился, словно стараясь понять, что здесь происходит, а затем двинулся в сторону дома, из которого вел огонь пулеметчик. Броневик ударил по чердаку из своих пулеметов, заставив стрелка замолчать. Из парадного подъезда выскочил мужчина, одетый в офицерский френч и швырнул в бронированную машину гранату. Раздался сильный взрыв. Броневик окутался черным сначала черным дымом, а затем появились рыжие языки пламени, которые стали жадно пожирать металлический корпус машины.

Катерина опустила бинокль, через который она наблюдала за поединком бронированной машины и человека. Что-то больно ударило в ее сердце, ведь в этом человеке она узнала Евгения Варшавского.

– Найдите этого человека, если даже вам придется перевернуть этот город вверх тормашками! Вы меня поняли? – произнесла она, обращаясь к начальнику городского ЧК.

– Все понял.

– Скажу вам больше, это Варшавский, непримиримый враг советской власти.

.... Евгений забежал в арку и, сбросив офицерский френч, остался в нательной рубашке. Сунув револьвер в карман галифе, он направился по известному лишь ему адресу. Поручик подошел к окну и тихо постучал. В комнате погас свет, и занавеска слегка отодвинулась в сторону.

– Поручик! Заходите, – услышал он женский голос.

Он прошмыгнул словно тень в открытую дверь.

– Как я рада, что вы живы, – произнесла женщина и повернула фитиль в керосиновой лампе. – Как вам удалось уцелеть в этой мясорубке? Да вы не стойте у двери, проходите.

– Еще в доме кто-то есть? – спросил женщину Варшавский.

– Нет. Я никого не жду.

Евгений прошел в зал и сел за стол.

– Я только до утра, а там уйду. Меня будут искать....

Женщина посмотрела на него и прошла в другую комнату.

– Вот одежда моего мужа, вам нужно переодеться.

– Спасибо, – коротко поблагодарил он ее и стал быстро переодеваться.

Женщина вышла на кухню и, судя по звону посуды, доносившейся оттуда, готовила чай.

– Евгений! Вы встречались с Григорием? Он один из вашей группы, который бесследно исчез после вашей акции с ценностями. Неужели он погиб?

– Не думаю, что он погиб. Скорей всего подался за кордон.

– Вот оно офицерское благородство, стянуть деньги, предназначенные для борьбы с советской властью.

Варшавский замолчал. Его насторожили шаги за окном. Он посмотрел на женщину и, достав из кармана револьвер, прижался к стенке. В окно кто-то тихо постучал.

– Откройте, – произнес Евгений.

Хозяйка подошла к двери и скинула крючок. В прихожую вошел священник.

– Отец Константин? – произнесла женщина. – Что произошло?

– В городе идут аресты. ЧК ищет какого-то Варшавского. Заметив Евгения, священник замолчал.

– Откуда вы знаете о Варшавском?

– Они уже провели обыск у меня и в храме.

– Присаживайтесь отец Константин. Хотите чая? – поинтересовалась у него Мария Федоровна.

– Не откажусь.

Подобрав рясу, священник сел за стол и разгладив руками бороду, перекрестился.

– Что делается на белом свете? Никакого покоя. Рубят друг друга союзники, не могут поделить власть на полуострове. Сегодня на моих глазах махновец застрелил человека. Просто так, был пьяным... А к вечеру его зарубил красный конник. Народ божий превратился в мусор, который никому не нужен.

– Мария Федоровна, Я хочу покинуть ваш гостеприимный дом. Где мои вещи?

– Что вы, Евгений. За окном ночь...

– Вот и хорошо.

Варшавский прошел вслед за хозяйкой дома, в комнату. Она потянула за кольцо, которое едва заметно выделялось на полу, и открыла подпол.

– Все там, – тихо произнесла она.

Евгений достал из углубления саквояж. Открыв его, он достал гранату и сунул ее в карман галифе.

– А теперь, прощайте Мария Федоровна. Бог даст, еще увидимся, а если не приведется, не поминайте лихом.

Он накинул на плечи пиджак и, взглянув на женщину, направился в прихожую.

Вечер выдалась теплым. Ветер с моря надул тучи, которые заволокли все небо. В город въехала тачанка и направилась к центру города. Заметив патруль, тачанка остановилась.

– Браток! Как проехать к ЧК? – спросил одного из патрульных мужчины.

– Езжай прямо, как проедешь площадь сворачивай снова налево, там метров сто. Большое белое здание – это и будет ВЧК.

– Спасибо, – поблагодарил мужчина и направился к тачанке.

Он сел в тачанку и посмотрел на товарища, который, молча, набивал пулеметную ленту патронами.

– Ты слышал? – спросил мужчина, поправив на себе кожанку.

Тот кивнул головой и стегнул лошадь кнутом. Тачанка с шумом двинулась в сторону ЧК.

– Порфирий! Я один зайду в здание, вы меня прикрываете.

– Варшавский! Может, я пойду вместо тебя? – произнес мужчина, закончив набивать пулеметные ленты.

– Нет, Порфирий, у меня с ними свои счета. Как-нибудь в следующий раз. Война еще не закончилась.

Евгений подумал о сестре. Два дня назад он встречался с ней ночью. Его мать скончалась от тифа, и он пришел проститься с ней. Днем этого было сделать нельзя. ЧК узнав о смерти его матери, устроила засаду у них дома.

– Нина! Ты должна уехать отсюда, – произнес он, покидая дом. – Здесь они не оставят тебя в покое.

– И куда же мне ехать, Женя?

– Куда угодно, только подальше отсюда.

– Я не хочу.

– Нина! Ты не маленькая девочка. Катерина не даст тебе жить в Крыму.... Пойми меня, я просто боюсь за тебя.

– А как же ты, Женя? По твоим пятам идет ЧК?

– За меня не беспокойся. Я выполняю свой дог перед отчизной. Я офицер и никто не снимал с меня выполнения

той присяги, которую я давал. Завтра совершу казнь. Я убью Председателя Крымского ревкома Бела Куна.

– Но это же, верная смерть, – произнесла Нина и на глазах у нее заблестели слезы.

– Женя! Одумайся! Убийство одного человека не остановит красный террор.

– Может, ты и права, Нина. Но, я думаю, что такие люди не должны жить на этой земле. Ты знаешь, что по его приказу убивают десятки офицеров и казаков. Эти люди поверили Фрунзе, его заверениям об амнистии.... Мне тоже предлагали зарегистрироваться в исполкоме, но я отказался делать это. Те, кто зарегистрировался и встал на учет, уже мертвы.

Они обнялись и стали прощаться. Каждый из них хорошо знал, что эта встреча была последней в их жизни. Варшавский сел в бричку и махнув ей на прощание рукой, тронул извозчика за плечо. Экипаж тронулся с места и быстро исчез за поворотом улицы.

Тачанка остановилась. Евгений посмотрел по сторонам. Улица была пуста. Он поправил кожанку и медленным шагом направился к подъезду двухэтажного здания, около которого стоял часовой. Он достал из внутреннего кармана куртки мандат и протянул его часовому. Судя по лицу мужчины, по тому, как он шевелил губами, Варшавский сделал вывод, что последний не слишком силен в грамотности.

– Начальник у себя? – спросил он часового, который судя по лицу, еще не успел дочитать документ.

– Да, – коротко ответил часовой и вернул Евгению документ.

Он прошел мимо часового и, войдя в небольшой холл, направился на второй этаж. Остановившись напротив кабинета начальника ЧК, он взвел курок револьвера и лишь только после этого постучал в дверь.

– Заходи! – раздался мужской голос из-за двери.

Варшавский толкнул дверь и оказался в небольшом кабинете, который занимал начальник ЧК.

– Что у вас? – спросил Евгения мужчина, сидевший за столом.

– Представитель 13-ой армии Новиков, – представился он. – У меня пакет для Бела Куна.

Начальник ЧК оторвался от бумаг и посмотрел на посетителя. У него было крупное лицо, покрытое множеством следов от оспы, его черные усы делали его лицо воинствующим.

– Вы опоздали, товарищ Новиков. Председатель Крымского ревкома выехал минут тридцать назад.

– Как же так? – с горечью в голосе, произнес Варшавский. – У меня письмо от Фрунзе.

– Ничем помочь не могу, товарищ Новиков.

Евгений стоял, не решаясь покинуть кабинет. Он еще не решил, что ему делать в этой ситуации. Начальник ЧК вновь взглянул на него, не понимая, почему этот человек еще до сих пор находится в его кабинете. Варшавский вытащил из кармана револьвер и направил его на хозяина кабинета. Вар-

шавский, хорошо видел, как побелели губы начальника ЧК. Он хотел что-то сказать, но из горла его вырвался лишь рык.

Пули ударили в грудь мужчины. Его зеленая гимнастерка покрылась темными пятнами. Падая, он сбил письменный прибор, который с грохотом упал на пол.

В кабинет заглянул совсем молодой парнишка. Увидев тело начальника ЧК, лежавшего в луже крови, он побледнел. Он перевел свой взгляд с тела чекиста на Евгения и, заметив в его руке револьвер, все понял. Он хотел закричать, но выстрел Варшавского, оборвал его на первой ноте. Он быстро подошел к столу и, собрав все лежавшие на столе документы, сунул их в портфель, который лежал на стуле. Перешагнув через его тело юноши, он вышел в коридор. Евгений шел по коридору и, стреляя в каждого, кто попадался ему навстречу.

Он спокойно прошел мимо часового и сел в тачанку. Порфирий взглянул на него и сразу все понял.

– Гони! – спокойно произнес Варшавский и молча, стал перезаряжать свой револьвер.

Из здания ЧК выскочило челока пять красноармейцев, которые бросились в сторону тачанки.

– Держи их! – закричал пожилой красноармеец и выстрелил в них из винтовки.

Пуля обожгла щеку Евгению. Порфирий нажал на гашетку пулемета. Длинная очередь буквально скосила всех крас-

ноармейцев. Тачанка неслась по улицам городка, поливая из пулемета всех, кто хотел ее остановить. Наконец они выскочили из узких городских улиц и лошади, словно почувствовав степной простор, помчались еще быстрее.

– Неужели ушли? – спросил Порфирий Варшавского. – Похоже, Бог у нас с тобой на нашей стороне. Рисковый вы человек, поручик.

– Кто не рискует, тот не знает вкус победы. Рано нам с тобой радоваться. Наверняка, сейчас красные устроят за нами погоню....

Словно в подтверждении его слов позади их в небе вспыхнула ракета.

– Вот видишь, Порфирий, рано еще говорить об удаче.

Тачанка, словно, вихрь летела по степи, поднимая за собой клубы пыли.

– Они, наверняка, постараются отрезать нас от дороги, – произнес Евгений. – Думаю, что нам не прорваться в Колай.

– Что ты предлагаешь? – спросил Варшавского Порфирий.

Молчавший все это время извозчик неожиданно для них предложил повернуть в сторону города.

– Они думают, что мы вырвались их города, а мы вернемся обратно. У меня есть один адресок на окраине, думаю, что в приюте нам не откажут.

– Хорошо, – согласился с ним Евгений. – Давай, разворачивай....

Они проехали еще километра два, когда их тачанку остановил разъезд красных.

– Кто такие? – спросил их кавалерист, на пританцовывающей лошади.

– Из штаба 13-ой армии с пакетом, – ответил ему совершенно спокойно Варшавский. – Вы кто такие в такое время в степи?

Кавалерист не ответил на вопрос Евгения.

– Вам не попадалась по дороге тачанка? – спросил их снова кавалерист.

– Попадалась. Они свернули в сторону Колай. А что случилось?

– Белая сволочь застрелила начальника ЧК и наших товарищей.

– Зверствует белое подполье, – произнес Евгений.

Кавалерист промолчал и, махнув нагайкой, разъезд рысью направился в сторону населенного пункта.

– Что дальше? – спросил извозчика Варшавский. – Давай, поехали в твой адресочек.

Тачанка свернула в небольшой переулок и вскоре остановилась около ворот. Извозчик соскочил с козел и громко постучал в них.

– Амвросий! Открывай, свои!

Они въехали в большой двор. К ним подошел мужчина небольшого роста с редкой седой бородой. Они обнялись, и он повел гостей в дом.

Бела Кун сидел и молча, слушал доклад заместителя руководителя ЧК. Доклад изобиловал различными версиями произошедшего, но не давал реального результата розыска преступников, совершивших дерзкий налет на здание ЧК.

– Меня не интересуют ваши версии, важен результат. Вы хоть понимаете политический вызов, который бросили нам в лицо эти враги революции? Похоже, вы это еще не поняли, товарищ. Если они посчитали устроить эту бойню в сердце ЧК, то выходит, все наши жертвы положенные на щит революции бесполезны. Нужно срочно провести зачистку города, всех буржуев, офицеров, казаков и тех, кто припеваючи жил при старом режиме мы должны поставить на учет, а затем ликвидировать. Вам это понятно?

По лицу заместителя руководителя городского ЧК пробежала какая-то тень. Он был явно не доволен репликой Бела Куна. Он сам был из бывших сотрудников полиции и поэтому все, что было связано с прошлым, вызывало у него своеобразное отторжение.

– Я вас хорошо понял, – ответил, глядя в лицо Бела Куна. – Мне непонятно лишь одно, мы ищем исполнителей или нам важно уничтожение враждующих нас классов?

Из-за стола поднялась Катерина Игнатьевна, которая до сих пор, молча, слушала эту полемику.

– Спорить здесь не нужно. Я полностью поддерживаю сло-

ва Бела Куна. Хочу привести цитату вашего непосредственного руководителя Лациса. Он сказал следующее: «Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить, – к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом – смысл и сущность красного террора». Как много в этой цитате, она полностью определяет деятельность ЧК в поиске виновных в этом убийстве.

Она окинула взглядом кабинет наполненный руководством области и города. Все сидели, молча, уставившись, кто в пол, кто отрешенно смотрел в окно кабинета. Лицо Катерины покраснело, словно кто-то ударил ее по лицу. Сверкнув глазами, привыкшая к публичным выступлениям, она заговорила. Ее слова, словно гвозди, впивались в головы сидевших представителей советской власти в Крыму. Послушайте, что сказал Ленин:

«Сейчас в Крыму 300 000 буржуазии. Это источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим».

Это он сказал, выступая 6 декабря 1920 года на совещании московского партийного актива. Вот этими директивами мы и должны руководствоваться в нашей борьбе с мировой бур-

жуазией. А на мое приглашение в Крым товарища Троцкого, последний открыто мне заявил: что он приедет в Крым лишь тогда, “когда на его территории не останется ни одного белогвардейца. Пока мы не уничтожим наших врагов, мы так и будем нести потери от их вылазок. Кто-то хочет еще выступить товарищи?

Она посмотрела в зал. Делегаты молчали. Зная крутой нрав Катерины, многие предпочли молчание, спору с ней.

– Что молчите? – обратилась она к ним. – Может кто-то из вас против политики партии, товарища Ленина и Троцкого?

В зале стало тихо так, что было слышно, как на улице переговариваются извозчики, ожидая своих руководителей.

– Пусть прольется море крови, которая очистит Крым от всякой буржуазной и белогвардейской нечестии!

– А что делать с махновцами, вы не сказали. Они тоже наши враги?

По лицу Катерины пробежала едва заметная ухмылка.

– Махновцы, это тоже враги нашего с вами советского государства.

Зал загудел. Заместитель начальника ЧК поднял руку, гул стих.

– У кого еще есть вопросы? Если нет, то все свободны.

Зал наполнился шумом. Все покидали его с новыми установками партии.

Утро выдалось туманным. На землю пала обильная роса. Евгений проснулся от какого-то непонятного для него предчувствия беды. Он осмотрелся по сторонам. Недалеко от него на полу спал Порфирий. Из его широко раскрытого рта доносились звуки, похожие на рык зверя. Варшавский спустился с печи и, шлепая голыми ногами по полу, подошел к ведру. Он зачерпнул ковшом воду и посмотрел в окно, за которым жена хозяина дома доила корову.

«А она намного моложе мужа», – подумал он.

Взгляд его скользнул по ее белым бедрам, сильным рукам и остановился на ее лице.

«Симпатичная женщина, – подумал он. – Если ее приодеть, будет выглядеть даже ничего».

Словно устыдившись своих мыслей, он развернулся и, повесив ковш на гвоздь, вернулся обратно в горницу. Он снова лег, но вскоре понял, что заснуть не может. Он сел за стол и начал чистить свой «Наган». Он сам не понял, но почему-то подумал о Катерине.

«Как же так, из такой милой и кроткой девочки она превратилась в кровавого палача. Я же хорошо помню, как она плакала над умирающим котенком, которого подстрелил из рогатки мальчишка из соседнего двора.

– Не плачь, Катя, он не умрет, я это знаю.

– Как не умрет?

– Его нужно отнести к Гавриловым. Он врач, он лечит животных.

Котенок все же умер. Сколько было слез. А сейчас она свободно убивает людей....».

От воспоминаний оторвал его хозяин дома, который вошел в горницу.

– Ваше благородие, кони накормлены, – доложил он Варшавскому.

– Спасибо, Мартын. Сегодня мы уйдем.

– Я вас не гоню, ваше благородие. Живите....

Евгений улыбнулся.

– Говорят, что это вы кончили главного чекиста города. Это правда?

Варшавский не ответил. Он привычными движениями пальцев заполнил барабан револьвера патронами и крутанул его. Убедившись в том, что оружие исправно, он велел поднимать извозчика и Порфирия.

Хозяин дома во время завтрака предложил им остановиться в Преображенском мужском монастыре.

– Настоятель монастыря отец Михаил. Он всегда был против большевиков и поэтому он не откажет вам в приюте. Передадите ему привет от меня. Как-никак родственники мы с ним.

– Спасибо, Мартын.

В дверь дома кто-то громко постучал. Хозяин отодвинул занавески и посмотрел в окно.

– Что тебе нужно, Васек? – открыв окно, спросил он белобрысого мальчишку, что стоял около двери.

– Дядя, Мартын! Чекисты и милиция обыскивает дома, – громко произнес он.

– Спасибо, Васек, – ответил хозяин дома, закрывая окно. – Ваше благородие! Уходить нужно, чекисты и милиция обыскивают дома.

Евгений быстро натянул на ноги сапоги и посмотрел на Порфирия, который стоял около двери.

– Уходим! – произнес Варшавский. – Спасибо вам за приют.

Он вышел во двор, где извозчик уже запрягал лошадей в тачанку. Порфирий установил пулемет и вынес из сарая еще три коробки с пулеметными лентами.

– Открывай ворота! – крикнул извозчик хозяину дома.

Тачанка вылетела со двора и, подняв в воздух дорожную пыль, помчалась по улице.

– Стой! Будем стрелять! – закричал красноармеец, выскочивший из ворот соседнего дома.

Он вскинул винтовку, но пуля Евгения, сбила его с ног. Винтовка вылетела из его рук и упала на землю. Он еще сделал два или три шага и повалился на дорогу, разбросав руки словно крылья. Сзади хлопнуло несколько выстрелов, но остановить мчавшую тачанку они не могли. Тачанка огрызнулась пулеметной очередью и помчалась дальше.

Отец Михаил облачался. Сегодня ему предстояла служба

Божия и проповедь, как водится. Монастырь у него был довольно скромным, монахи все разошлись еще в 1919 году. Сейчас его паства была столь малочисленная, что он порой вел службу для двоих или троих прихожан, жителей небольшой деревни, которую сожгли наступающие красноармейцы. Тем не менее, к проповеди отец Михаил готовился заранее. Он всегда знал, что говорить прихожанам, что они хотят услышать от него. Он просто выходил к людям, из глубины его памяти выплывала, как старый деревянный парусник, цитата из Святого Писания, которая тут же рождала слова, которые словно горный поток, нес поток изречений неизвестно откуда взявшийся. Отец Михаил верил, что слова эти исходят из Царства Небесного, из Божьих помыслов. Сегодня у него возникло чувство, что эта проповедь будет последней проповедью в его жизни. Самой последней. Он задумался и застыл: «А кто вообще понимает мои проповеди? Кто-нибудь понял хоть одну из них? Или все они прозвучали в пустоту и не коснулись душ, молящихся здесь людей? Сам виноват – люди понимают то, что просто, сказал бы им, что нужно меньше пить, не нужно грешить, а ты им, старый дурак, о человеколюбии, о душе человеческой, забираешься в дебри богословия и дремучий лес психологии... Нет, зря ты жизнь прожил, Михаил, зря...». Еще он вдруг подумал, что он уже очень стар, как этот мир стар. Пора ему уже на погост. Пора.

Услышав за окном кельи цокот копыт, отец Михаил вы-

глянул в окно. Во двор монастыря въехала тачанка.

«Кто это и с какой целью? – подумал он, поправляя крест на груди. – На красноармейцев они не похожи, особенно тот, что по моложе двух других. Судя по выправке – офицер».

Он спустился вниз и направился в сторону гостей, которые продолжали стоять посреди двора и рассматривать монастырские постройки.

– Здравствуйте, батюшка, – произнес Евгений, направляясь навстречу настоятелю. – Я вам привез привет от вашего родственника – Мартына. Он велел кланяться вам.

– Спасибо, гости дорогие. Как он там?

– Как и все сейчас.

Они отошли в сторону от тачанки, с которой Порфирий стал снимать пулемет.

– Вы надолго? – спросил настоятель Варшавского.

– Нет. Дня на два не более. В городе чекисты устроили облавы, вот нам и пришлось перебраться куда-нибудь оттуда. Скажите, батюшка, а красные к вам часто навещают?

– Бывают, не часто, но бывают. Приедут, бывало, обшарят обитель и укатят. Вот на той неделе были, все ищут заговорщиков....

Варшавский улыбнулся.

– Порфирий, установи пулемет на колокольне, – приказал ему Евгений.

Отец Михаил с осуждением посмотрел на него и отвернулся в сторону. Он явно не одобрял решение этого молодого

го офицера.

– Что вы так на меня смотрите, батюшка?

– Вот смотрю, вроде бы сражаетесь за веру, а сами что творите? Пулемет на колокольню... Бога не боитесь?

– Сейчас уже нет, отец Михаил. Бог примет всех убиенных....

Настоятель перекрестился.

– Принять примет, а вот дальше всех расставит в разные стороны. И в какой стороне стоять будете вы, этого пока никто не знает....

К Евгению подошел Порфирий с двумя коробками пулеметных лент и вопросительно посмотрел на него.

– Это тоже туда...

– Вы на службе будете? – спросил его настоятель.

– Наверное, нет. Боюсь, что своим присутствием могу навлечь на вас беду. Время сейчас такое...

Отец Михаил развернулся и направился в храм. Проводив его взглядом, Евгений подошел к тачанке и, откинув мешковину, взял в руки ящик с гранатами и понес его на колокольню. Варшавский спустился с колокольни вниз и, перекрестившись, вошел в храм.

Поручик лежал на жестком топчане. Ему почему-то не спалось в эту ночь и это не потому, что ложе было жестким и не удобным, его по-прежнему не покидало предчувствие на-

валившейся на него беды. Почему-то перед его глазами стоял ноябрь 1918 года.

Пленные красноармейцы стояли на изрытом взрывами поле. Над головами пленных дрожал прозрачный пар дыхания. Штабс-капитан Иванов со стеклом в руке, озабоченно поглаживая русые усы и небритый подбородок. Он ходил между пленными, словно разыскивал среди этой толпы, скованной страхом смерти, кого-то знакомого. Наконец он становился напротив одного из пленных. Босой красноармеец, в измятой шинели, поднялся с травы, со страхом, исподлобья посмотрел на белого офицера.

– Из какой губернии? – спросил его штабс-капитан.

Рослый парень, серый с лица, зябнувший от страха и ожидания своей участи, глухо ответил. Иванов стал его о чем-то расспрашивать вполголоса.

– Капитан! Ты что ему отходную читаешь? – спросил офицера Варшавский.

Наверно, это были самые простые вопросы, которые задавал красноармейцу Иванов: о деревне, земле, бабе, стариках. Евгений хорошо помнил, как менялось лицо красноармейца. Оно посветлело, на нем вдруг заскользил какой-то непонятный ему добрый свет. Пленный улыбнулся.

Капитан слегка коснулся стеклом его плеча, точно посвящая пленного в достоинство честного солдата.

Выстрел прозвучал как-то неожиданно. Красноармеец словно переломился пополам. Фуражка слетела с его головы

и покати́лась по мерзлой земле.

– За что ты его? – спросил Иванова Евгений.

– Ты не поверишь, его отец служил у нас на мельнице.

– И что?

– Он мне рассказал, как плакала и визжала моя сестра, когда они ее насиловали.

Штабс-капитан замолчал и посмотрел на пленных.

– Они здесь все такие, Варшавский.

– Ты что надумал, Иванов?

Он плечом отодвинул от пулемета солдата и, заправив ленту, повернул его в сторону пленных. Первой очередью он скосил передний ряд красноармейцев. Толпа сначала отпрянула назад, а затем устремилась на них, давя своими ногами раненых и мертвых. Ударило еще два пулемета. Вскоре все было кончено. Солдаты, молча, добивали раненых штыками.

– А вы поручик мягкотелый. Похоже, что эти скоты еще никого не тронули из вашей семьи. У меня они вырубili всех: мать, отца и младшего братишку. Пришли ночью и стали грабить. Представьте себе, банально грабить. Ведь их вождь открыто провозгласил лозунг – грабь награбленное барахло.

Капитан замолчал и, достав из портсигара папиросу, нервно закурил.

– Я видел, Варшавский, что ты не стрелял. Почему? Жалко? Погоди, тебе еще станет стыдно за свою слабость. Вот придут они к тебе домой, и порубят всех твоих, отберут

дом...

Евгений тогда еще не совсем понимал штабс-капитана Иванова, но это с ним вскоре прошло, после Ростова, где красноармейцы расстреляли всех пленных офицеров и казаков. После пережитого, он словно потерял чувство жалости и сострадания. Именно тогда, под Царицыно, когда красные утопили в Волге около двух тысяч раненых и пленных, он понял одно, что в этой войне не может быть сострадания и жалости, здесь правило лишь одно – или ты его, либо они тебя.

Где-то недалеко залаяла собака.

«Откуда здесь собаки? – подумал Варшавский. – Я здесь не видел ни одного пса».

Он встал с топчана и подошел к окну. Густой и плотный туман висел над землей и не позволял поручику разглядеть идущую к монастырю дорогу. Он вышел из кельи и направился в другой конец коридора, где находилась келья Порфирия.

– Вставай, похоже, красные у монастыря. Я на колокольню...

Он заскочил к себе и, схватив кожанку, направился на колокольню. Теперь он уже отчетливо слышал не только скрип подвод, но и отдельные голоса красноармейцев. Лучи солнца, словно волшебные иглы прошили молочный туман, а легкий ветерок разорвал его на клочья и понес его в низину. Красных было не так много, человек сорок от силы. Они еще

вечером зачистили Кузьминку и сейчас гнали перед собой с десяток крестьян и офицеров, которые по всей вероятности пытались отсидеться в этом селе.

Евгений заправил в пулемет ленту и стал наблюдать за красноармейцами через прицел пулемета. Двое конных подсккали к воротам монастыря и стали громко стучать. Из спального корпуса вышел отец Михаил и направился к воротам. Он снял засов и широко распахнул ворота.

Громко цокая подковами по выложенному камнем двору монастыря, в ворота въехал молодой всадник. Грудь его была затянута ремнями. Лицо командира было как у всех, солдатское, скуластое. На лице его было нечто скрытое и вместе отвратительное, смесь подбострастия и подлости, наглости и жадной вседозволенности. Он ловко спрыгнул с коня, и демонстративно ударив ногой по глинищу сапога, подошел к настоятелю монастыря.

– Как дела, черный ворон? Кого в этот раз прячешь в своих кельях?

– Никого. Здесь лишь православные....

– А ну-ка ребята поскребите по сусекам....

Несколько человек бросились в спальный корпус, держа винтовки наперевес. В какой-то момент Евгений понял, что от желания открыть огонь у него судорогой свело пальцы рук, лежащие на пулеметной гашетке. Он попытался разжать

пальцы, но они словно приклеенные, отказывались ему подчиняться.

Варшавского отвлек крик. Из дверей спального корпуса красноармейцы волоком тащили за ноги извозчика, все лицо которого было залито кровью.

– Товарищ командир, – произнес один из красноармейцев, что был в буденовке, – ты только посмотри, кого вы отловили? Наверняка беляк!

– К стенке всех! – громко скомандовал командир отряда. – Отсюда путь к Богу намного короче!

Красноармейцы штыками и прикладами вытолкнули к стене человек десять двенадцать, среди которых было несколько человек в офицерских кителях.

– А с этим что делать? – спросил все тот же красноармеец, показывая рукой на отца Михаила.

– Его тоже туда же! – приказал командир. – Пусть будет проводником у заблудших божьих овечек!

Он громко засмеялся и посмотрел на небо, с которого словно слезы, закапали первые капли дождя.

– Не тяните! – произнес командир.

Человек десять красногвардейцев выстроились в ряд, перед стоящими у стены людьми.

– Приготовится! – выкрикнул солдат в буденовке.

Сухо щелкнули затворы винтовок, но залпа не последовало. С колокольни ударил пулемет. Несколько красноармейцев повалились на землю, так и не поняв, что произошло.

Евгений снова прицелился и, найдя глазами командира, направил ствол пулемета в его сторону. Короткой очередью он буквально перерезал его тело пополам. Командир сполз по стенке, оставив на ней словно свою роспись, кровавый след.

Потеряв командира, красноармейцы словно потеряли смысл в сопротивлении. Первыми это поняли пленные офицеры. Они, подняв валяющиеся на земле винтовки, начали расстреливать обезумевших от страха красных. Бой разорвался на мелкие стычки. То там, то здесь вспыхивали перестрелки, которые заканчивались полным поражением бойцов Красной армии.

Варшавский спустился с колокольни и, держа в руках «Наган», направился к группе офицеров, которые собрались на небольшой площадке посреди двора.

– Позвольте представиться. Поручик Варшавский.

Офицеры один за другим стали представляться.

– Спасибо, поручик, – стали благодарить его офицеры.

– Господа! Я уверен, что каждый бы из вас поступил также на моем месте. Что думаете делать дальше, господа офицеры?

Единогласного решения он не услышал. Евгений хорошо понимал внутреннее состояние каждого из них. Сейчас, когда не стало Белой армии, их уже ничего не держало в Крыму, ни присяга, ни приказы командующего армией.

– Вы свободны в своих решениях господа. Я в отличие от вас, складывать оружие пока не собираюсь. Пока есть сила в

этих руках, я буду воевать с красными.

Евгений обернулся. К нему направлялся извозчик.

– Ваше благородие, что будем делать с этими? – произнес он, показывая на трупы мертвых красноармейцев.

– Погрузите на подводы и захороните в каком-нибудь овраге.

– Господин поручик! Я тоже хочу сражаться с красными, – произнес совсем молодой офицер. – Позвольте мне следовать с вами.

Варшавский посмотрел на него и слегка обнял его за плечи.

– Хорошо, прапорщик....

Вскоре монастырский двор опустел. Вдали виднелась та-чанка, которой управлял Порфирий.

Нина открыла глаза и, увидев мужчину, который шарил рукой в сумке спящей соседки, вздрогнула.

– Вы что делаете? – громко спросила она у мужчины.

– Молчи, барышня, пока я не разрисовал твое лицо, – еле слышно прохрипел он и, достав из кармана нож, показал его девушке.

Она толкнула в бок женщину и когда та открыла глаза, произнесла:

– Вот этот мужчина что-то искал в вашей сумке.

Вор улыбнулся Нине и став с места, направился в дальний

конец вагона. Женщина, открыв сумку, стала что-то искать в ней. Похоже, не найдя то что искала, женщина закричала на весь вагон:

– Караул! Обокрали! Держите вора!

Женщина кинулась вслед за мужчиной, но тот быстро спрыгнул из вагона. Женщина вернулась вся в слезах.

– Что я скажу мужу? – произнесла она и снова горько зарыдала. – Да, я буквально задремала.... Что же ты дочка его не остановила?

Нина промолчала, ей не хотелось оправдываться перед этой женщиной. Паровоз пронзительно засвистел. Пуля ударила в окно чуть выше головы девушки, угодив лежавшему на верхней полке мужчине в голову. Она посмотрела в окно. Вдоль поезда мчалась группа коников, стреляя по вагонам из револьверов и обрезов.

– Бандиты! – закричал кто-то из пассажиров, вызвав этим криком настоящую панику.

Пассажиры стали вскакивать со своих мест и бросились к выходу из вагонов. Паровоз опять загудел, в этот раз его гудок больше напоминал стон больного человека. Состав дернулся и стал тормозить. Многие пассажиры не удержались на ногах и словно кули повалились на пол. Где-то рядом захлопали выстрелы. Нину подхватил людской поток и понес ее к выходу.

– Что у тебя в бауле? – спросил ее мужчина в надвинутой почти на глаза папахе. – Открывай, вытряхивай!

Он нагнулся и стволом револьвера стал рассматривать ее вещи.

– Вот это оставь, а остальное можешь складывать обратно, – приказал он ей.

Девушка, молча, выполнила его команду. Сложив вещи в баул, она направилась в сторону вагона. Она направилась обратно в сторону вагона, обходя стороной разбросанные на земле вещи: белье, какие-то не совсем понятные ей вещи. Кругом стояли крики, кто-то кричал, требуя отдать баул или чемодан, другие кричали и умоляли бандитов не отбирать у них последнее. То тут, то там слышались выстрелы. Неожиданно Нину остановил голос мужчины, который подъехал к ней на коне.

– Поехали со мной, красавица! Не пожалеешь, – предложил он ей. – У меня большой дом, крепкое хозяйство. Заведем детей....

Нина посмотрела на него, отметив про себя, что он внешне выглядит неплохо. Ему было лет двадцать пять, хорошо сложен. Из-под кубанки выбивался русая прядь волос. Она улыбнулась ему, так была несколько удивлена столь неожиданному для нее приглашению.

– А что у столь гарного хлопца нет дивчины? Есть все, кроме дивчины?

– Ты права, дивчина. У меня есть все, а вот любимой нет.

– Неужели влюбился? Впервые увидел и влюбился?

– Да. А разве так не бывает в жизни?

– Может и бывает. Простите, хлопец, но не могу. У меня мать больная в Киеве...

Всадник улыбнулся. У него оказалось очень красивая и обворожительная улыбка.

– А если я вас сейчас украду, – произнес он, гарцуя рядом с Ниной.

– Степан! Иди же помогай укладывать вещи. Хватит обхаживать барышень!

Он еще раз улыбнулся, девушке и, стеганув плеткой коня, помчался в сторону, где человек десять укладывали на подводы, отобранные у пассажиров вещи. Нина зашагала быстрее, так была напугана словами этого молодого красивого бандита. Она забралась в вагон и села возле окна, наблюдая, как бандиты продолжали обирать пассажиров поезда. Одна из женщин схватила за край мешка, стараясь вырвать его из цепких рук бандита. Тот поднял револьвер и выстрелил женщине в лицо.

«Что делается на белом свете, – подумала она. – Когда это все закончится?»

Поезд еще простоял на перегоне минут сорок, а затем словно проснувшись, протяжно загудел. Звонко ударились чугунные буфера, поезд дернулся и стал медленно набирать скорость.

Отряд поручика Варшавского тихо вошел в село. Он еще

утром от разведчиков узнал, что в населенном пункте остановилась небольшая часть красноармейцев из подразделения особого назначения, которая занималась продрозверсткой. Задача красноармейцев была довольно простой это изъять из крестьянских запасов излишки зерна. Крестьяне хорошо знали, что красноармейцы забирали все зерно, что находилось в крестьянских амбарах и поэтому, многие из них предпочитали сгноить зерно в ямах, чем отдать его советской власти. Отряд у Варшавского был небольшим все-то в тридцать сабель. Это позволяло ему наносить колющие точные удары по таким же небольшим красным гарнизонам.

Евгений стоял около коня, держа его под уздцы, ожидая сигнала разведчиков, которые выдвинулись в сторону села около часа назад. К нему подскакал казак и вскинул руку для приветствия.

– Ваше благородие! Все тихо, часовые сняты.

Он вскочил на коня и громко скомандовал:

– По коням!

Выхватив из ножен шашку, Варшавский первым ворвался в село. Где-то совсем рядом хлопнул выстрел, затем второй, скоро все это превратилось в настоящие звуки боя, которые перемещались к центру села. Из-за забора, держа винтовку в руках, выскочил красноармеец в белом нательном белье. Увидев конника, он поднял винтовку и выстрелил в него. Пуля просвистела рядом с ухом Евгения. Он хотел еще раз выстрелить, но удар шашки поручика расколол его голо-

ву, словно спелый арбуз. Красноармеец схватился за голову и повалился на землю.

Красноармейцы засели в доме, который раньше принадлежал приказчику помещика Семенчука и, установив пулемет, не давали возможности атаковать их в лоб.

– Степан! – подозвал Варшавский казака, который лежал у плетня и вел огонь из карабина по окнам дома. – Нужно запалить дом, а иначе мы их оттуда не выбьем.

– Есть поджечь дом, – ответил казак и пополз в сторону дома.

Пулеметная очередь легла в метре от его головы.

– Огонь по окнам! – скомандовал Евгений и несколько раз выстрелил в окно, из которого бил пулемет. На какой-то момент огонь красных ослабел, и это позволило Степану преодолеть еще несколько метров. Пулемет красных словно проснулся и новая очередь, подняв дорожную пыль, легла впереди, ползущего к дому казака.

На востоке заалела заря. Где-то на окраине село закричал полусонный петух. Из окон дома вырвалась вспышка, а затем прогремел взрыв. Это Степан бросил гранату в открытое окно дома. Варшавский и несколько его человек бросились к дому. Вскоре все было кончено. Пленных отряд не брал.

– Молодец, Степан! – поблагодарил его Евгений. – А сейчас, передай сельчанам, пусть забирают обратно хлеб.

Минут через тридцать отряд покинул село. Варшавский оглянулся назад. Над селом стоял черный столб дыма. Это

горел дом помещика Семенчука, подожженный кем-то из его казаков. Евгений хорошо понимал, что его очередная акция вызовет очередную попытку красных уничтожить его отряд. Так оно и случилось.

..... Катерина Игнатьевна нервно бросила трубку на рычаг телефона, услышав об очередной акции поручика Варшавского. Открыв дверь, она громко выкрикнула фамилию вестового, которого не оказалось на месте. Через минуту, вестовой буквально влетел в кабинет.

– Срочно найди начальника ВЧК и командира полка. Через полчаса я жду их у себя в кабинете.

Вскоре началось совещание. Катерина Игнатьевна стала отчитывать начальника ВЧК в том, что тот не в состоянии уничтожить белогвардейский отряд поручика Варшавского.

– Мне только что сообщили, что банда Варшавского совершила налет на село Мальцево. Весь наш отряд, направленный туда для выполнения плана продрозверстки погиб. Крестьяне растащили весь собранное ими зерно. Сколько вам нужно времени для уничтожения этих бандитов?

Начальник ВЧК поднялся из-за стола и посмотрел на заместителя председателя Крымского ревкома, глаза которой метали молнии.

– Как минимум две недели, – ответил тот.

– Что? Вы понимаете, что вы говорите? Если вы не в состоянии выполнить подобное поручение ревкома, так и скажите. Я буду звонить в Москву Якову Петерсу, пусть он тогда

решает эту задачу! – чуть ли не закричала на него Катерина.

– Зачем же сразу Петерсу? – произнес начальник ВЧК. – Думаю, что мы и без него здесь справимся.

– Даю вам трое суток, – жестко произнесла заместитель председателя Крымского ревкома. – Трое суток и не более. Вам поможет кавалерийский полк Нежданова. Вопросы есть?

Вопросов не было все встали, молча, расходиться.

Отряд Варшавского третьи сутки уходил от погони. Красные висели на хвосте отряда и не давали ему возможности ни отдохнуть, ни оказать помощь раненым. Впереди показался небольшой лес, который, как посчитал Евгений, мог дать им временное убежище. Углубившись в лес, отряд остановился около большого и глубокого оврага.

– Прапорщик! Выставьте боевое охранение, а остальным отдыхать! – приказал поручик.

Уставшие от столь длительного перехода люди, буквально повалились на землю. Вскоре, все погрузились в сон. Евгения разбудили выстрелы, которые гремели совсем рядом с их стоянкой. Он залег за пулемет. Через минуту-другую он увидел свое боевое охранение, которое ведя огонь из винтовок, отходило к оврагу.

– Красные! – закричал прапорщик и, схватившись за прострелянную грудь, повалился в траву.

– Занять оборону! – выкрикнул Варшавский и, заметив среди деревьев фигуры красноармейцев, открыл по ним огонь из пулемета.

Пули словно остро отточенные косы срезали тонкие деревья, срезали ветви, прижимая атакующую цепь красных к земле. Огонь пулемета поддержали винтовочные залпы, выбивая из людской цепи целые бреши. Наконец красные, не выдержав огня обороняющихся офицеров, стали отходить назад.

«Что делать? – размышлял Варшавский, лежа за пулеметом. – Сейчас они предпримут новую атаку и постараются выдавить нас из леса. Если это произойдет, то в поле они просто порубают их всех».

Между деревьями снова показались красноармейцы. В этот раз они атаковали своеобразно, подковой, охватывая отряд с флангов. Евгений развернул пулемет и первой же очередью срезал несколько человек. Один из красноармейцев швырнул в его сторону гранату. Она ударилась в дерево и отскочила в сторону. Ее взрыв сразил еще двух красноармейцев. Со стороны красных ударили два пулемета. О бронированный щиток его пулемета ударило несколько пуль, которые с визгом ушли куда-то вверх.

Евгений оглянулся назад. Несколько человек из его отряда были уже на дне оврага и стали пытаться подняться из него на противоположную сторону. Раздался взрыв гранаты, и они попадали замертво на дно оврага.

«Выходит, окружили, – подумал он. – Сейчас перегруппируются и ударят снова. Чем их встречать, патронов осталось еще минут на десять хорошего боя».

Расстреляв очередную пулеметную ленту, Евгений двинулся в сторону красных. Этот план у него родился спонтанно. Он дополз до места, где недавно брошенная граната красноармейца посекала своих товарищей. Отбросив в сторону свою фуражку, он быстро стянул с себя офицерский китель и швырнул его в кусты. Сняв с красноармейца гимнастерку, он надел ее на себя. Намазов свое лицо кровью убитого, он надел на голову буденовку и лег рядом с телами убитых им красноармейцев. Потому, как редко раздавались выстрелы, он понял, что его отряд полностью истреблен красными. Прошло минут двадцать прежде, чем он услышал голоса бойцов, которые прочесывали лес, добывая раненых белых офицеров.

– Гаврилов! Посмотри, сколько здесь наших они накрошили, – произнес один из красноармейцев, становившись рядом с Варшавским. – Надо будет направить сюда подводу, чтобы собрали тела.

– Понял, товарищ комиссар. Сейчас пришло....

Вскоре подъехала телега. Двое мужчин преклонного возраста стали грузить трупы красноармейцев. Один из них подошел к Евгению.

– Посмотри, этот кажется еще живой. Что будем с ним делать?

– Клади его поверх тел. Пусть Настя посмотрит, что с ним....

Они с трудом забросили в телегу Варшавского. Ударив лошадь кнутом, они двинулись из леса.

***.

В то утро атака Корниловского полка, в составе которого воевал Евгений Варшавский, мгновенно опрокинула красных. Откатившись до вокзала, красные перешли в контратаку, но их погнали снова. Сотня, которой командовал Варшавский, одной из первых оказалась на железнодорожных путях, на которых под парами стояло два состава. Из вагонов, словно из порванного мешка, как горох, посыпались красноармейцы.

– Руби их! – громко скомандовал Евгений и, выхватив из ножен шашку, первым помчался на врага.

Несмотря на то, что красные превосходили его сотню в несколько раз, организовать оборону они не смогли и стали легкой добычей кавалерии. Остановить это побоище смог лишь броневик красных на борту, которого белой краской было написано «Товарищ Артем». Первой же пулеметной очередью он свалил на землю несколько конников.

– Спешиться!

Казачьи отряды открыли по броневикам огонь из винтовок. Варшавский буквально нырнул под вагон. Он побежал вдоль стоявшего железнодорожного состава. Остановившись, он увидел

броневик, который вел огонь по белым.

«Сейчас я тебя достану», – подумал Евгений, доставая из кармана галифе гранату.

Он снова нырнул под вагон и, сорвав чеку, швырнул гранату под колеса броневика. Яркая вспышка на какой-то миг ослепила его. Колесо броневика отлетело в сторону, а сама бронированная машина завалилась на бок. Поручик вскочил на поверженную им машину и открыл люк. Водитель всем телом навалился на руль. Из его разбитой головы текла кровь, смешанная с мозгами. Рядом с ним на сиденье находилась молодая красивая женщина, которая по всей вероятности была пулеметчицей. Светлые густые волосы женщины были в крови.

– Добей! – прошептала она.

Рука Варшавского державшая револьвер дрогнула.

– Живи, – прошептал он и спрыгнул на землю.

Ему подвели его коня и он, вскочив в седло, повел сотню дальше на Харьков. Сейчас он смотрел на женщину, которая склонилась над его головой, смывая с его лица запекшую кровь. Неожиданно ее рука дрогнула.

«Похоже, узнала, – подумал он. – Что делать?»

Женщина пристально посмотрела на Варшавского.

– Живи, – тихо произнесла она.

Она бросила мокрую тряпку в таз и неторопливо, отошла в сторону. Евгений сполз с телеги и направился в сторону, где стояли кони красноармейцев. Он быстро вскочил на коня

и, натянув поводья, ударил его каблуками сапог. Конь взвился на дыбы и словно выпущенная из тугого лука стрела, помчался по степи.

– Стой! Буду стрелять! – выкрикнул выбежавший из кустов ему наперерез молодой человек в буденовке на голове.

Евгений ударил его ногой в грудь. Сзади послышались винтовочные выстрелы. Пули, словно крупные шмели, загудели у него над головой. Одна из них ударила его в ногу, заставив поручика вскрикнуть от сильной, пронизывающей все тело, боли. Он чуть не свалился с коня и поэтому, чтобы удержаться в седле, крепко схватился за конскую гриву.

Конь словно почувствовав боль своего хозяева, сбросил скорость бега. Евгений оглянулся назад, погони за ним не было.

Варшавский открыл глаза.

«Где это я?» – подумал он, снова теряя сознание.

Сколько он был без сознания, он не знал. Почувствовав на губах влагу, Евгений открыл глаза. Перед ним стояла молодая женщина с чашкой в руке.

– Где я? – спросил он ее.

– Не беспокойтесь, вы у друзей. Мы вас подобрали в поле и привезли ко мне.

– Как давно я у вас?

– Шестой день. Вы все это время были без сознания, бре-

дили. Как сказал Михаил Иванович, у вас серьезное ранение бедра. Я бы тоже хотела знать, кто вы?

– Я офицер армии, которой уже нет. Фамилия моя Варшавский, зовут Евгений.

– Вот мы с вами и познакомились. Меня зовут Лизой.

Лицо Лизы стало расплываться в глазах поручика. В комнату вошел мужчина и посмотрел на женщину.

– Насколько я понял, он представился вам, Лиза?

– Да. Он офицер....

– Вы слышали приказ Крымского ревкома? Власти приказывают сообщать о местах, где укрываются офицеры и казаки. Как бы вы голубушка не пострадали из-за своей жалости.

– Кроме нас с вами, о нем никто не знает.

– Как знать, как знать, дорогая. Все в руках Бога.

Доктор забрал свой саквояж и направился к выходу из дома. Евгений заснул, Он спал словно ребенок, улыбаясь и почему-то чмокая губами. Ему снился его уже покойный командир полка.

– Вот вы и убиты, господин поручик... вот и убиты.... А вы такой хороший, гордый...

– Я вам отдаю своего Георгия, господин полковник. Мне теперь совсем не страшно, совсем.... Посмотрите, я смеюсь, ваше превосходительство!

Лиза сидела около кровати, слушая шепот этого незнакомого ей человека. За окном дома прошла колонна красноармейцев.

Мы наш, мы новый мир построим,

Кто был не чем, тот станет всем...

Пели бойцы не стройно, и поэтому песня звучала как-то не естественно и фальшиво. Она поднялась со стула и закрыла окно. Глядя на заросшее бородой лицо этого человека, она хорошо понимала, что ей грозит, если чекисты обнаружат его у нее дома. Евгений застонал и открыл глаза.

– Вам плохо? – поинтересовалась она у него.

– Да сон нехороший видел, будто расстреливать меня повели.

– Евгений! Можно поинтересоваться у вас? Что будет, если вас схватят красные?

Он усмехнулся.

– Меня сразу же поставят к стенке, без суда и следствия. Уж больно много я насолил этой власти, Лиза.

– Почему вы не ушли за кордон?

– Вы же тоже не ушли. Я давал присягу, Лиза, сражаться за родину до последней капли крови. Эти большевики, в отличие от меня, не любят нашу Россию, они продают ее по частям. А, я за единую и неделимую Россию....

Он улыбнулся женщине.

– Скажите, Лиза, а где ваш муж?

Она не ответила и, судя по ее глазам, в которых заблестели слезы, он понял, что мужа у нее уже нет.

– Они убили его, – тихо произнесла женщина. – Он был директором гимназии, учил их детей, а они взяли и убили....

Евгений положил на ее кисть свою ладонь. Лиза вздрогнула и посмотрела на него.

– У меня тоже красные убили отца. Он был врач, лечил людей.... Мать умерла, а где сейчас моя сестра – Нина, я не знаю. Жива она или нет, один Бог знает....

Он замолчал. В комнате стало так тихо, что было слышно, как билась об стекло залетевшая в комнату муха.

– Лиза! Помогите мне подняться, боюсь залежаться.

– Может,ждемся врача? – спросила она у Варшавского.

– Не стоит ждать врача. Я же не враг себе....

Она помогла встать ему с кровати. Он сделал шаг и снова повалился на кровать.

– Лиза! Открой дверь! Я тебе молока принесла, – послышался женский голос.

Евгений достал из-под подушки револьвер и, опираясь на трость, подошел к окну. Он отодвинул в сторону занавеску и увидел дородную женщину, которая стояла около калитки. Хозяйка дома вышла из двери дома и открыла ей калитку. Шагая по дорожке, они направились в сторону дома.

– Вы слышали, Лиза, что надумали эти советы? Они хотят организовать переселение рабочих из подвалов!

– Это дело хорошее....

– Да, вы что? Они хотят вселять этих рабочих в приличные дома. К моим соседям по дому уже поселили. Отобра-

ли у них две комнаты, оставив им небольшую комнатенку. Я как подумаю, что и меня могут уплотнить, так страх берет.

Женщина достала из корзины четверть с молоком и поставила ее у двери. Лиза достала деньги и стала с ней расчитываться.

– Лиза, душенька вы моя, откуда все это? – произнесла женщина и рукой указала на таз, в котором лежали окровавленные бинты.

Лицо хозяйки дома побледнело.

– Это ко мне племянник приходил. Играл в саду, да порезался сильно....

Торговка промолчала. Ее явно не устроил ответ хозяйки дома.

– Как он сейчас, ваш племянник?

– Слава, Богу. Все хорошо.....

Слушая их разговор, Варшавский нечаянно уронил на пол книгу, лежавшую на столе в зале.

– Это что у тебя там? – спросила торговка Лизу.

– Наверное, кошка. Кто еще может лазить в доме.

Торговка быстро распрощалась с хозяйкой и, семеня ногами, быстро двинулась дальше по улице.

– Мне нужно срочно уходить, – произнес Варшавский.

– Куда вы пойдете? Вы по комнате кое-как ходите. Что вы запаниковали? Я не думаю, что она побежала доносить на меня.

– Лиза! Вам тоже нужно уходить. Если они узнают, что вы

оказывали помощь офицеру, то они просто расстреляют вас.

Она села на стул и посмотрела на Варшавского.

– Мне некуда уходить. У меня кроме этого дома никого и ничего нет.

– Какая разница, просто, нужно срочно уходить.

Он проковылял в прихожую и стал надевать на себя шинель. Евгений услышал, что где-то недалеко от их дома остановился автомобиль.

– Лиза! У вас есть «черный выход»?

– Да, – коротко ответила хозяйка.

Она провела Евгения до кухни и рукой указала ему на дверь, которая выходила в сад.

– Ну что вы стоите, Лиза? Одевайтесь....

– Уходите, Евгений...

Она обняла его и поцеловала в губы.

– Бог даст, еще увидимся.

Он вышел из дома и оказался в старом саду. Опираясь на трость, Евгений направился в дальний конец сада. Со слов хозяйки, там должна была быть калитка. Он услышал звон разбиваемого стекла, обрывки выкриков. Сейчас он не сомневался в том, что на Лизу донесла торговка молоком, стараясь спасти свой дом от возможного подселения к ней рабочей семьи.

«У меня есть еще пятнадцать минут, а там они бросятся в погоню за мной, – размышлял он. – Что они сделают с Лизой? Зачем я себя спрашиваю об этом? Они ее уничтожат,

как уничтожили тысячи ей подобных».

– Гражданин! Остановитесь! Это ЧК!

Евгений продолжал ковылять к калитке, делая вид, что этот выкрик предназначен кому-то другому, но не ему. Он остановился лишь тогда, когда на его плечо легла тяжелая мужская рука.

– В чем дело? – произнес Варшавский, оборачиваясь к чекисту.

– Ваши документы, гражданин, – произнес мужчина средних лет, одетый в потертую кожаную куртку. – Я к вам обращаюсь!

Он еще что-то хотел сказать, но не успел. Евгений выстрелил ему в живот, не вынимая оружия из кармана шинели. Мужчина, схватившись за живот, медленно повалился около старой яблони. Он лежал среди спелых яблок, как-то неестественно поджав под себя ноги в стоптанных сапогах. Похоже, выстрел услышали в доме. В дверях показалась мужская фигура с зажатым в руке револьвером. Выстрел не позволил ему выйти из дома. Мужчина рухнул в кухню, дав Евгению еще лишнюю минуту, для побега. Он успел закрыть за собой калитку, прежде чем за его спиной раздался выстрел.

Нина достала из кармана жакета записку и вновь перечитала ее. Сунув ее обратно в карман, она подошла к женщине, которая торговала семечками.

– Гражданка! Вы не подскажите, как мне найти дом номер двадцать один?

– Да, вон он, – ответила она и рукой указала на угол двухэтажного дома, который был в метрах пятидесяти от них.

– Спасибо.

Она направилась к указанному ей дому, обходя большие и глубокие лужи, которые практически покрывали всю дорогу. Она остановилась напротив дома, стараясь угадать окна квартиры, в которую она направлялась. Она вошла в парадный подъезд дома, отметив про себя, бывшее его убранство. Поднявшись на второй этаж, она остановилась напротив двери, на медной дощечке которой была выгравирована фамилия обладателя этой квартиры. Она нажала на кнопку электрического звонка. Дверь осторожно приоткрылась, и она увидела седого небритого мужчину неопределенного возраста.

– Здравствуйте. Мне бы профессора Меньшикова?

– Кто вы барышня?

– Я от комиссара Горелова. У меня письмо к профессору. Мужчина на какой-то миг словно оцепенел, стараясь вспомнить человека с фамилией Горелов.

– Прохор Михайлович! Этот человек учился раньше у вас, а в 1918 году спас вам жизнь.

На лице мужчины появилась улыбка. Видно он только сейчас понял, от кого пришла эта милостивая девушка.

– Проходите. Прошу извинить за внешний вид...

Он пропустил Нину и закрыл за ней массивную дверь. Квартира профессора была довольно большой. Пока он переодевался, гостя прошла по всем комнатам. Она сразу отметила про себя отсутствия женской руки. То тут, то там на мебели были видны следы пыли.

– Прохор Михайлович! Как давно вы живете один? – спросила его Нина.

Он вышел из спальни и с любопытством посмотрел на нее.

– Почему вы так решили, что у меня нет жены?

– Я просто спросила вас. Прошу прощения....

– Чаю не желаете? Чай у меня знатный, из старых запасов.

– Давайте, я вам помогу. Где у вас кухня?

Нина передала ему письмо Горелова, а сама направилась на кухню, где стала готовить чай. Когда она зашла в зал с подносом, на котором стояли чашки и маленькие вазочки с вареньем, профессор уже закончил читать письмо.

– Вы знаете, милочка, о чем мне пишет комиссар Горелов?

– Нет, – коротко ответила девушка, расставляя чайные принадлежности на столе. – Интересно, о чем?

– Вы, оказывается, спасли ему жизнь, вот бы не подумал, глядя на вас. Он пишет, что вы смелая, образованная и главное честная девушка. Он просит меня взять вас на работу.

Девушка покраснела. Легкий румянец сделал ее лицо еще привлекательней.

– Вы когда-нибудь занимались химией? – неожиданно для

нее, спросил ее Прохор Михайлович.

– Только в объеме школы...

– Для начала это даже хорошо. Как вы смотрите на то, чтобы работать лаборанткой в нашей лаборатории. Оклад небольшой, но с голода не умрете. Можете пока жить у меня, а там посмотрим.

Она не ожидала подобного предложения и, покраснев в очередной раз, дала согласие.

Евгений укрылся за деревом, в надежде, что чекисты, выскочившие вслед за ним на улицу, не заметят его. Однако этого не произошло. Высокий худой мужчина указал им на дерево и чекисты стали окружать его. Варшавский достал из кармана шинели гранату и, сдернув чеку, швырнул ее в сторону врага. Грохнул взрыв, двое чекистов так и остались лежать на булыжной мостовой.

– Врешь, не возьмешь! – шептал он, стреляя из револьвера по чекистам.

Они словно по команде перестали стрелять.

«Видимо, ждут подмогу», – решил Евгений.

Он сделал шаг, и сразу прозвучало несколько выстрелов. Пули впились в ствол дерева.

«Вот и все, – подумал Евгений. – Поджали они меня, поджали. Если бы не раненая нога можно было попытаться вырваться из окружения, но с такой ногой остается, лишь до-

стойно умереть».

Он увидел, как из переулка показалось несколько человек с винтовками. Евгений нажал на курок, отметив про себя, как упал на землю один из них. Он сунул руку в карман и нащупал патроны. Их было мало, всего три патрона.

«Вот и все, отвоевался ты Варшавский, – подумал он, вставляя патроны в барабан револьвера. – И так, два патрона для красных. Последнюю пулю, для себя».

Раздалось несколько выстрелов, которые прижали его к дереву. Он отбросил трость в сторону, так как понял, что она ему больше не понадобится. Чекисты все плотнее и плотнее стягивали вокруг его кольцо окружения. Видя, что Евгений не стреляет, они стали активно совершать перебежки, все ближе и ближе приближаясь к дереву. Варшавский выглянул из-за дерева. Заметив перебегающего от дерева к дереву чекиста, нажал на курок «Нагана». Человек, словно споткнулся о невидимую преграду, упал на мостовую.

«И так, у меня осталось все два патрона, один из которых мой», – подумал он.

Пуля чекиста угодила ему в плечо. Он ойкнул и выронил револьвер.

– Кажется, попал! – донесся до него чей-то голос.

Варшавский поднял левой рукой револьвер и выстрелил на голос. Похоже, он тоже попал, так как до него донесся нечеловеческий крик. Так мог кричать лишь раненый человек. Он сполз по дереву и сев на землю прижался спиной к

стволу. Он посмотрел на небо, которое окрасилось в багровый цвет.

«Завтра будет дождь или сильный ветер, – почему-то подумал он. – Впрочем, какая разница, если все это я завтра не увижу».

Он прижал холодный ствол револьвера к своему виску. Он уже отчетливо слышал топот сапог, это к нему бежали чекисты.

– Раз, два, три, – сосчитал он и нажал на курок.

Выстрела он не услышал, патрон дал осечку. Кто-то выбил из его руки револьвер и навалился на него всем телом. От сильной боли, Евгений потерял сознание. Варшавский пришел в себя, почувствовав чье-то прикосновение к лицу. Он открыл глаза. Перед ним, наклонившись над ним, стоял мужчина, лет шестидесяти и пристально смотрел на него.

– Вот и хорошо, – произнес он. – Я думал, что вы впали в кому. Ранение у вас серьезное молодой человек. Пуля раздробила ключицу и застряла в теле. Вам срочно нужна операция, нужно извлечь пулю. Только кто вас будет здесь оперировать, им проще расстрелять человека, чем вылечить.

– Мне сейчас уже все равно. Я хотел застрелиться, но меня подвел патрон, дал осечку. Так, что я не имею никаких претензий к возможной жизни.

– Бог, мой! Это вы о чем? Вам еще жить и жить.

– Я не хочу жить, я хочу не существовать!

Дверной глазок открылся и Евгений увидел, что кто-то

внимательно наблюдает за тем, что творится в камере. Дверь с грохотом открылась и в дверях показалась крупная фигура надзирателя.

– Варшавский! На выход! – громко скомандовал надзиратель.

– Я не могу, у меня нет сил, подняться, – ответил он.

Надзиратель развернулся и скрылся за дверью. Евгений посмотрел на мужчину.

– Они сейчас придут с носилками, – произнес мужчина.

– Мне все равно.

Дверь снова с грохотом открылась. В камеру вошли два красноармейца с носилками.

– Давай, гад! Карета подана, ваше благородие.

Они положили его на носилки и вынесли из камеры.

Евгений с трудом сидел на стуле, который предложила ему Катерина Игнатьевна. Она внимательно наблюдала за тем, как врач делал ему перевязку. Когда тот закончил, она рукой указала ему на дверь. Когда они остались в кабинете один на один, она улыбнулась Варшавскому.

– Вот видишь, Евгений, я не такая страшная и гадкая, как обо мне писали ваши газеты.

– Зачем весь этот спектакль, если меня все равно расстреляете.

Она села за стол напротив него и долго всматривалась в

его лицо.

– Ты знаешь, Варшавский, ты мало изменился, все такой же. Ты мне не поверишь, но мне в последнее время не хватало тебя. Я так хотела увидеть тебя, поговорить... Ты знаешь, что

нет существа более жестокого, чем мужчина, который когда-то сходил по тебе с ума, а теперь, больше не любит. Нет ничего ужаснее для женского сердца, чем наблюдать за тем, как тот, кто говорил тебе: "Ты – моё всё", теперь делает вид, что тебя больше нет.

Евгений улыбнулся. Если честно, то он также хотел увидеть Катерину, поговорить с ней, понять, откуда вдруг у нее появилась такая патологическая жестокость. Вот теперь она сидит напротив него, разглядывая его, как какое-то ископаемое.

– Ты знаешь, Катя, я часто себя спрашивал, почему я полюбил тебя, а никакую другую женщину. Ведь еще тогда в поезде, я понял одно, что мы с тобой совершенно разные люди. Потом, когда ты появилась на Южном фронте, я никак не мог смириться с твоей жестокостью. Вот тогда у меня и появилось желание поговорить с тобой. Наверное, это глупо, но несколько раз мог убить тебя, но что-то в самый последний момент мешало мне сделать это. Тогда я понял, что мне трудно жить, трудно смириться с твоим отсутствием в моей жизни, когда ты была так необходима мне.

Катерина засмеялась. Смех ее был таким не естествен-

ным, что Евгений поморщился от него, как морщится человек от зубной боли.

– В какой-то момент я решил, что больше не собираюсь прощать тебя за то, что тебя больше нет в моей жизни. Я был сыт твоей нелюбовью по самое горло. Я оглох, от звенящей тишины, разрезающий воздух острым лезвием шашки. Я раньше не знал, что во мне может быть столько нежности... Подумать только – всего один человек раскрыл во мне целую лавину любви, готовую накрыть всё и всех вокруг! Он просто был!

Катерина слушала его внимательно. Теперь ей стало понятно, почему этот человек готов был умереть. Его толкала к смерти неразделенная любовь.

– Хочешь, я тебе помогу? Спасу твою жизнь?

Евгений усмехнулся.

– Зачем мне такая жизнь, в которой нет любви, нет России. Вы всегда будете ненавидеть меня за мою искренность, которая требует смелости. Требуется невероятная отвага. Чтобы обнажить свое сердце. Имей достаточно мужества для того чтобы ты лично убила меня, ведь счастье и любовь стремятся в открытое сердце.

Катерина засмеялась.

– Чего смеешься?

– Я почему-то вспомнила наши вечные споры о любви, мужестве, героизме. Могу сказать лишь одно, ты не изменился. Кругом кровь, революция, а ты все живешь роман-

тической жизнью. Видишь ли, мог застрелить и почему-то пощадил своего врага, не убил. Ты думаешь, я тоже должна тебя пощадить? Сколько ты порубал моих хлопцев, сколько повесил? Нет, Евгений, этого я тебе простить не могу! Так, что извини. И спасти я тебя тоже не буду. Я тебя просто проверила, бросила тебе соломинку надежды, думала, ухватишься. Ошиблась, прости. Я знала, что тебя просто не купишь, не напугаешь смертью. Так оно и произошло.

– Расстреляйте меня быстрее. Поверь, я уже больше не могу смотреть, как вы насилуете Россию. Ведь она для вас, большевиков, лишь маленький шаг к мировой революции. Мне страшно представить, сколько вы еще прольете нашей крови.... Не смотри на меня, ведь самое страшное – это когда человек снова зажигает огонь ненависти в твоём потухшем сердце. Не проникай в мою душу, ты там все равно ничего не увидишь. Я солдат и воевал, как солдат не жалея себя и врага. Скажи, что тебя заставляло убивать безоружных людей. Вы убили моего отца лишь за то, что он лечил людей! О боже, ты вся в крови, Катерина. Смотри не утони в ней!

Варшавский замолчал и отрешенно посмотрел на окно, на карнизе которого сидела какая-то маленькая серенькая птаха. Катерина, поймав его взгляд, повернула голову в сторону окна. Птичка, взмахнув крыльями, улетела.

«Как и моя жизнь – взмахнут рукой, и полетит моя душа....», – подумал Евгений.

– Конвой! Уведите арестованного! – строго скомандовала

Катерина.

Его подхватили под руки и выволокли в коридор, где он потерял сознание от боли.

Евгений не спал всю ночь. Сильные боли в плече и ноге не давали ему возможности занять какое-то удобное положение на полу. В небольшой камере находилось около пятидесяти человек. Среди них были не только офицеры Добровольческой армии, но гражданские люди, которые не подпадали под понятие пролетариата. Несмотря на осень, в камере было душно. Сильно воняла параша, которую не выносили уже третьи сутки.

Варшавский снова попытался задремать, но сосед по камере, молодой прапорщик во сне пнул его ногой. Удар хоть и был не очень сильным, однако в глазах Евгения заплясали разноцветные круги, которые слились в какое-то темное пятно. Он застонал от боли и отодвинул от лица подошву сапога прапорщика. Сколько прошло времени, он не знал, но боль стала затихать. Он словно провалился в какую-то темную бездонную яму. Перед глазами поплыло село Лежанка. Почему именно это село, он не знал.

Бух, бух ухали орудия. Это красная артиллерия обстреливала из села цепи Корниловского полка, который атаковал позиции красных. Над головами атакующих офицеров прожужжала шрапнель и высоко, впереди них, разорвалась

белым облачком. Все смолкли, уже неслышно стало криков «ура», цепи словно наткнулись на какую-то невидимую глазу стену, замерли на месте. Где-то совсем рядом послышалась частая стрельба, заливался непонятно чей-то пулемет.

«Все ясно, первая цепь была встречена огнем красных пулеметов, – решает он. – Сейчас наступит их черед».

Конь под ним танцует, словно хорошо понимает, что через минуту-другую седок заставит его броситься под огонь пулеметов. Варшавский находит глазами полковника Свиридова. Он видит его по белевшее от напряжения лицо. Наконец полковник выхватывает из ножен шашку. Конная лава с визгом и криками помчалась на красных, обходя их с флангов. Красные дрогнули, и стали поспешно отходить. Бросая орудия и пулеметы. Евгений в этом бою зарубил пулеметчика китайца, у которого перекосило ленту пулемета и он, бросив его, побежал вдоль улицы. Из хат стали выводить пленных красноармейцев. Их было около шести десятков пестро одетых людей, многие из них были одеты в шинели, без шапок, без поясов, головы и руки у всех их опущены. По дороге их обогнал полковник Свиридов. Осадив коня, он остановился. Встав на стремянах, он громко закричал:

– Желаящие пустить пулю, этой красной сволочи есть?!

Варшавский оглянулся на своих офицеров.

«Вдруг никто не пойдет?» – пронеслось у него в голове.

Вышли человек пятнадцать.

– Евгений! Присоединяйтесь!

– Прошу прощение, господа. Я офицер, а не палач. В пленных не стреляю....

– Слюнтяй! Гимназист. Хочешь чистеньким быть.

Он взял коня под уздцы и направился в сторону от оврага, в котором и должно было все произойти. Прошла минута. До него долетела команда – пли! Раздался сухой треск выстрелов, крики, стоны... Пленные падали друг на друга, а шагов с десяти, плотно вжавшись в винтовки и расставив ноги, по ним стреляли офицеры Корниловского полка.

Некоторые расстреливавшие офицеры, молча, отходили от оврага, другие, медленно перешагивая через тела поверженных им врагов, добивали раненых штыками и прикладами. К Варшавскому подошел штабс-капитан, лицо у него как у побитого.

– Что не нравится? И мне не нравится, но это война, поручик. Может быть, эта сволочь, что лежит в овраге, моих родителей в Ростове перестреляла!

– Давайте без истерик, капитан. Сейчас, можно стало все оправдать, любое убийство, любой расстрел. Но я пленных все равно убивать не буду.

День медленно клонился к ночи. Сотня двинулась из села, оставив пехоту в домах, в которых еще утром отдыхали красные. Меж синих туч медленно опускается красное солнце, обливая все багряными, алыми лучами...

Утро выдалось холодным и дождливым. Дождь словно барабанщик, монотонно стучал в зарешеченное окно. С моря дул сильный ветер, который гонял по небу темные свинцовые тучи. Где-то в тюремном дворе сухо шелкали винтовочные выстрелы. Все арестованные хорошо знали, что это расстреливали их арестованных товарищей.

Евгений сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Сильно болели недавно полученные раны. Особо беспокоила раненое плечо. Где-то в дальнем конце тюремного коридора слышались гулкие шаги конвоя. В камере вдруг стало очень тихо, так как все сидевшие в ней люди, хорошо знали, что так шагала тюремная расстрельная команда. Каждый из них почему-то в этот миг подумал о Боге и просил его о пощаде. Шаги стихли около соседней камеры.

– На выход!

Кто-то громко зачитывал фамилии, приговоренных к казни людей.

– Дяденька! Помилуйте! Неповинный я! – раздался детский голос. – Да, я ей Богу нигде не был. Не убивайте меня!

– Прощайте господи! – эхом разнеслось по коридору.

Сидевший напротив Варшавского молоденький прапорщик, вдруг зарыдал, уткнув свое лицо в фуражку.

– Не плачь! – строго произнес Евгений. – Ты же офицер, а не гимназист! Слезами их не разжалобишь!

– Поручик! Разве вы не боитесь смерти? – спросил он Варшавского. – Странно. Я думал, что все боятся смерти!

– Куда нам деваться, прапорщик. Бойся не бойся, все равно расстреляют. Просто, советую вам смириться с этим, и не вздумайте падать перед ними на колени.

Снова зазвучали выстрелы. Напряжение в камере нарастало. По коридору снова, уже в который раз загремели шаги конвоя. Шаги приближались. Многих арестантов охватил ужас. Дверь со скрипом открылась и в камеру, в сопровождении двух красноармейцев, вошел мужчина средних лет одетый в кожанку. Он, молча, достал из внутреннего кармана куртки листы – расстрельные списки.

– Гаранин! Гупало! Швецов! – монотонно перечислял он фамилии арестованных.

Последним в списке оказался прапорщик. Он испуганно посмотрел сначала на красноармейцев, а затем перевел свой взгляд на Варшавского.

– Смелее, прапорщик, – стараясь взбодрить его, произнес Евгений. – Смелее....

Он мотнул головой и последовал вслед за другими арестованными. Прапорщик остановился около двери и снова посмотрел на Варшавского. Махнув обреченно рукой, он вышел из камеры. Тюремный двор снова наполнился грохотом выстрелов. Евгений закрыл глаза, стараясь не думать о том. Что его ожидает через полчаса. Рядом с ним, тихо молился мужчина, в прошлом, имевшим небольшой винокуренный заводик.

– Отче наш.... – донеслось до поручика.

– Не переживайте, – тихо произнес Евгений. – Бог примет всех....

– Я тоже так думаю, – ответил мужчина. – Примет ли он души убийц, сказать не берусь.

В очередной раз загремели подкованные сапоги караула. Дверь камеры с грохотом открылась, и все тот же мужчина в кожанке вошел в камеру.

– Ну что, господа буржуи, вот и пришел ваш последний час, – произнес он и громко рассмеялся. – Ну, кто готов?

Варшавский с трудом поднялся с пола. Он, молча, застегнул шинель и с вызовом посмотрел на чекиста.

– Я готов, господин чекист, – громко произнес он и качнулся в сторону.

Его поддержал мужчина, с которым он разговаривал минуту назад.

– Будьте добры, помогите мне дойти до стены, – обратился к нему Евгений.

Тюремный двор был не очень большим. На небольшой площадке у стены в разных вывернутых позах лежали убитые. Налетел ветер, поднимая волосы убитых, он шевелил их одежды, а они неподвижно лежали, словно стараясь запомнить лица тех, кто лишил их жизни.

К убитым подъехала телега. Управляла ей уже не молодая женщина, одетая в черный жакет Она ловко слезла с телеги, подошла к телам и стала рассматривать их. Тех, кто лежал вниз лицом, она приподнимала и опять осторожно опуска-

ла, как будто боялась сделать им больно. Евгений видел, как она, плача, укладывала одно мертвое тело за другим. Тяжелые непослушные тела, словно, не хотели лежать на телеге, свешивая с нее, то руки, то ноги Телега, скрипя колесами, тихо уехала... Их выстроили в ряд у стены. Евгений посмотрел на окна административного здания тюрьмы. В одном из них он увидел Катерину, которая наблюдала за казнью. Увидев, поручика Варшавского, она отошла от окна.

– Приготовиться! – громко скомандовал чекист.

Красноармейцы вскинули винтовки. Из-за тучи выглянуло солнце и весело заплясало на гранях штыков. Он снова посмотрел на окно, но там никого не было. Солнце сверкнуло, заставив Евгения закрыть глаза.

– Пли!

Залп вышел не совсем дружным и точным. Упало шесть человек, в том числе и Варшавский.

– Пли! – последовала новая команда.

Что-то сильно толкнуло Евгения в грудь. Он медленно сполз по стене, окрасив ее своей кровью.

– Всех добить!

Он открыл глаза и посмотрел на безусого красноармейца, который уперся в его грудь штыком. Последнее что услышал Евгений, был хруст входящего в его тело штыка. А где-то, совсем рядом, шумело море.